

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 3 (69), № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2017

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ №ФС77-61791 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского, протокол № 10 от 23 ноября 2017 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

1. **Непомнящий Андрей Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» – главный редактор.
2. **Близняков Роман Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. **Борщик Наталия Дмитриевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
4. **Герцен Александр Германович** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
5. **Ишин Андрей Вячеславович** – доктор исторических наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории России Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
6. **Науменко Валерий Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
7. **Петрова Элеонора Борисовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
8. **Платонова Надежда Игоревна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. **Романько Олег Валентинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
10. **Тихонов Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. **Тункина Ирина Владимировна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. **Хлевов Александр Алексеевич** – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
13. **Храпунов Игорь Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
14. **Щевелев Сергей Стефанович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Подписано в печать 23.11.2017. Формат 70х100 1/16.

Усл. п. л. 13.98. Заказ № НП/135. Тираж 50 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 13.02.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 930.2

КОНЦЕПЦИЯ «ВОСПРИЯТИЯ ВЕЩЕЙ» (感物 ГАНЬ У) В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ: ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ

Бонч-Осмоловская О. А.

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: olga.bonch.osmolovskaya@gmail.com

Исследованы истоки одной из ключевых концепций конфуцианской философской мысли – «гань у» («восприятие вещей»). Данная концепция раскрывает сферу взаимодействия индивидуального сознания человека и окружающего мира. В основе традиции интерпретации концепции *гань у* лежит теория взаимодействия сознания с внешним миром, как она представлена в 31-й гексаграмме *Сянь* (Взаимодействие) «Канона перемен» и комментариях к ней. В статье представлен подробный анализ этой гексаграммы, а также разницы между процессами *сянь* и *гань у*. Разбирается, какой смысл стоит за принятыми терминами: какие именно «вещи» имеются в виду, как человек их «воспринимает», что именно характеризует весь процесс, вызванный «движением» человеческих страстей? Анализ истоков данной концепции производится в статье на базе комплекса письменных источников, позволяющих наглядно проследить ее становление и развитие.

Ключевые слова: *гань у*, восприятие вещей, китайская философия, конфуцианство, неоконфуцианство, И цзин, Ши цзин, Канон песен, Канон перемен.

Отправным пунктом нашего анализа станет фраза выдающегося неоконфуцианского мыслителя Чжу Си (朱熹, 1130–1200) из его предисловия к «Канону песен» (*Ши цзин*):

«Человек рождается и пребывает в покое – это Небесная природа. Воспринимает вещи (*гань у*) и приходит в движение – это страсти природы. Если уже есть страсти, то невозможно не иметь мысли. Когда уже есть мысли, то невозможно не иметь слов (речи. – О. Б.-О.). А когда говоришь, тогда то, что слова не могут до конца выразить, проявится в избытке, состоящем из вздохов и напевов. Непременно имеется естественный звуковой ритм, и он не может иссякнуть! Так был создан “Ши [цзин]”» [1, с. 1а].

Первые несколько фраз (до слов «это страсти природы») Чжу Си позаимствовал из *Юэ цзи* («Записок о музыке»), о которых речь пойдет ниже. Однако затем он уже самостоятельно выстроил четкую логическую последовательность создания канонического текста, в основание которой положена концепция восприятия мира индивидуальным сознанием. Согласно его рассуждению, изначально человек рождается спокойным, однако он неизбежно взаимодействует с окружающим, воспринимает некие «вещи», из-за чего выводится из состояния первоначального покоя. В результате у него появляются страсти (*юй*) и мысли (*и*), что выливается в речевые акты (*янь*), а в случае невозможности выразить мысли в словах – в ритмичные напевы, декламацию. «Канон песен» состоит из 305 песенно-поэтических произведений, поэтому вопрос о природе его возникновения вполне

уместен в предисловии к нему. Соответствующий ответ Чжу Си, казалось бы, понятен. Китайский глагол *гань* («воспринимать/соприкасаться») имеет ряд синонимичных значений: «чувствовать», «воспринимать», «растрогаться». Существительное *у* («вещи») в переводе обычно выглядит самоочевидно и чаще всего предполагает окружающий чувственный мир, «внешние» материальные объекты, которые человек воспринимает своими органами чувств. «Человек воспринимает окружающие его вещи» – смысл фразы достаточно прост для перевода.

Но даже на этом начальном этапе анализа перед нами встает ряд серьезных вопросов. Ответы на них невозможно свести к простому подбору соответствующих словарных значений – философский характер всего текста комментария этого не позволяет. Поскольку именно «восприятие вещей» было положено в основу создания поэтического (а в данном случае еще и канонического) произведения, то представляется первостепенно важным понять, какой смысл стоит за принятыми терминами? Какие именно «вещи» имеются в виду, как человек их «воспринимает», что именно характеризует весь последующий процесс, вызванный «движением» страстей?

Концепция «восприятия вещей» раскрывает сферу взаимодействия индивидуального сознания и окружающего мира. Этот процесс, как он представлен в неоконфуцианской философии, далек от схематизма и редукции к простой констатации чувствования окружающих предметов. Если обратиться к источникам по данной проблеме, то станет очевидным: в самой китайской традиции не существовало однозначного определения для этого процесса. С течением времени смысл концепции «соприкосновения с вещами» углублялся и трансформировался. Важность ее для конфуцианской философии как таковой представляется несомненной. В то же время традиционная китайская культура постепенно осваивала и интегрировала указанную концепцию на самые базовые уровни различных теорий, таких как теория музыки и литературного (в первую очередь, поэтического) творчества.

1. ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ

1.1. Несколько предварительных замечаний требуют два иероглифа, составляющие название рассматриваемой нами концепции: «чувствовать», «ощущать» (感 *гань*) и «вещь», «объект» (物). Необходимо уточнить, какие «вещи» имелись в виду – только чувственно воспринимаемые предметы или умозрительные явления тоже? К примеру, в русском языке материальные объекты отнюдь не исчерпывают всей полноты значений этого слова. Под «вещью» в широком смысле – и в разговорной речи, и даже в философском дискурсе – могут пониматься самые различные предметы или явления, причем не только материальные, но и совершенно умозрительные. Поэтому в дополнение к первому вопросу может возникнуть и другой: правомерен ли в данном случае перевод слова *у* «вещью», если да, то какой конкретно смысл применительно к этой концепции в него вкладывался китайскими мыслителями?

Существуют разные варианты перевода китайского слова *у* на русский язык: вещь, предмет, объект, существо, тварь, «не-Я» [2, с. 449]. Все эти значения обусловлены полисемантичностью китайского иероглифического знака, контекстуальными особенностями. В нашем случае наиболее адекватным представляется перевод просто словом «вещь». Именно вещью как таковой, во всем многообразии своего смыслового наполнения включающей все вышеперечисленные варианты перевода как *признаки*. Каждый из этих последних уже в том или ином ключе интерпретирует эту вещь, мы же пока хотим этого избежать. Нужно сначала ответить на первый вопрос: какие вещи тут имеются в виду?

Известно, что слово *у* равным образом подразумевает не только неодушевленные материальные предметы, но и одушевленные, например людей и животных [3, с. 85–95]. Кроме того, не раз отмечавшийся «событийный» характер китайской вещи, т. е. понимание каждой вещи как процесса, а не как чего-то законченного и статичного, еще больше расширяет круг явлений, подпадающих под это определение. К этому следует добавить, что *у* также могло означать и «вещь», находящуюся исключительно в мышлении, т. е. постигаемую умозрительно. Здесь логично будет обратиться к сборнику бесед Чжу Си с его учениками *Чжу-цзы юйлэй* (朱子語類 «Беседы Чжу-цзы») [4], где их диалоги запечатлены такими, какими они и были – в разговорном стиле речи, но при этом без снижения сложности и глубины разбираемых проблем. Анализ употребления слова *у* в этих диалогах (для анализа были выбраны первые шесть *цзюаней* сборника, которые посвящены наиболее важным и базовым категориям неоконфуцианской философии) позволил выявить как минимум два основных варианта словоупотребления. Первый, где *у* – в классической для него роли одушевленного или неодушевленного объекта материального мира, чего-то «внешнего». Может обозначать и конкретный предмет, и вещь как частицу сущего, наличного (*вань у* – десять тысяч вещей) – именно в таких случаях приходится задействовать разные варианты перевода этого слова, потому что здесь эта «вещь» каждый раз предстает в виде *чего-то*:

若一例如此氣緊，則人與物皆消磨矣！«Ровно насколько энергия-*ци* крепка, настолько все люди и *предметы* – изнашиваются и исчезают» (2 цз.).

天下無無生之物 «В Поднебесной нет *вещи*, не обладающей [изначальной Небесной] природой» (4 цз.).

Второй вариант – это пример редкого, но достаточно регулярного употребления слова *у* для обозначения предмета мышления/разговора, т. е. чаще всего объектов не материальных:

義是剛底物，合屬陽；仁是柔底物，合屬陰 «Долг – это твердая *вещь*, целиком относится к *Ян*. Гуманность – это мягкая *вещь*, целиком относится к *Инь*» (6 цз.).

問：“仁是天地之生氣，義禮智又於其中分別。然其初隻是生氣，故為全體。”
曰：“然。”問：“肅殺之氣，亦隻是生氣？”曰：“不是二物，隻是斂些。春夏秋冬，亦隻是一氣。《Спросили: “Гуманность – это живая энергия-*ци* Неба и Земли. Долг, ритуал и мудрость – разделены в ней. Однако изначально она является только живой энергией-*ци* и поэтому образует целостную сущность”. Ответил: “Это так”. Спросили: “А энергия ледящего [до смерти] холода – это тоже лишь живая

энергия?» Ответил: “Это не две [разные] вещи, а все собрано воедино. Весна, лето, осень зима – все лишь только одна энергия-ци”» (6 цз.).

道即性，性即道，固隻是一物。«Дао-путь именно и является Небесной природой, Небесная природа именно и является Дао-путем – по существу, это только одна вещь» (5 цз.).

Из приведенных примеров видно, что Чжу Си нередко использовал слово у для обозначения отвлеченных понятий, этических норм и философских категорий. Это дает нам возможность полагать, что в рамках рассматриваемой нами концепции под «вещами», воспринимаемыми человеческим сознанием, он подразумевал как чувственные, так и умозрительные предметы. Тем более тезис о том, что человек нередко намного напряженнее размышляет о вещах отвлеченных, чем о материальных, выглядит достаточно непротиворечиво. Способность человека к мышлению дала ему неограниченные возможности мыслить отнюдь не только образы вещей из чувственного мира, но с тем же успехом и то, что невозможно свести к материальному предмету.

Далее, по Чжу Си, восприятие вещей приводит сознание человека в движение (動 дун), которое замутняет изначальную Природу человека желаниями и страстями. Следуя этой логике, лишь только в сознании человека появляется мысль о какой-либо вещи, она произвольно или непроизвольно оценивается им, рассматривается под разными углами зрения. Фактически вещь может быть одна-единственная, а чувств относительно нее может возникать бесконечное множество. Вернее, одна и та же вещь, будь то кот, книга или милосердие, будет представляться по-разному, в зависимости от тех чувств, с которыми мы ее оцениваем – с радостью или печалью, гневом или страхом. Все это будут бесконечные интерпретации, в терминах А. Ф. Лосева, символического «самого самого» вещи [5, с. 332–335]. «Страсти» (юй) в конфуцианстве никогда не оценивались положительно – это всегда то, что приводит в хаос человеческую природу и способствует его наискорейшему моральному падению. Вот как категорично отзывался об этом Сюнь-цзы: «[Человек] рождается и уже обладает пристрастиями (юй) в том, что видеть и что слышать. Через это ему нравятся утехы, и он идет у них на поводу. Поэтому он делает жизнь разгульной, приводит ее в хаос, а ритуал, долг, культура и принципы погибают» [6, Цз. 17. с. 1а–1б].

Возникает вопрос, почему таким сомнительным способом был создан *Ши цзин*, не какой-то обычный поэтический текст, а самый что ни на есть канонический – эталон китайской поэзии? Ведь его творцами оказываются люди, обуреваемые страстями. Этим вопросом задался и тот, кто якобы беседовал с Чжу Си. Для наглядности приведем фрагмент из их диалога:

«Спросили: “Так при помощи чего же он («Канон песен» – О.Б.-О.) может наставлять?”

Отвечаю: “*Ши* – это избыток (юй), оформившийся в словах тогда, когда человеческое сознание стало воспринимать вещи. В том, что сердце воспринимает, есть ложное (邪 се) и правильное (正 чжэн). Поэтому то, во что это оформляется, может быть и правдой, и ложью. Лишь совершенномудрые находятся в Вышине, и то, что они воспринимают, не может быть неправильным, а все, сказанное ими,

обладает нужными качествами, чтобы наставлять» [1, Сюй (Предисловие), с. 1а–1б].

Как видим, в тексте четко проводится граница между тем, что может воспринимать обычный человек, и тем, что воспринимает совершенномудрый. Согласно традиционной конфуцианской версии, в наиболее сакральных частях *Ши цзин* содержится произведения, сочиненные совершенномудрыми правителями древности, эти песни (а также оды и гимны) считаются 正 (чжэн) «правильными», «выправленными». Там же, где песни приписываются обычным людям, они, если и не 邪 (се) – «искаженные», «ложные», чаще всего 不正 (бу чжэн) – «не выправленные» или 變 (бянь) – «измененные».

Возвращаясь к рассмотрению процесса восприятия вещей, Чжу Си далее говорит, что желания влекут за собой *размышления* (思 сы). Это интересный момент, потому что использование именно этого иероглифа вряд ли случайно, ведь в первую очередь он означает: «[философски] мыслить», «обдумывать». Еще в древнем словаре *Шо вэнь* этот иероглиф объясняется через слово жун 容 – «содержание», «вмещать в себя», что вполне характеризовало его смысловое наполнение и позднее – детально размышлять о некотором предмете, рассматривая его с разных сторон. Уже в высказываниях Конфуция встречаются примеры такого употребления: «Учиться и не размышлять – пустое дело, но размышлять и не учиться – занятие опасное» (II, 15); «Случалось, что я целыми днями не ел и целыми ночами не спал, посвящая их размышлению. Но от этого нет пользы. Лучше – учиться» (XV, 31) [7, Т. II, с. 323]. По Чжу Си, размышления обретают оформленность в рамках родной для человека языковой системы, таким образом они выражаются в словах (янь).

Теперь, когда основные элементы и этапы процесса «восприятия вещей» в самых общих чертах нами рассмотрены, своевременным будет обратиться к самому термину «восприятие» и уточнить некоторые его особенности.

1.2. В соответствующей словарной статье авторитетного словаря иероглифов Канси содержится отсылка к 31-й гексаграмме «Канона перемен» как источнику смысловых значений иероглифа 感 гань [8, с. 115]. Верхняя часть этого иероглифа и составляет название гексаграммы – «Взаимодействие» (咸 сянь).

Следует задаться вопросом, отчего при тождестве значений в нижней части иероглифа гань все же присутствует ключ «сердце-сознание» (心 инь)? В словаре *Шо вэнь цзе цзы* дается следующее объяснение иероглифа сянь: «вместе» (皆 цзе), «полностью» (悉 си) [9, Цз. 2, с. 10а]. То есть основная характеристика сянь – это всеохватность, целостность, свойственная всему процессу и в равной степени каждому, кто окажется в него вовлеченным. Гань такой всеохватностью не обладает, потому что связано с индивидуальным сознанием человека, от которого необходимо отрешиться для целостного и безграничного восприятия/взаимодействия. Один из основоположников сунского неоконфуцианства Чэн И (程頤, 1033–1107) пишет:

«Сянь, это “восприятие” (感 гань). [В названии] не говорится гань, [потому что] сянь обладает смыслом “все вместе” (полностью – О.Б.-О.)» [10, Цз. 3, с. 2а].

Небезынтересны также рассуждения юаньского каноноведа Ху Бин-вэня (胡炳文, 1250–1333) по этому поводу:

«Сянь – это “полностью”. Бессознательное (无心 у синь, букв. «без сердца» – О.Б.-О.) восприятие. Нет места, куда бы не проник тот, кто воспринимает бессознательно. Если воспринимает, то обязательно проникает. Тогда “благоприятность” (利 ли) заключается в “правильности” (正 чжэн). Говорят, что Дао-путь восприятия таков» [11, Цз. 2, с. 2а].

Если «правильность» Дао-пути взаимодействия нарушается, то «мужчины и женщины будут развращены, между государем и слугами будут [одни только] льстивые речи, а верхи и низы испортятся, став порочными» [10, Цз. 3, с. 26].

Помимо этого необходимо отметить, что у гексаграммы *сянь* имеется парная ей гексаграмма 52 – *гэнь* (艮) «Сосредоточенность». Ее образный ряд также отсылает к частям человеческого тела, как и в случае *сянь*, и развиваются они по сходному сценарию. Но если в гексаграмме *сянь* акцентируется момент движения и взаимодействия, то в гексаграмме *гэнь* подчеркивается ее связь с состоянием покоя, концентрация и сосредоточенность на каждом отдельно взятом моменте-состоянии.

1.3. Перейдем непосредственно к самому тексту *И цзин*. В «Каноне перемен» существует два раздела – «верхний» и «нижний», и гексаграмма *сянь*, которая следует по счету 31-й, открывает нижний раздел. В комментарии на «Канон перемен» Чжоу и чжэн и («Правильное толкование «Чжоу И»»), Кун Ин-да (574–648) определяет этот раздел как «проясняющий дела людей» (*мин жэнь ши*), в то время как первый – «проясняющий Дао-Путь Неба» (*мин тянь дао*) [18, Цз. 7, с. 1а]. Весьма показательно, что именно с гексаграммы *сянь* начинается непосредственное объяснение практической деятельности человека. В комментарии Чэн И к самому названию гексаграммы подробно разворачивается вся последовательность событий:

«После Неба и Земли появляются десять тысяч вещей, после десяти тысяч вещей – мужское и женское начала, после мужского и женского начал, появляется муж и жена. После мужа и жены появляются отцы и сыновья. После отцов и сыновей – правители и сановники. После правителей и сановников появляются верхи и низы, а после верхов и низов – ритуал и должная справедливость, которые связывают Небо и Землю. Небо и Земля – основа десяти тысяч вещей, а супружеская пара – начало этических норм взаимоотношений людей. Поэтому “Верхний раздел” “Канона перемен” начинается с гексаграмм *цян* и *кунь*¹. А “Нижний” – с гексаграммы *сянь*, которая продолжается в *хэн*². Небо и Земля – это две вещи, поэтому и есть две гексаграммы, разделяющиеся на Дао-путь Неба и Земли. Мужское и женское соединяются, и образуется супружеская пара, поэтому “Взаимодействие”, и “Постоянство” – это две сущности (букв. «два тела», *эр ти* 二體). Соединяясь, [они] составляют смысл отношений между мужем и женой» [10, Цз. 3, с. 1а–16].

И цзин пропитан древним миропониманием людей. Данное миропонимание основывалось на глубинной связи с природой и сакральным миром духов, что накладывало отпечаток на уклад жизни людей. Независимо от степени абстрактности философских построений, с которыми мы сталкиваемся, изучая

¹ Соотносятся с гексаграммами 1 и 2 «Творчеством» и «Исполнением».

² Гексаграммы 31 и 32 «Взаимодействие» (*сянь*) и «Постоянство» (*хэн*).

комментаторскую литературу более позднего времени, необходимо удерживать в качестве исходного пункта рассуждений наиболее архаичный смысл гексаграммы «Взаимодействие» – то, чем будет ознaменовано начало человеческой деятельности и семейной жизни – образ первой брачной ночи. Кроме того, китайские канонические тексты зачастую подразумевают многоуровневость смыслового содержания, которую необходимо учитывать. Помимо буквального прочтения канонический текст осложняется сопутствующими аллегорическими и символическими коннотациями.

Разберем смысловую структуру гексаграммы более детально, исходя из сложившейся конфуцианской комментаторской традиции. Если разделить гексаграмму на две составляющие триграммы, то, согласно символическому коду «Канона перемен», мы получим следующий набор семантических значений. Сверху – «водоем», снизу – «гора», соответственно снизу – «младший сын», сверху – «младшая дочь» (Рис. 1).

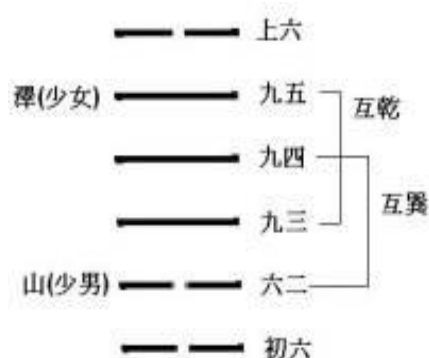


Рис. 1. 31-я гексаграмма «Канона перемен» – «Взаимодействие» (咸 *сянь*).

Нужно отметить, что между шестью чертами в гексаграмме, согласно традиционному подходу, существуют особые типы связи, коих есть несколько видов. Можно выделить четыре типа – *чэн*, *би*, *ин* и *чэн*. Условно их названия можно перевести так: *чэн* 承 как «наследование», *чэн* 乘 как «восхождение», *би* 比 как «сопоставление» и *ин* 應 как «отклик».

1. Когда иньская черта сменяется сверху янской, то это связь *чэн* (承).
2. Когда иньская черта сверху, а ниже ее идет янская, говорят, что это связь *чэн* (乘).
3. Поочередную связь двух соседних черт называют *би* (比) – 1 и 2, 2 и 3, 3 и 4 и т. д.
4. Наконец, 1 и 4, 2 и 5, 3 и 6 черты имеют связь *ин* (應).

Таким образом, каждая черта нижней триграммы откликается на парную ей черту верхней триграммы. «Отклики», в свою очередь, бывают двух типов – правильными и неправильными. «Правильный» – это тогда, когда одна черта янская, а другая – иньская. Если же они обе янские или обе иньские – отклик будет неверным [Подробнее см. 13, с. 44].

Начальная черта (слабая, иньская) – находится внизу гексаграммы, здесь процесс только начинается, поэтому в афоризме написано: «Взаимодействие. [Оно касается лишь] твоего большого пальца на ноге» (Щуцкий, 1997, с. 262). «Хоть воля и движет, но соприкосновение еще не сильное – это подобно тому, как движения большого пальца на ноге еще недостаточно, чтобы продвинуться вперед» (И-чуань и чжуань, 1986, Цз. 3, с. 4а). Чжу Си специально отмечает:

«Взаимодействие воплощается посредством человеческого тела, поэтому для начала процесса берется образ большого пальца ноги. Взаимодействие еще поверхностно и желание продвинуться вперед не может быть осуществлено, поэтому и об удаче или неудаче ничего не говорится» [12, Цз. 2, с. 16].

Вторая черта (тоже слабая, иньская) – «правильно откликается» на пятую черту. Вторая черта находится посередине нижней триграммы, поэтому в афоризме говорится: «Взаимодействие. [Оно касается лишь] твоих голеней» [14, с. 262], ведь как педантично объясняет один из наиболее ярких конфуцианских мыслителей эпохи Юань У Чэн (吳澄 1249–1333), «[голень] находится выше лодыжки, ниже колен, в центре ноги. [Это] середина нижней триграммы, поэтому образ голени» [15, Цз. 2, с. 16]. На этом этапе «если пребудешь [на месте, то будет] счастье» [14, с. 262]. Какой смысл вложен сюда комментаторами? Второй черте нужно, никуда не двигаясь, ждать соприкосновения с пятой чертой. Образ «покоящегося на месте» соответствует образу всей нижней триграммы – образу горы. Конфуций именно с горой ассоциировал человека, покоящегося в гуманности (Лунь юй, VI-23). А если же эта черта, как говорит Чэн И, «безрассудно потеряет себя» [10, Цз. 3, с. 5а] и двинется вперед, то будет несчастье. Чжу Си пишет, что «вторая черта обладает правильной силой-дэ срединного [положения] и может пребывать на своем месте, поэтому в гадании [сказано, что] движение к несчастью, а покой – к счастью» [12, Цз. 2, с. 26].

Третья черта (сильная, янская). У Чэн метафорически объясняет образ этой черты так: «Четвертая черта – туловище, вторая – голень. Третья – выше голени, но ниже торса, [поэтому] третья черта – бедро». Голень следует за бедром и движется. Голень движется, поэтому и бедро движется. Вторая черта соприкасается с третьей, и третья тоже соприкасается со второй. Поэтому сказано: «Взаимодействие. [Оно касается лишь] твоих бедер» [14, с. 262]. Следуя этому образному ряду, выясняем, что бедро следует за туловищем и не может быть свободно в движении, поэтому положение у него самое «пограничное» и опасное.

Третья черта в первую очередь соотносится с верхней иньской чертой, в которой взаимодействие достигает предела. В комментарии Чжу Си читаем, что две нижние черты (начальная и вторая) были иньскими, взаимодействовали с вещами и находились в движении – и это соответствовало их природе. Но вот третья, хоть и обладает всеми качествами *ян* (значит, ей бы стоило оставаться в состоянии покоя), движется, следуя (*суй* 隨) за иньскими чертами (начальной и второй), и «не владеет» собой [12, Цз. 2, с. 2а]. Поэтому в комментарии к черте говорится: «Выступление приведет к сожалению» [14, с. 262]. Если попробовать «выступить» (начать действовать) в таких обстоятельствах, то можно впоследствии пожалеть об этом.

Четвертая черта (янская, сильная). Относительно данной черты в комментаторской литературе содержатся наиболее пространственные рассуждения, так как по единогласному заключению мыслителей эта черта в гексаграмме главная и наиболее сложная для понимания.

Образ у этой черты – «сердце», то есть именно ее значение будет ключевым, на нем замыкается весь процесс взаимодействия. «Четвертая девятка находится выше бедра, ниже спины, является центром среди трех *ян*, [это] образ сердца, в [гексаграмме] *Сянь* она главная (букв. *чжу* 主 «хозяин») [12, Цз. 2, с. 2а].¹

Данная черта в гексаграмме находится между двумя янскими чертами. Из-за этого у нее нет возможности соприкоснуться ни с верхней чертой, из-за ограниченности со стороны пятой черты, ни с нижней, так как тут барьером служит третья. Между тем в комментаторской литературе содержится намек, что если бы она смогла осуществить «правильный отклик» и поменяться местами с начальной нижней чертой, то «обрела [бы] правильность» (得正 *дэ чжэн*). Гексаграмма, соответственно, приняла бы вид 63-й гексаграммы «Уже конец» (既濟 *цзи цзи*), в которой все иньские черты занимают положенные им четные позиции. В таком случае «стойкость – к счастью. Раскаяние исчезнет» [14, с. 263]. Поэтому за образом «непрерывного общения» (憧憧往來 *чун чун ван лай*)² этой черты скорее подразумеваются ситуация «панических метаний» запертой в клетке четвертой черты. У Чэн называет это «мысли и думы неустойчивы» (思慮不定 *сы луй бу дин*) [15, Цз. 2, с. 2а].

Если на этом этапе Дао-путь взаимодействия не будет нарушен (т. е. будет проявлена «стойкость»), то будет «счастье». Если же взаимодействие не будет осуществляться правильно (不正 *бу чжэн*), то будет «раскаяние».

Здесь нельзя не отметить развернутый комментарий Чэн И, в котором он цитирует отрывок из *Си цы чжуань* («Комментарий привязанных слов»), касающийся этой черты. Приведем наиболее важную для нас часть:

«Солнце уходит, и луна приходит, луна уходит, и солнце приходит. Солнце и луна сменяют друг друга, и свет рождается в этом. Холод уходит и жара приходит, жара уходит и холод приходит. Холод и жара сменяют друг друга, и годы вершатся в этом. Тот, кто уходит – свертывается. Тот, кто приходит – развертывается. Поэтому приход и уход, свертывание и развертывание – это принцип, по которому свет составляют пару «восприятие и ответный отклик» (感應, *гань ин*). Если есть свертывание, будет и развертывание. Есть развертывание – будет свертывание. Это то, что называется восприятием и ответным откликом. [...] Восприятие – это движение. Есть восприятие, непременно будет и отклик. Все движется, все воспринимают, а за восприятием всегда следует отклик. То, что откликается,

¹ Первым понятие *гуа чжу* («хозяин гексаграммы» / «главная черта») ввел в оборот Цзинь Фан (77 г. до н. э. – 37 г. до н. э.). В гексаграмме имеется шесть черт, у каждой есть свой смысл, а для гексаграммы требуется нечто, что обобщило бы все смыслы воедино. Эту функцию выполняет т. н. главная черта, которая имеется в каждой гексаграмме.

² Перевод выражения по Ю. К. Щуцкий. Указ соч. С. 263.

возвращаясь, становится восприятием. Восприятие возвращается к отклику, и нет этому конца!» [10, Цз. 3, с. 76].

Следуя этому объяснению, в мире все перекликается и сменяется, и нет такой позиции, которую можно было бы назвать конечной. На этом этапе взаимодействия четвертая черта как раз и находится в таком неоднозначном положении, она беспокойно движется туда-сюда, и пока ситуация не получает какого-либо разрешения.

Пятая черта (янская, сильная), по словам Чэн И, «занимает “высокое положение” (цзюнь вэй) [10, Цз. 3, с. 9а]. Устанавливается посредством достижения искренности, соприкасается с Поднебесной, откликается на вторую черту и приближается к шестой». Пятая черта – это середина верхней триграммы, она находится между иньской и янской чертами. Итак, процесс взаимодействия дошел до «спины». А образ спины тоже ассоциируется с образом неподвижной горы, поэтому не может быть подвижным, и на этом этапе взаимодействие не осуществляется.

Здесь, конечно, присутствует параллель со второй чертой (с которой, как мы помним, пятерка «правильно откликается»), образ которой – голень, и она тоже соотносится с горой. Относительно текста к этой черте «Касается твоей спины» все комментаторы единогласно сходятся на том, что «спина» как бы противоречит «сердцу», находясь по другую от него сторону, если привлекать схему человеческого тела. У Чэн так и говорит, что она «противоположна (對 дуй) сердцу» (И цзуань янь, 1986, Цз. 2, с. 26). Чжу Си комментирует, что «нет возможности соприкасаться с вещами, и нет корыстных связей. Пятая девятка занимает свое место, соответствуя ему, поэтому и взят такой образ» [12, Цз. 2, с. 26]. Действительно, если нет действия, то и раскаиваться не придется.

Шестая черта (иньская, слабая), по выражению Чэн И, «хозяин радости» (說之主) [10, Цз. 3, с. 9б].

Эта черта правильно занимает свое место – слабая черта в четной позиции. Текст черты содержит только фразу «Касается твоих зубов, щек и языка» и, что примечательно, ничего не разъясняет относительно счастья, неудач или раскаяния, как это делалось в текстах к другим чертам. Чэн И после предельно четкого описания местоположения всех органов речи заключает: «Челюсти, щеки и язык – это все то, используется для речи» (Там же). Действительно, эти «инструменты» необходимы для произнесения слов, но человеческая речь не может быть «предельно искренней» (по выражению Чэн И), наоборот, она может быть совершенно неискренней, а в таком случае нельзя ничего сказать о том, как закончится процесс. Именно из-за этого в тексте черты ничего не предсказывается.

«Взаимодействие с вещами достигает предела (極 цзи), поэтому невозможно взаимодействовать с вещами посредством предельной искренности (чжи чэн, 至誠). [Все это] выражается в разговорах, а это обычное состояние для ничтожных людей и женщин. Разве можно так тронуть людей?!» [10, с. 10а].

В дополнение к этому объяснению Чэн И позволим себе привести рассуждения У Чэна, обобщающие его размышления над гексаграммой:

«Каждая из шести черт в гексаграмме *сянь* имеет верный отклик, но во время всеобъемлющего взаимодействия, желания быстры и невозможно ждать долго. Поэтому каждая черта чуждается придерживаться правильного отклика и склоняется к тому, чтобы выбирать [ту черту], с которой находится рядом¹. Двойка касается тройки, тройка – двойки. Пятерка касается верхней [черты]. Все черты придерживаются своего правильного отклика, но то, чего касаются (感) – не верно. Четверка не иначе, как соприкасается и превращается в мягкую (иньскую черту – О.Б.-О.) с помощью соприкосновения с пятеркой, и тогда все идет неправильно. Только две черты – начальная и верхняя – правильно откликаются. Начальная находится внизу и поэтому делает первый шаг, приближается к четвертой, то отступая, то приближаясь. А верхняя – находится наверху и, поэтому безудержно ропщет и жалуется третьей. Сила-дэ этих двух черт рассматривается как доброе начало всех прочих. В объяснительном тексте к этим двум чертам нет предсказания. Но ведь хоть сила-дэ этих черт и не имеет импульса (*гань*) вроде несчастья, раскаяния или сожаления, все равно, сложно быть уверенным, получат ли они благоприятный или несчастливый отклик (*ин*)» [15, Цз. 2, с. С. 26–3а].

Таким образом, процесс взаимодействия заканчивается «радостью от безудержного говорения», но, как восклицает Чэн И, «только предельная искренность способна тронуть человека!» [10, Цз. 3, с. 10а], обычные же люди ею не обладают, а только стремятся к ней. Поскольку на самом «взаимодействии», описанном здесь, практическая деятельность человека не заканчивается, то далее подразумевается переход к следующему этапу – «Постоянству» (32-я гексаграмма *хэн* как раз раскрывает эту тему).

В комментарии «Туань чжуань» рассматриваемой 31-й гексаграммы тоже присутствует мотив «радости», которая заключается в бесконечном взаимодействии одной энергии с другой, одного начала с другим:

«*Сянь* – это соприкосновение. Сверху мягкое, снизу твердое. Две энергии-ци соприкасаются и откликаются, находясь друг с другом в связи. Остановка и радость, мужское под женским, поэтому «Свершение. Благоприятна стойкость. Брать жену к счастью». Небо и Земля соприкасаются, и десять тысяч вещей рождается в превращении. Совершенномудрые касаются сознания людей, и Поднебесная успокаивается в гармонии. Наблюдай то, что соприкасается, и сможешь уяснить чувства (情 *цин*) Неба, Земли и десяти тысяч вещей» [13, с. 258].

Все пребывает в вечном взаимодействии – Небо и Земля, силы *инь* и *ян*, в результате рождается все на свете, совершенномудрые сообщают это сознанию (心 «сердцу») человека, и мир находится в равновесии. Совершенномудрые являются носителями «предельной искренности» и приводят Поднебесную в состояние уравновешенности. Из этого следовало, что когда человеческого сознания «касаются» совершенные мудрецы (*шэн жэнь*), то за этим должно наступать прозрение или то, что называется «восприятием и проникновением» (*гань тун*). Великий неоконфуцианский философ Чжоу Дунь-и (周敦頤, 1017-1073) не случайно определял духовность (神 *шэнь*) как раз посредством термина *гань тун* («Тун шу», 4) [19, с. 33],

¹ Букв. находится в связи *би* (比), о которой упоминалось выше.

полагая, что совершенный мудрец наблюдает за ритмом мироздания и стремится уподобиться ему. По его мнению, в слиянии с космосом, который находится в процессе постоянного «взаимного восприятия» (взаимодействия), и есть суть познания Дао-Пути.

1.4. Подводя итоги анализа процесса «взаимодействия», разворачивающегося в гексаграмме *Сянь* «Канона перемен», рассмотрим небольшой отрывок из «Дин син шу» («Книга об установлении [индивидуальной] природы»), в котором сунский неоконфуцианец Чэн Хао (程顥, 1032–1085), старший брат Чэн И, высказывает следующую мысль:

«Постоянство (*чан* 常) Неба и Земли в том, что они с помощью сердца-сознания (*синь* - О. Б.-О.) распространяют десять тысяч вещей, но [при этом] сердца-сознания не имеют. Постоянство совершенномудрых в том, что они с помощью чувств (*цин*) упорядочивают десять тысяч вещей, но [при этом] чувств не имеют. Поэтому в учении *цзюнь-цзы* ничто не сравнится с открытостью и великой справедливостью. Вещи приходят, а [он] приспосабливается, поэтому в «Переменах» говорится: «Стойкость к счастью, раскаяние исчезнет. Непрерывное общение. Друзья последуют за твоими мыслями»¹» [17, Цз. 3, с. 16].

В этом небольшом фрагменте содержится описание практически всего процесса восприятия или «взаимодействия», как он представлен в *И цзине*. Восприятие внешнего мира, не ограниченное индивидуальным сознанием человека, – это *сянь*, которое осуществляется Небом и Землей на предельном, абсолютном уровне. То, что затем делают совершенномудрые-*шэн*, – это уже следующий этап, на котором индивидуальное сознание необходимо, однако оно очищено от всех обычных человеческих чувств. Конфуцианцы полагали, что совершенномудрые не подвластны чувствам и за счет этого обладают способностью упорядочивать все «вещи». Далее, благородный муж, будучи готов воспринимать основной принцип взаимодействия, наблюдает за процессом взаимодействия и может передавать это знание, сообщая такое же состояние другим, и если все будет осуществляться таким образом, то Поднебесная будет находиться в гармонии.

Таким образом, конфуцианские мыслители нашли изящный способ справиться с проблемой, которую мы уже обозначали в начале статьи: как в составе канонического текста *Ши цзин* могут находиться «измененные», неидеальные разделы (*бянь фэн*; *бянь я*), в состав которых входят песни, сочиненные обычными людьми, подверженными страстям и эмоциям? Чем они могут быть полезны и как могут научить? Концепция *гань у* здесь пришлась весьма кстати: пусть все люди воспринимают внешний мир, будучи ограничены своим человеческим сознанием, однако сам процесс этого восприятия может отличаться. В этом заложено фундаментальное отличие «совершенномудрых» от «обычных людей» – их восприятие практически «объективно», раз свободно от всех аффектов. В таком случае текст, к редактуре, составлению или частичному написанию которого они имели отношение, сразу же переставал быть «измененным» и становился каноническим, потому что совершенномудрые «все упорядочивают», не привнося ничего личного (хотелось бы подчеркнуть, что мы здесь анализируем традиционную

¹ Текст к 4-й черте гексаграммы *Сянь*.

конфуцианскую точку зрения на данный вопрос и ни в коем случае не утверждаем, что рассматриваемые тексты действительно были «сочинены совершенномудрыми»). Поскольку с процессом формирования «Канона песен» конфуцианцы связывали имена как минимум двух совершенномудрых – Чжоу-гуна и Конфуция, это «легализовало» присутствие морально неидеальных, по мнению конфуцианцев, разделов в составе канона и даже больше – наделяло их особым значением.

Итак, мы наглядно показали, что в основе традиции интерпретации концепции *гань* у лежит теория взаимодействия индивидуального сознания с окружающим миром и двух начал между собой, как она представлена в 31-й гексаграмме «Канона перемен» и комментариях к ней. Истоки стоит искать в *И цзине* не столько потому, что большинство словарей, где представлена этимология иероглифов, отсылает нас к этому тексту, но в первую очередь ввиду колоссальной авторитетности данного памятника для всех последующих поколений китайских интеллектуалов. Базис концепции «восприятия вещей» заложен в ней, а дальнейшие трансформации и прочтения могут быть проинтерпретированы как «надстройки» на уже имеющемся фундаменте. В рассматриваемых нами в другой статье вариантах применения концепции *гань* у в теориях литературного и музыкального творчества нет такого количества подробностей, как в тексте «Канона перемен», но сами принципы «взаимодействия» или «восприятия» с точностью переносятся на новый материал и новые сферы.

Библиографические сокращения

СКЦШ – Сыку цюаньшу (四庫全書 Полное собрание книг четырех хранилищ), Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.

Список использованных источников и литературы

1. Ши цзин цзи чжуань 詩經集傳 («Канон песен» с развернутыми комментариями). Сост. Чжу Си 朱熹 // СКЦШ, раздел Цзин («Каноны»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.
Shi jing ji zhuan 詩經集傳 (Combined commentary on the "[Classic of] Songs"). Comp. by Zhu Xi 朱熹. In SKQS, part Jing ("Canons"). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.
2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. I. Философия. М.: Восточная литература, 2006. – 728 с.
Dukhovnaia kul'tura Kitaia: éntsiklopediia [China's Spiritual Culture: encyclopedia: in 5 vol]. Vol. I. Filosofiia [Philosophy]. M.: Vostochnaia literatura, 2006. – 728 p.
3. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2005. – 480 с.
Torchinov E. A. Puti filosofii Vostoka i Zapada: Poznanie zapredel'nogo [Paths of Philosophy in East and West: Cognition of the Beyond]. St.-Petersburg.: "Azbuka-klassika"; "Peterburgskoe Vostokovedenie". 2005. – 480 p.
4. Чжу-цзы юй лэй 朱子語類 (Классифицированные беседы учителя Чжу [Си]) // СКЦШ, раздел Цзы («Мудрецы»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.
Zhu-zi yu lei 朱子語類 (Classified conversations of Master Zhu). Comp. by Zhu Xi 朱熹. In SKQS, part Zi ("Masters"). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.
5. Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. М.: Мысль, 1994. – 920 с.
Losev A.F. Mif, chislo, sushchnost' [Myth, number, essence]. M.: Mysl', 1994. – 920 p.
6. Сюнь-цзы 荀子 // СКЦШ, раздел Цзы («Мудрецы»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.
Xunzi 荀子. In SKQS, part Zi ("Masters"). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.

7. Мартынов А. С. Конфуцианство. «Лунь Юй». В 2 т. Т. II. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 384 с.
Martyunov A.S. Konfutsianstvo. “Lun' Iu'i”: V 2 t. [Confucianism: “Lun yu”]: in 2 vol. Vol. II. St.-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. – 384 p.
8. Канси цзыдянь 康熙字典(Словарь Канси). Шанхай: Ханьюй дацзыдянь чубаньшэ, 2002. – 1542+164 с.
Kanxi zidian 康熙字典 [Kanxi dictionary]. Shanghai: Hanyu dacidian chubanshe, 2002. – 1542+164 p.
9. Шо вэнь цзе цзы 說文解字(Объяснение простых знаков и разбор составных). Сост. Сюй Шэнь 許慎 // СКЦШ, раздел Цзин («Каноны»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.
Shuo wen jie zi 說文解字 (Explaining Graphs and Analyzing Characters). Comp. by Xu Shen 許慎. In SKQS, part Jing (“Canons”). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.
10. И-чуань и чжуань 伊川易傳(Комментарии к «Канону перемен» [наставника] И-чуаня). Сост. Чэн И 程頤 // СКЦШ, раздел Цзин («Каноны»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.
Yi-chuan Yi zhuan 伊川易傳 (Master Yi-chuan commentary on the Changes). Comp. by Cheng Yi 程頤. In SKQS, part Jing (“Canons”). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.
11. Чжоу и бэнь и тун ши 周易本義通釋(Общее толкование основного смысла «Канона Перемен»). Сост. Ху Бин-вэнь 胡炳文 // СКЦШ, раздел Цзин («Каноны»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.
Zhou yi ben yi tong shi 周易本義通釋 [General commentary on “Basic Meaning of the Zhou yi”]. Comp. by Hu Bingwen 胡炳文. In SKQS, part Jing (“Canons”). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.
12. Чжоу и бэнь и 周易本義(Первоначальный смысл «Чжоу И»). Сост. Чжу Си 朱熹 // СКЦШ, раздел Цзин («Каноны»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.
Zhou yi ben yi 周易本義 (Basic Meaning of the Zhou yi). Comp. by Zhu Xi 朱熹. In SKQS, part Jing (“Canons”). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.
13. Чжоу и и чжу 周易譯注(Комментированный перевод «Чжоу и»). 黃壽祺、張善文譯注 Пер., коммент. Хуан Шоу-ци, Чжан Шань-вэнь. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2001. – 646 с.
Zhou yi yi zhu 周易譯注[Commented translation of Zhou yi]. 黃壽祺、張善文譯注 Translation and commentaries by Huang Shouqi and Zhang Shanwen. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2001. – 646 p.
14. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». М.: Наука, 1997.
Shchutskii Iu. K. Kitaïskaia klassicheskaia “Kniga Peremen” [Chinese classical “Book of Changes”]. М.: Nauka, 1997.
15. И цзуань янь 易纂言 (Узорчатые слова о «Переменах»). Сост. У Чэн 吳澄 // СКЦШ, раздел Цзин («Каноны»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.
Yi zuan yan 易纂言 [Plaited words about “Changes”]. Comp. by Wu Cheng 吳澄. In SKQS, part Jing (“Canons”). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.
16. Чжоу Дуньи и ренессанс конфуцианской философии. М.: Стилсервис, Институт Дальнего Востока РАН, исследовательское общество «Тайцзи», 2009. – 376 с.
Chzhou Dun'i i renessans konfutsianskoï filosofii [Zhou Dunyi and a renaissance of Confucian philosophy]. М.: Izdatel'stvo “Stilservis”, Institut Dal'nego Vostoka RAN, issledovatel'skoe obshchestvo “Taitszi”, 2009. – 376 p.
17. Эр Чэн вэнь цзи 二程文集 (Собрание сочинений двух Чэнов) // СКЦШ, раздел Цзи («Собрания»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.
Er Cheng wen ji 二程文集 (Collected writings of brothers Cheng). In SKQS, part Ji (“Collections”). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.
18. Чжоу и чжэн и 周易正義(Правильное толкование «Чжоу И»). Сост. Кун Ин-да 孔穎達. Пекин: Чжунго чудянь чубань, 1987. – 473 с.
Zhou yi zheng yi 周易正義 [Correct Meaning of the Changes of the Zhou]. Comp. by Kong Yingda 孔穎達. Pekin: Zhongguo chudian chuban, 1987. – 473 p.
19. Чжоу Дуньи 周敦頤. Тун шу 通書(Книга проникновения). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2000. – 126 с.
Zhou Dunyi 周敦頤. Tong shu 通書 [Penetrating the Book of Changes]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2000. – 126 p.

Bonch-Osmolovskaya O.A. The «perception of external things» (感物 *gan wu*) concept in Chinese philosophy and culture: formation of the concept

The article is an attempt to analyze one concept of Chinese philosophical thought that is, «*gan wu*» (usually translated as «perception of things»). The concept of "perception of things" reveals the sphere of interaction between individual consciousness and the surrounding world. *Xian*, the 31st hexagram of the «Classic of Changes» appears to be the source of the meaning of the character *gan*, so I analyze the text of the hexagram and a number of Confucian commentaries on it in detail. I also study the difference between two processes of perception: *xian* and *gan*. I analyze what is the meaning behind the accepted terms: what kind of «things» is meant, how does a person «perceive» them, and what exactly characterizes the whole process caused by the «movement» of human passions? An analysis of this conception is made in the article on the basis of various written sources, allowing to trace its formation and development.

Keywords: *gan wu*, perception of things, Chinese philosophy, Confucianism, Neo-Confucianism, Yijing, Shijing, Classic of Poetry, Classic of Changes

УДК 908(47)Крым

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КРЫМУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Задерейчук А. А., Задерейчук И. П.

***Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Крымский юридический институт (филиал) Академии
Генеральной прокуратуры Российской Федерации***

Симферополь, Российская Федерация

e-mail: zadereychuka@mail.ru

e-mail: zadereychuk@rambler.ru

Рассмотрены процессы, связанные с обеспечением образования среди девушек немецкой этнической группы Крыма в досоветский период. Охарактеризованы предпосылки формирования специальных учебных заведений на территории Таврической губернии. Показана динамика их увеличения на юге страны; выявлены конкретные учебные заведения, призванные в первую очередь дать профессиональное образование немецким девушкам полуострова. В исследовании акцентировано внимание на том, что женские учебные заведения для немцев имели ярко выраженный конфессиональный характер. Отдельно проанализированы учебные планы, качественный и количественный состав педагогического персонала. Освещена динамика изменения численности учениц, география учащихся.

Особое внимание уделено истории создания и функционирования первого высшего женского начального училища в селении Окреч Феодосийского уезда. Охарактеризована роль немецкой общины в создании, финансировании и обеспечении женских учебных заведений специальными условиями для получения образования обучающимися. На примере Окречского женского высшего начального училища представлены планировочные решения при проектировании подобных учебных заведений. Указаны возможные трансформации статуса учебных заведений для девушек. Например, Окречское училище изначально было открыто как женская школа второй категории, затем преобразовано в высшее начальное училище, а в период 1917–1920 гг. было преобразовано в семиклассную женскую гимназию. В работе указывается на то, что сложившаяся система женского образования у немецкой этнической группы в Крыму как отдельное направление прекращает свое существование с окончательным установлением советской власти.

Ключевые слова: история Крыма, немцы, женское образование.

На территории Крыма на протяжении многих столетий формировался свой особый полиэтнический и поликонфессиональный колорит. Каждая этническая группа внесла определенный вклад в современный облик полуострова. При этом значительный пласт информации, связанной с отдельными аспектами развития народностей, остается еще малоизученным. Это в полной мере относится к вопросам, касающимся системы женского национального образования в досоветский период. Особых успехов в этом направлении образовательной деятельности достигли этнические немцы.

Система образования, сформированная у немцев еще до переселения на территорию Крыма, и ее развитие на новых землях предусматривали обязательное обучение женского населения. Согласно требованиям лютеранского и

меннонитского вероучения девушки, как и юноши, должны были получать знания по Закону Божьему, уметь писать и читать, изучать арифметику. Это было связано в первую очередь с тем, что стать полноправным членом общины было возможным только после прохождения обряда конфирмации, для участия в котором конфирманты должны были обладать определенными знаниями.

Согласно традиционным устоям немецкого общества, при основании новой колонии обязательными к постройке были церковь и школа. В ряде случаев, когда у новопоселенцев не хватало средств, школа могла находиться в здании церкви. Крым не являлся исключением, с основанием здесь колоний поселенцы также стремились создавать и школы. Примечателен тот факт, что немцы, проживавшие на полуострове, старались максимально охватить образованием как мужское, так и женское население своих колоний. Такой подход приводил к тому, что практически все дети получали начальное образование. Более того, немцы достигли в своей системе образования высоких показателей грамотности именно среди женского населения колоний. Согласно выявленным статистическим данным, в 1835 г. в Нейзацком и Цюрихтальском колониальных округах полуострова проживало 209 девушек школьного возраста. Из названного числа учащимися числилось 198 человек, что охватывало около 90 % населения этих колониальных округов [1, л. 624]. Указанный процент был самым высоким показателем среди других этнических групп, населявших в то время Крым.

В конце XIX – начале XX вв. в системе образования немцев происходили существенные изменения, которые среди прочего были вызваны модернизацией производства. Естественно, что в условиях экономического роста возрастали и требования к уровню подготовки выпускников школ. Конечно, подобное положение дел оказывало влияние и на появление спроса на обучение девушек в специализированных учебных заведениях. Формирование подобных школ также было связано с желанием родителей дать своим детям более полное образование по сравнению с тем, которое они могли получить в начальных школах. Кроме того, среди прогрессивно настроенных немцев на рубеже веков наметилась тенденция к пониманию изменения роли женщины в социуме. Ряд представительниц этого народа в начале XX в. принимали активное участие в развитии медицины, благотворительности, организации учебных заведений на территории Крыма.

Пионерами в деле открытия специализированных учебных заведений для девушек стали меннониты. В 1888 г. они основали женское училище в колонии Гальбштадт Бердянского уезда Таврической губернии. Поводом послужило заявление Генриха Франца от 2 октября 1888 г., в котором выражалось его желание учредить в поселке Ней-Гальбштадт элементарное женское училище с программой меннонитских церковных школ [2, л. 28]. Причиной открытия стало то обстоятельство, что у семейства Францев была дочь школьного возраста. Для ее обучения родители пожелали создать специальное частное училище. Идею поддержали еще несколько состоятельных семей, в которых также были дочери школьного возраста. Возглавила это учебное заведение госпожа Франц, которая не имела для этого соответствующего образовательного ценза. Этот факт стал впоследствии причиной для реорганизации училища. Однако создание именно этого

учебного заведения для девушек подтолкнуло формирование целой сети подобных не только в Крыму, но и на всей территории юга Российской империи.

По состоянию на 1907 г. на юге страны действовало уже 5 менонитских школ для девочек в селениях Гальбштадт, Орлов и Гнаденфельд в Таврической губернии и в поселениях Хортица и Нью-Йорк Екатеринославской губернии, а также две лютеранские школы в селении Пришиб Таврической губернии и Гросс-Либенталь в Херсонской губернии, одна католическая в селении Ландау Херсонской губернии [3, с. 124]. Очевидно, что в образовательный процесс были вовлечены все конфессии, к которым относились немцы юга империи.

Уже в первых открытых училищах для немецких девушек сформировались все основные принципы организации образовательной деятельности в них. В училища принимали девочек в возрасте от 11 до 15 лет, уже получивших предварительно начальное образование. Обучение было платным, однако эта сумма варьировалась в зависимости от возможностей самого общества, организовывавшего учебное заведение. Учебный процесс начинался 1 сентября и продолжался вплоть до 1 июля. Ежедневное расписание включало в себя пять предметов. Длительность одного урока составляла пятьдесят минут. Количество учащихся в классе не должно было превышать 40 человек. После окончания училища ученицы должны были сдавать экзамены, которые проводились на общих основаниях преподавателями училища. Проводившиеся испытания были открытыми, на них могли присутствовать все желающие, в том числе и родители учащихся. Весь учебный процесс стремились обеспечить достаточным количеством необходимой литературы, которая находилась в создававшихся при училищах библиотеках для учителей и учащихся. Несмотря на то, что немецкие училища для девушек создавались по инициативе частных лиц или обществ, все они подпадали под контроль инспектора народных училищ, который работал в их регионе. Эти принципы, оформившиеся при формировании немецких женских учебных заведений на юге империи, в дальнейшем применялись и при открытии училищ на полуострове.

Естественно, что учебные заведения, размещенные на материке, практически не были доступны для обучения девочек, проживавших на территории Крыма, вследствие дороговизны обучения, удаленности от родителей, которые, конечно, не хотели отпускать далеко от себя своих детей. Кроме того, на полуострове имелась разветвленная система начальных школ. Последние ежегодно выпускали учениц, желающих получить фундаментальные знания, необходимые как для дальнейшей семейной жизни, так и будущего трудоустройства. Все перечисленные факты обусловили необходимость основания специальных учебных заведений для девушек на местах.

Первое женское училище на территории Крыма было открыто в 1908 г. в поселке Кара-Чокмак Перекопского уезда. Основатели школы желали предоставить девушкам возможность получить законченное образование, расширив тем самым те возможности, которые они имели бы после окончания только лишь начальной сельской школы. Кроме того, по состоянию на 1908 г. у немецкой этнической группы юга Российской империи был накоплен немалый опыт в вопросах организации и деятельности женских учебных заведений. Первым руководителем

этого учебного заведения стала выпускница Самарской женской гимназии Анна Фаст. Занятия в училище были рассчитаны на три года и предполагали обучение детей меннонитского и лютеранского вероисповедания, которые получили образование в начальных школах. В течение последующих трех лет ученицы должны были углубить знания по профильным дисциплинам начальной школы (Закон Божий, русский и немецкий языки, арифметика), а также приобрести знания по географии, естествознанию, истории России, всеобщей истории и т. д. [4, л. 131–135]. Такой подход мог обеспечить подготовку девушек к работе учителями, участию в духовной жизни общества, занятию канцелярской работой на немецких предприятиях и т. д. Изучение географии, истории, естествознания способствовало расширению кругозора выпускниц, предоставляло возможность продолжения обучения в действующих на то время в стране высших учебных заведениях для женщин. Наличие в учебном плане уроков рукоделия обуславливалось целью усовершенствовать навыки девушек в различных ремеслах. Фактически по окончании школы выпускницы, которые усваивали учебную программу, получали необходимые знания и навыки для своей реализации в новых социально-экономических условиях развития страны в начале XX в.

Динамику формирования сети специализированных училищ для девушек продолжили меннониты поселка Карасан Табулдинской волости Симферопольского уезда. К сожалению,

данные о созданном в этом селении учебном заведении (сохранившиеся в архивных фондах) отрывочны. На сегодня они позволяют назвать лишь точную дату открытия и имя ее основательницы: 12 ноября 1912 г. Мария Ивановна Вильмсен открыла начальную школу для девушек. Сама М. И. Вильмсен (1890–1930) происходила из известной немецкой династии Вильмсен,



М. И. Вильмсен с ученицами

получила образование в педагогической гимназии в г. Севастополе, в школе преподавала русский язык и математику. Известно, что по состоянию на 1913 г. училище находилось в арендованном помещении, обучалось в нем всего 9 девушек [5, л. 91]. В статье, посвященной истории Ровновской школы в Крыму, есть упоминания о том, что в годы Первой мировой войны М. И. Вильсон вместе со своими подопечными активно участвовала в сборе средств для раненных. В декабре

1914 г. она передала в кассу помощи 25 руб., в мае 1915 г. – 8 руб. В декабре 1915 г. от нее поступило 6 руб., от учениц женской школы (кружечный сбор) через М. И. Вильмсен – 7 руб.

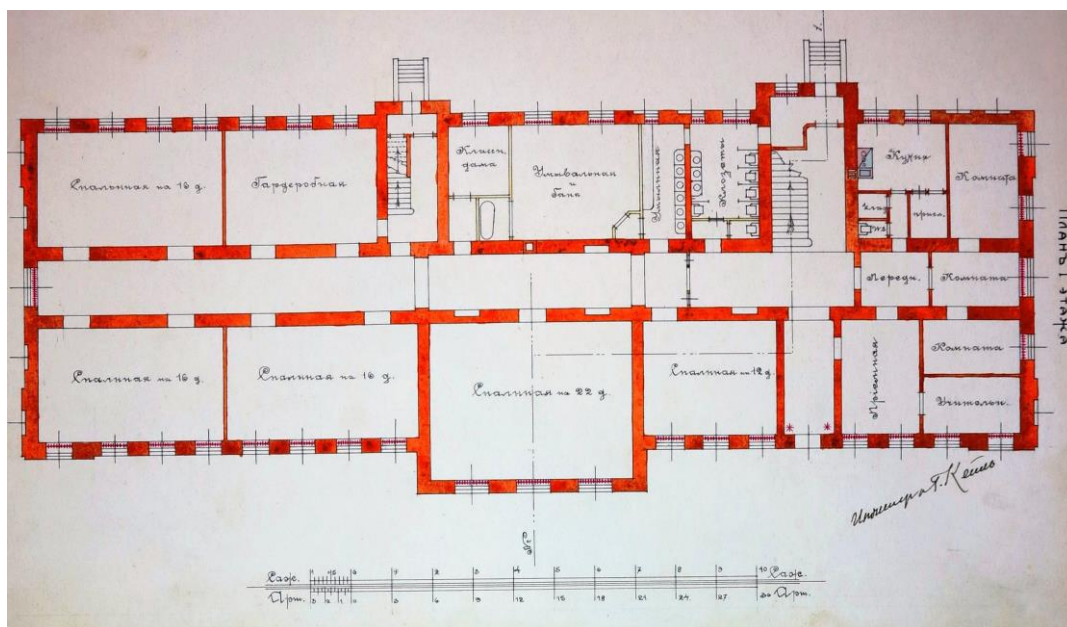
Особое место среди женских учебных заведений, которые были открыты немцами Крыма, принадлежит Окречскому женскому высшему начальному училищу. Идея его создания принадлежала немцам Феодосийского уезда. Многие местные родители стремились предоставить своим дочерям, во-первых, лучшее образование по сравнению с тем, которое они получали в начальной школе; во-вторых, позволяющее стать конкурентоспособными в условиях все большего вовлечения женщин в производственную сферу. Естественно, особо их интересовал вопрос дальнейшего трудоустройства выпускниц. В связи с этим на собрании инициативной группы жителей уезда в селении Окречь 24 июня 1911 г. было принято решение об открытии женского четырехклассного коммерческого училища. Подобные училища финансово-экономического профиля уже действовали на территории Российской империи. Программа образования в них предусматривала специальные предметы по статистике, коммерческой арифметике, бухгалтерии и т. д. Возможно, опираясь именно на этот опыт, немцы Феодосийского уезда планировали открыть и свое учебное заведение, где в упрощенном виде преподавались бы те предметы, которые могли позволить в будущем выпускницам занимать должности статистов или бухгалтеров или вести экономику хозяйства. Однако при регистрации этого учебного заведения в Министерстве торговли возникли трудности. Это привело к изменению образовательного профиля будущей школы, и 7 августа 1912 г. власти предоставили разрешение на открытие женской школы второй категории в Цюрихтальском приходе Феодосийского уезда. Это тоже было своего рода профессиональное учебное заведение, образовательный процесс в котором ограничивался четырьмя годами, а преподавание курсов общеобразовательного характера шло одновременно со специальными дисциплинами профессиональной направленности.

Для сооружения помещения и управления делами училища было сформировано Общество для содержания частного женского училища в Цюрихтальском Евангелическо-лютеранском приходе, в которое вошли 103 члена. Из их числа была избрана строительная комиссия, занимавшаяся вопросами разработки проекта здания будущего училища и утверждения его надлежащим образом. Кроме того, в ее компетенции входили подбор и закупка строительного материала удобного и прочного, но вместе с тем выгодного по цене. Члены строительной комиссии также должны были позаботиться о выборе сведущего человека в качестве строителя-наблюдателя. Предполагалось, что строительство училища не будут сдавать в подряд, а произведут хозяйственным образом, для чего и требовался компетентный наблюдатель.

Благодаря же активной работе всего Общества в целом удалось собрать необходимые средства на строительство школы. Деньги поступили за счет обложения специальным сбором в размере 50 коп. с каждой десятины земли. Всего под систему налогообложения попало 62167 дес. земли, что позволило собрать 31083 руб. 50 коп. Отдельную статью доходов школы составили благотворительные

взносы – 3784 руб. Прежде всего в качестве филантропов выступили наиболее активные члены немецкой общины и объединения: Р. Корнис пожертвовал 100 руб., Я. Майер – 500 руб., ассоциация потребителей в Ичках – 608 руб. Очевидно, что собранных средств было недостаточно для обустройства нового учебного заведения, а потому были вынуждены прибегнуть к займу в размере 22000 руб. Существуют противоречивые сведения о сумме, затраченной на строительство этого учебного заведения. Одни источники говорят, что общие расходы на сооружение помещений составили 58798 руб. 82 коп. [6, с. 2]. По приведенным же в работе К. Э. Линденмана данным строительство обошлось в 87 тыс. руб., кроме того, дополнительно потратили 20 тыс. руб. на возведение служебных помещений.

Согласно архивным данным, школу оборудовали всеми передовыми достижениями того времени – это водопровод, паровое отопление, электроосвещение, а вокруг здания немцы разбили парк [7, с. 184]. Помещение для Окречского женского училища имело два этажа: на первом этаже размещалось 5 спальных комнат (3 из которых были рассчитаны на 16 учениц и по одной комнате на 12 и 22 девушки), умывальная, туалет, гардероб, кухня, кладовая, комната для прислуги, учительская и приемная; на втором – 3 спальни (две спальни на 16

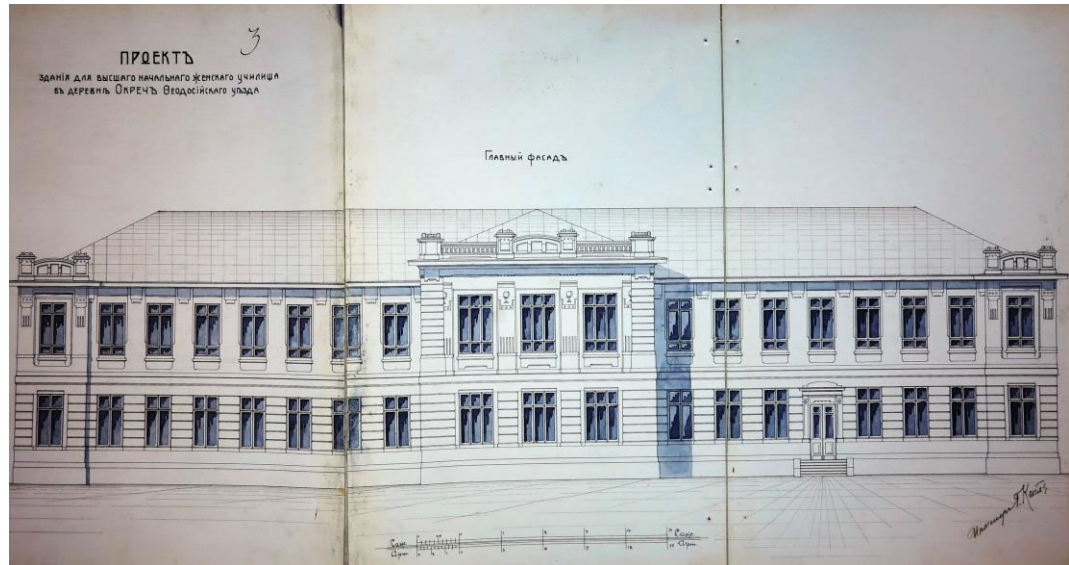


*План 1-го этажа Окречского женского высшего
начального училища*

девушек и одна на 8), библиотека, кладовая для методических пособий, учительская, рекреационный зал, 4 классных комнаты. На обоих этажах выделялись отдельные, видимо жилые, комнаты для классных дам [8, л. 5–6].

Выстроенное помещение стало одним из достижений тогдашней школьной архитектуры не только в масштабах Крыма, но и всей Российской империи.

Удобное строение с продуманным размещением комнат, комфортным коммунальными условиями должно было создать благоприятные условия для осуществления учебного процесса и обучения девушек. Уже в советские времена именно на его базе проводились эксперименты по созданию специального педагогического, а впоследствии и аграрного техникума, сегодня в помещении училища размещается техникум гидромелиорации и механизации сельского хозяйства Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в пгт. Советский.



Проект здания для высшего начального женского училища в деревне Окречъ

Открытие школы состоялось 30 июля 1913 г. [9, с. 376], а торжественные мероприятия были проведены лишь 14 ноября этого же года [10, с. 2]. По состоянию на 11 сентября 1915 г. училище уже имело статус четырехклассного. В последующие годы происходили преобразования образовательного статуса учебного заведения. Уже 29 марта 1918 г. решением начальства Одесского учебного округа Окречское женское училище было преобразовано в полноценную семиклассную женскую гимназию [11, л. 53].

Количество учениц в 1915 г. – 61 человек [12, с. 376], а в 1916 гг. – 57 девушек [13, с. 352]. Незначительная численность обучающихся была обусловлена, скорее всего, событиями Первой мировой войны и последовавшей ликвидацией немецкого землевладения. Однако даже такое количество учениц позволяет утверждать, что среди немцев существовал спрос на получение их детьми качественного образования. Подтверждением этого может служить и тот факт, что даже в условиях гражданской войны в училище продолжался учебный процесс. По состоянию на 1918 г. в учебном заведении насчитывалось 118 учениц. Конфессиональный состав учениц данного учебного заведения не был однородным. В нем обучались девочки

лютеранского (96), православного (16), меннонитского (5) и иудейского (1) вероисповедания. По классам количество учениц распределялось следующим образом: 1 класс – 15; 2 класс – 30; 3 класс – 26; 4 класс – 18; 5 класс – 17, в 6 классе числилось 12 девушек [14, л. 16].

Финансирование учебного заведения осуществлялось за счет поступления денежных средств от платы за обучение, внесения членских взносов, получения процента с неприкасаемого капитала. Известно, что в 1916 г. плата за обучение составляла 100 рублей в год. Членские взносы ежегодно приносили в казну училища сумму более чем 1000 рублей. Так, немецкий источник указывает, что в 1911 г. взносы составили – 1400 руб., 1912 г. – 1230 руб., 1913 г. – 1960 руб. [15, с. 2]. Кроме того, в отдельных случаях поступала финансовая помощь от Таврического земства в размере 500 руб. [16, с. 352].

Учебный процесс в Окречском училище в 1915 г. осуществляли 5 учителей. Обязанности заведующей исполняла Анна Ивановна Иваницкая. Свою педагогическую деятельность она начала еще 1 августа 1891 г. и к моменту поступления на работу в училище 10 сентября 1913 г. имела приличный педагогический стаж. Учительницей немецкого языка и Закона Божьего работала Иоанна Вольф. В службе она находилась с 1907 г., а в училище была зачислена с 3 сентября 1913 г. О трех оставшихся учительницах не сохранилось данных, кроме их фамилии, имени и отчества. Это были Мария Митрофановна Гамова, София Васильевна Новикова и Мария Александровна Филатова (в службе с 1914 г.) [17, с. 376]. Заработная плата в училище практически не отличалась от оплаты труда в подобных учебных заведениях на территории юга России. В частности, заведующая училищем получала 1260 руб. в год, а учителям за их труд полагалось вознаграждение в размере 960 руб.

Примечательно, что учебное заведение сумело выстоять в бурные годы революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны. К моменту установления советской власти на территории Крыма в 1920 г. педагогический состав гимназии увеличился вдвое, в ней трудилось уже 10 педагогов. Возглавляла учебное заведение Вильгельмина Фридриховна Маевская. Она была выпускницей физико-математического отделения высших женских курсов в Петрограде. В Окречской гимназии наряду с занятием руководящего поста преподавала природоведение. Учителем Закона Божьего для лютеран был выпускник факультета богословия Юрьевского университета Альберт Фридрихович Мейер; православным ученицам преподавал Иван Антонович Ильинский, который окончил Таврическую духовную семинарию. Учителем русского языка, истории, педагогики и психологии был выпускник филологического факультета Александр Эдигер. Преподавателем русского языка и рисования была выпускница Харьковской гимназии Оболенской Ирина Суворова. Иван Иванович Вильмсен преподавал арифметику, рисование и историю, имел звание городского учителя. Рихард Готфридович Анер, будучи в звании учителя по немецкому языку, преподавал в гимназии немецкий и французский языки. Выпускница Гальбштадтского центрального училища Марта Теодоровна Бесслер обучала учениц немецкому языку, географии и чистописанию. Учителем рукоделия, чистописания и пения работала также Евгения Николаевна

Бек, а вторым учителем французского языка была Мария Николаевна Боборыкина [18, л. 10–12]. Из приведенных фактов очевидно, что наряду с количественным увеличением числа преподавателей происходит и их качественное улучшение. На должность учителя приходят люди, получившие высшее образование в ведущих на то время учебных заведениях. Кроме того, к образовательному процессу привлекаются выпускники специализированных учебных заведений, основанных самими немцами, например в случае с Мартой Теодоровной Бесслер.

С установлением советской власти специализированные немецкие женские училища на территории Крыма прекратили свое существование. Изменилось государственное управление, менялось отношение к образовательной системе. Проблемы обучения девушек большевиками решались путем создания смешанных школ, рассчитанных на совместное посещение детей обоих полов. Здания учебных заведений, созданных немцами, отдавались под различные хозяйственные нужды, в некоторых случаях разрушались, однако чаще использовались новыми властями под школы.

Таким образом, немцы Крыма в вопросе обучения девушек продолжили образовательные традиции, которые сформировались у них еще до переселения в Российскую империю. Главная их особенность заключалась в обязательности получения начального образования детьми обоих полов. На рубеже XIX–XX вв. в немецком обществе возникло понимание необходимости формирования учебных заведений, рассчитанных на обучение исключительно девушек по особому учебному плану. В частности, осуществлялась подготовка учениц к будущей самостоятельной жизни, на которую были направлены уроки труда, углубленное изучение языков, математики и общеобразовательных предметов. Также позитив существования женских школ заключается в осознании родителями необходимости получения своими детьми глубинных знаний по сравнению с тем уровнем, который у них был по окончании начальных школ. На качественное обучение влияло и обеспечение школ как современными помещениями, так и профессионально-подготовленным педагогическим коллективом.

Заслуживает внимания и тот факт, что немцы пытались создавать школы нового типа, опираясь, прежде всего, на собственные финансовые ресурсы. Только в отдельных взятых случаях они прибегали к помощи государства или органов самоуправления. Достаточно показательным для настоящего утверждения является пример сбора необходимых средств путем обложения каждой десятины соответствующим благотворительным взносом. Такой подход освобождал от потребности поиска государственного финансирования, но в то же время ставил учебное заведение в зависимость от экономических возможностей общины. История немецкого женского образования на полуострове имеет примеры выдающихся успехов формирования учебных заведений для женщин профессиональной направленности. Одним из таких по праву можно считать Окречское женское высшее начальное училище.

Учебные планы немецких образовательных учреждений для девушек в Крыму базировались на тех же основах, что и все подобные планы учебных заведений в Российской империи. Предметы, преподававшиеся здесь, должны были, прежде

всего, подготовить девушек к будущей конфирмации или же к последующей семейной жизни. Только лишь с появлением специализированных учебных заведений в программу вводятся предметы профессиональной направленности, призванные обеспечить конкурентоспособность выпускницы в формирующихся новых экономических реалиях.

Примечателен и тот факт, что немцы не делали свои учебные заведения закрытыми, призванными дать образование только представительницам своей этнической группы, они были поликонфессиональными и полинациональными. География прибывающих на обучение девушек доказывала интерес к открывавшимся немецким учебным заведениям не только среди жителей полуострова, но и в уездах за его пределами.

Список использованных источников и литературы

1. РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 624.
RGIA, f. 383, op. 29, d.
2. ГАРК, ф. 100, оп. 4, д. 4.
GARK, f. 100, op. 4, d. 4.
3. Задерейчук І. П. Розвиток системи освіти у німців Півдня України в 1789–1941 рр.: дис. ... канд. іст. наук / Задерейчук Іван Панасович. – Сімферополь, 2005. – 252 с.
Zadereichuk I. P. Rozvytok systemy osvity u nimtsiv Pivdnia Ukrainy v 1789-1941 rr.: dys. ... kand. ist. Nauk / Zadereichuk Ivan Panasovych. – Simferopol, 2005. – 252 s.
4. ГАРК, ф. 212, оп. 1, д. 243.
GARK, f. 212, op. 1, d. 243.
5. ГАРК, ф. 212, оп. 1, д. 269.
GARK, f. 212, op. 1, d. 269.
6. Die deutschen höhere weibliche Elementarschule in Okretsche Krime // Der Botschafter. – 1913. – №92. – S. 2.
7. Линденман К. Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян собственников: указы 2. февраля и 13 декабря 1915 г. и 10, 15. июля и 19 августа 1916 и их влияние на экономическое состояние южной России / К. Э. Линденман. – М.: Тип. К. Л. Меншова, 1917. – 384 с.
Lindenman K. E. Prekrashchenie zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya poselyan sobstvennikov: ukazy 2. fevralya i 13 dekabrya 1915 g. i 10, 15. iyulya i 19 avgusta 1916 i ih vliyanie na ehkonomicheskoe sostoyaniya yuzhnoj Rossii / K. E. Lindenman – M.: Tip. K. L. Men'shova, 1917. – 384 s.
8. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 4741.
GARK, f. 27, op. 13, d. 4741.
9. Справочник на 1915 г. об учебных заведениях Одесского учебного округа и служащих в них. – Одесса: Е.И. Фесенко, 1915. – 475. I–LXXII с.
Spravochnik na 1915 g. ob uchebnyh zavedeniyah Odesskogo uchebnogo okruga i sluzhashchih v nih. – Odessa: E.I. Fesenko, 1915. – 475. I–XXII s.
10. Die deutschen höhere weibliche Elementarschule in Okretsche Krime // Der Botschafter. – 1913. – №92. – S. 2.
11. ГАРК, Ф. Р-3292, оп. 1, д. 126.
GARK, F. R-3292, op. 1, d. 126.
12. Справочник на 1915 г. об учебных заведениях Одесского учебного округа и служащих в них. – Одесса: Е. И. Фесенко, 1915. – 475, LXXII с.
Spravochnik na 1915 g. ob uchebnyh zavedeniyah Odesskogo uchebnogo okruga i sluzhashchih v nih. – Odessa: E.I. Fesenko, 1915. – 475, LXXII s.
13. Справочник на 1916 г. об учебных заведениях Одесского учебного округа и служащих в них / Изд. Управления учебного округа. – Одесса: Тип. «Печатное слово», 1916. – 449, LXXVII с.
Spravochnik na 1916 g. ob uchebnyh zavedeniyah Odesskogo uchebnogo okruga i sluzhashchih v nih / Izd. Upravleniya uchebnogo okruga. – Odessa: Tip. «Pechatnoe slovo», 1916. – 449, LXXVII s.

14. ГАРК, Ф. Р-3292, оп. 1, д. 126.
GARK, F. R-3292, op. 1, d. 126.
15. Die deutschen höhere weibliche Elementarschule in Okretsch Krime // Der Botschafter. – 1913. – № 92. – S. 2.
16. Справочник на 1916 г. об учебных заведениях Одесского учебного округа и служащих в них / Изд. Управления учебного округа. – Одесса: Тип. «Печатное слово», 1916. – 449, LXXVII с.
Spravochnik na 1916 g. ob uchebnyh zavedeniyah Odesskogo uchebnogo okruga i sluzhashchih v nih / Izd. Upravleniya uchebnogo okruga. – Odessa: Tip. «Pечатnoe slovo», 1916. – 449, LXXVII s.
17. Справочник на 1915 г. об учебных заведениях Одесского учебного округа и служащих в них. – Одесса: Е. И. Фесенко, 1915. – 475. I–LXXII с.
Spravochnik na 1915 g. ob uchebnyh zavedeniyah Odesskogo uchebnogo okruga i sluzhashchih v nih. – Odessa: E.I. Fesenko, 1915. – 475. I–LXXII s.
18. ГАРК, Ф. Р-3292, оп. 1, д. 126.
GARK, F. R-3292, op. 1, d. 126.

Zadereychuk A. A., Zadereychuk I. P. Organization of the German Women Education System in Crimea in the late XIX – early XX century

The work is devoted to the study of the processes associated with providing education among girls of the German ethnic group of Crimea in the pre-Soviet period. The article describes the prerequisites for the formation of special educational institutions in the territory of the Tauride province. The dynamics of their increase in the south of the country is shown; identified specific educational institutions, designed primarily to provide professional education to German girls of the peninsula. The study focuses on the fact that the women's educational institutions for the Germans had a pronounced confessional character. Separately analyzed are the curricula, the qualitative and quantitative composition of teaching staff. The dynamics of changes in the number of pupils, the geography of students is covered.

Particular attention is paid to the history of the creation and functioning of the first higher female primary school in the village of Okrech in Feodosia district. The role of the German community in the creation, financing and provision of women's educational institutions with special conditions for the education of students is characterized. On the example of the Okrecian Women's Higher Primary School, planning solutions are presented for the design of similar educational institutions. Possible transformations of the status of educational institutions for girls are indicated. For example, the Okrech School was originally opened as a second-class female school, then transformed into a higher primary school, and in the period 1917–1920. was transformed into a seven-year female gymnasium. The paper points out that the existing system of women's education in the German ethnic group in the Crimea as a separate direction ceases to exist with the final establishment of Soviet power.

УДК 908 (47) КРЫМ

САЛГИРСКАЯ ОПЫТНАЯ ПОМОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Кравчук А. С.

*Музей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
alexkravchuk7@gmail.com*

Рассмотрена история создания и функционирования Салгирской опытной помологической станции, которая существовала в имении «Салгирка» близ Симферополя с 1 января 1913 по 1935 гг. Первым директором учреждения стал С. А. Мокржецкий, который подготовил собственный проект организации работы станции и принимал личное участие в ее научно-исследовательских разработках. Станция включала в себя микологический, энтомологический, помологический кабинеты, химическую лабораторию, метеорологическую станцию и гидромодульный отдел. Также в состав учреждения в апреле 1914 г. была включена созданная в 1897 г. Салгирская школа садовых рабочих. После установления власти большевиков территория станции была расширена, увеличилось количество сотрудников. В связи с существующим на полуострове острым дефицитом квалифицированных работников сельского хозяйства в 1930 г. было принято решение о создании высшего учебного заведения агрономического профиля в Крыму. В 1935 г. станция была ликвидирована, а на ее материально-технической базе был организован Крымский сельскохозяйственный институт.

Ключевые слова: Салгирская опытная помологическая станция, Крымский сельскохозяйственный институт, С. А. Мокржецкий, А. Х. Стевен, Н. А. Григорович.

Конец XIX – начало XX вв. для Крыма ознаменовался созданием целого ряда научных и исследовательских организаций. Одним из таких учреждений стала Салгирская опытная помологическая станция. Идея основания подобного учреждения в Крыму будоражила умы местных ученых еще в конце XIX в. Представители общественности и науки осознавали необходимость создания организации, занимающейся изучением сельского хозяйства южных степей Российской империи. Главным зачинателем выступил Симферопольский отдел Императорского русского общества садоводства. Поддерживая эту идею, в 1895 г. инициативная группа, состоящая из Н. Н. Бетлинга, И. И. Штавана и А. Х. Стевена, выступила за приобретение казной имения «Салгирка», находящегося на окраинах Симферополя (ныне Ботанический сад им. Н. В. Багрова Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского). Имение было выкуплено благодаря активному участию Александра Христиановича Стевена, занимавшего пост товарища министра земледелия (его заместителя – А. К.) [20, с. 2–3]. Спустя два года, 1 октября 1897 г., была открыта Салгирская школа садовых рабочих [13, л. 1], основной задачей которой стала подготовка опытных садовников. Создание помологической станции отложили на неопределенное время.



*Въезд в Салгирскую опытную
помологическую станцию.*

В 1907 г. при Таврической губернской земской управе прошел ряд совещаний, посвященных проблеме организации опытной помологической станции, на которых были намечены задачи учреждения, определен личный состав [20, с. 2–3]. По мнению участников совещаний, станция должна была «служить разработке вопросов степного плодоводства юга России» [20, с. 2]. Результатом деятельности собраний стала докладная записка, представленная в Департамент земледелия Государственной Думы. 9 июня 1912 г. последовало высочайшее утверждение, одобренное Государственным советом и Государственной Думой, об учреждении с 1 января 1913 г. опытной плодоводственной станции в казенном имении «Салгирка» [20, с. 3].

Если отведением земель станция была обязана А. Х. Стевену, то организация работы и разработка программных документов легла на плечи энтомолога С. А. Мокржецкого (1865–1936) [22; 23]. Ученый родился 2 мая 1865 г. в имении Дзитрики Виленской губернии в помещичьей семье. В 1884 г. окончил Виленское реальное училище, а в 1889 г. –



Главный фасад дома Воронцова. Фото 1915 г.

Императорский санкт-петербургский лесной институт. С 1893 г. он занимал пост таврического губернского энтомолога [7, л. 3–4] и заведующего Естественно-историческим музеем в Симферополе [11, л. 6–6 об.]. С 1 января 1913 г. стал директором Салгирской опытной помологической станции.



Микологический кабинет в доме Воронцова.

После создания помологической станции в имении «Салгирка» находилось 2 учреждения, между руководством которых постоянно возникали различные конфликты. Основной причиной был недостаток на территории имения удобной для посадки растений земли. В апреле 1914 г. на заседании Симферопольского отдела Императорского русского общества садоводства развернулись ожесточенные дебаты по поводу будущего двух учреждений [24, с. 211–232]. На этом же заседании было принято решение об обеспечении станции необходимым количеством земли, соответствующими средствами и персоналом для осуществления возложенных на нее задач. Все имение «Салгирка» должно поступить в ведение опытной помологической станции [24, с. 215].

В 1919 г. был утвержден устав Салгирской опытной плодоводственной станции Министерства земледелия, согласно которому ставились следующие задачи: «1) работа по улучшению садоводства в Крыму; 2) разведение лекарственных трав, нужных в особенности для армии; 3) разведение огородных маточных растений для огородов, необходимых как армии, так и всему остальному населению; 4) школа садоводства обучает крестьянских детей садоводству, огородничеству и виноградарству; 5) станция отвечает на запросы хозяев, касающиеся садоводства, огородничества, лекарственных трав, и дает указания по борьбе с вредными насекомыми и грибными болезнями. [...] Местом гуляния станция не служит. Вход же в школу садоводства и Воронцовскую рощу открыт для публики ежедневно до 6 часов вечера» [14, л. 83].

В 1913 г. от школы садоводства станция получила 6 зданий, главным из которых был особняк М. С. Воронцова, построенный таврическим гражданским губернатором Д. В. Нарышкиным [19]. Сооружение находилось в обветшавшем состоянии, ремонтные работы там не проводились с 80-х гг. XIX в.

С. А. Мокржецкий подготовил собственный проект реконструкции сооружения, который подразумевал его адаптацию к целям станции, при этом ученый стремился сохранить архитектурную ценность и уникальность здания [5]. Ремонтные работы проходили весной – осенью 1914 г., после их завершения работники станции переехали в собственные помещения (с мая 1913 г. станция находилась в доме Абрикосова, сейчас – ул. Воровского, 26). Именно в доме Воронцова после ремонта были размещены научные кабинеты станции. В подвале обустроили квартиры сторожей, плодохранилища, фотографическую комнату. В самом здании помещались помологический кабинет, библиотека, зал заседаний, аудитория на 40–50 человек, фитопатологический кабинет, канцелярия, энтомологический кабинет, кабинет директора станции (там же музей), приемная комната для приезжающих. Было проведено электричество. При меблировке учитывался архитектурный стиль здания.



Персиковый сад. Деревья, высаженные в 1915 г.

дусень, антоновку [20, с. 10]. Вокруг нового дома директора был заложен арборетум, дендрологический участок. Гордостью станции были старые деревья: плакучая ель и хвойные деревья перед фасадом главного здания; канадская, пирамидальная, плакучая, шаровидная константинопольская шелковицы; аллея из диких каштанов.

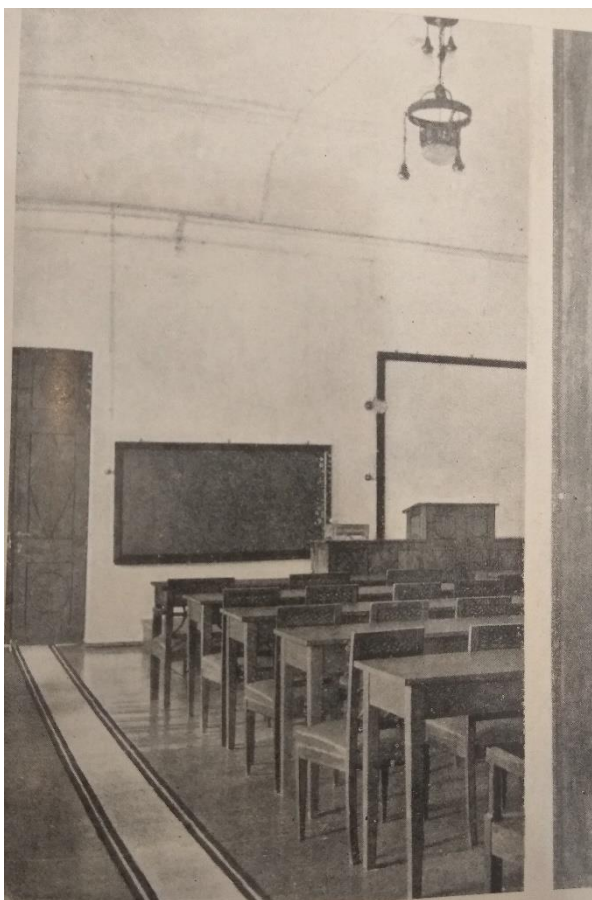
На территории станции началось возведение новых сооружений. Так, изначально планировалась постройка домов для директора, младших служащих, здания для различных служб, двухэтажного дома для пяти помощников, холодильника для опытов, оранжереи, вегетационного домика. Однако из-за начавшейся Первой мировой войны были построены лишь первые три сооружения. Кроме того, частично был восстановлен забор вокруг имения, проложены дороги, сделан водопровод, создан пруд. Успехи ученого во главе учреждения были отмечены наградами и успешным продвижением по службе [7, л. 4–5].

С. А. Мокржецкий инициировал проведение значительной работы по омоложению садов, выкорчевыванию старых насаждений. Вокруг дома Воронцова был заложен помологический сад и посажены различные сорта аборигенных плодовых деревьев. Закупались саженцы в США и Франции. Директор станции упоминал в этой связи американские кребы, сеньжюльены, алычу,

Сотрудники станции вели активную научно-исследовательскую работу. Помологический кабинет возглавлял И. Л. Бедельян. Особое внимание уделялось исследованию автохтонных диких родственных форм плодовых деревьев с целью получения устойчивых подвоев. А. А. Немиров в течение лета 1915 г. занимался сбором в лесах горного Крыма гербария дикорастущих плодовых деревьев, всего было собрано около 200 единиц [20, с. 15]. Также сотрудниками помологического кабинета велись исследования возможности использования колодезной воды для полива плодовых растений в Крыму. Ученые этого подразделения станции в течение 1914–1915 гг. подготовили ряд научных трудов [20, с. 17].

Микологический кабинет был открыт на станции 1 мая 1913 г. Здесь изучались вопросы фитопатологии местных садовых культур. Заведовал кабинетом Иван Епифанович Барбарин, который занимался изучением микологического разнообразия Крыма и вредителей культурных растений, проводил опыты по применению фунгицидов [3, с. 191–192]. Сотрудники кабинета собрали и обработали материал по микологической флоре Крыма (около 400 видов). С началом Первой мировой войны И. Е. Барбарин был призван на фронт, работа кабинета продолжалась состоящими при нем практикантами, однако уже не была столь значимой. И. Е. Барбарин трудился в военном госпитале бактериологом, скончался 5 декабря 1916 г. после непродолжительной тяжелой болезни [3, с. 191–192].

Энтомологический кабинет был организован одновременно со станцией, возглавлял его С. А. Мокржецкий, активное содействие ему оказывал А. П. Брагин. Здесь изучалась биология садовых и огородных растений, их паразитов; велась разработка методов борьбы с вредителями. Важным направлением деятельности была подготовка практикантов по прикладной энтомологии. В конце сентября 1914 г. на территории «Салгирки» была открыта метеорологическая станция [4, л. 1–43], задачами которой было наблюдение за климатическими



Аудитория в доме Воронцова.



Пруд на территории станции.



*Посев клещевины на территории
станции. Фото 1916 г.*

условиями и их влиянием на рост и урожай садовых культур. Также здесь проводилось изучение различных природных явлений, негативно влияющих на растения.

Трудней всего С. А. Мокржецкому далась организация химической лаборатории. Ее создание было поручено Томасу Арнольдовичу Зилесу, который длительное время получал плату за службу, а сам в это время продолжал обучение в Петрограде. В результате между ним и директором станции возник конфликт, закончившийся увольнением Т. А. Зилеса, который лишь однажды посетил учреждение [11, л. 11, 27–28]. После этого организация лаборатории в 1915 г. была поручена Николаю Александровичу Григоровичу. Ученый переехал в Крым из Харькова из-за туберкулеза, которым он заболел в 1914 г. [11, л. 68–68об.]. Н. А. Григорович родился в 1886 г., в 1912 г. окончил Императорский



Химическая лаборатория. Фото 1 января 1916 г.

помощника заведующего отделом полеводства в Харьковской областной сельскохозяйственной опытной станции [11, л. 69]. На харьковской станции ученый занимался работами в химической лаборатории, изучением нитратов, фосфатов, влажности почв, вегетационными опытами, влиянием понижения влаги в критические периоды жизни растений и роли в этих процессах удобрений и т. д. Свою работу он продолжил в Симферополе.

Химическая лаборатория помологической станции была размещена в соседнем с домом Воронцова здании – кухне. Ранее в этом помещении находилась библиотека школы садоводства. В 1916 г. здесь были проведены ремонтные работы

по реставрации здания, а также его приспособление под нужды лаборатории. Были проложены газовые и водопроводные трубы, проведено электричество, установлены вытяжные шкафы. Всего в помещении насчитывалось 6 комнат: общая химическая, лаборантская, весовая, кабинет химика, азотная и

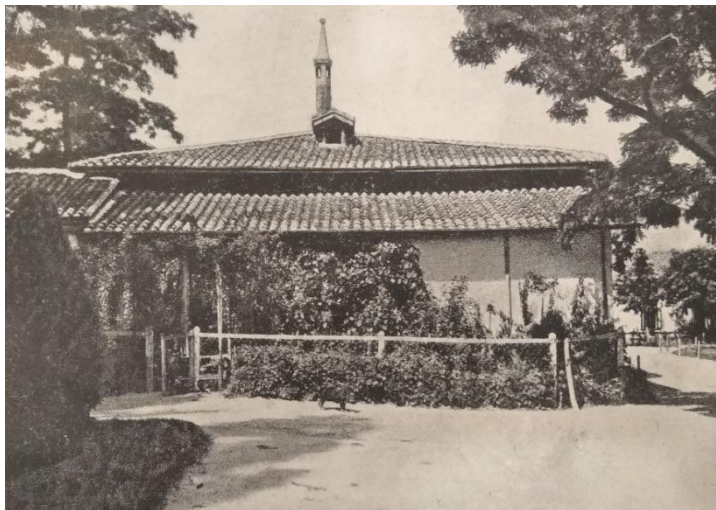
Юрьевский университет по агрономическому отделению физико-математического факультета [11, л. 69]. В феврале 1914 г. Императорский Юрьевский университет присвоил ему степень кандидата сельского хозяйства за диссертацию «Влияние пересадки и окучивания на кущение и укоренение хлебных злаков». С марта 1914 г. он занимал должность



Дом Палласа, в котором размещались заведующий школой и ее преподаватели.

моечная. Н. А. Григорович проводил в лаборатории изучение химических процессов растений, среды их обитания, влияния физического воздействия на растения, а также вел разработку различных препаратов, необходимых в сельском хозяйстве [6, л. 1–29]. В связи с условиями военного времени в лаборатории велись работы по изучению лекарственных свойств растений.

Весной 1915 г. был открыт гидромодульный отдел, занимающийся изучением искусственного орошения и типов оросительных систем [20, с. 32]. Сотрудниками подразделения были определены нормы полива культур, произрастающих на станции. В 1917 г. Салгирская помологическая станция стала участником образованной Таврической научной ассоциации. Это стало возможным благодаря С. А. Мокржецкому, который возглавил новое научное объединение [11, с. 22–31]. Активным членом организации был также Н. А. Григорович.



Дом директора.

После начала Первой мировой войны помологическая станция оказывала содействие войскам. Многие сотрудники были призваны в армию [11, л. 28, 44, 151–153].



Службы.

Работники станции проводили сушение, консервирование фруктов для раненных и больных солдат. В этом деле учреждение сотрудничало с консервной фабрикой братьев Абрикосовых, которое располагалось неподалеку (район современного центрального автовокзала в Симферополе). Кроме того, на станции был заложен питомник лекарственных растений, где выращивались клещевина, шафран,

белена, наперстянка и т. д. Велись разработки, направленные на борьбу с вредителями запасов муки и зерна, заготавливаемых для армии, а также с паразитами человека (вши, клопы, блохи, клещи).

Военные действия затрудняли деятельность станции. Значительное подорожание продуктов питания на полуострове вынудило местные органы власти создать летом 1917 г. на станции хозяйственную комиссию, в задачи которой входило: «а) наблюдение за правильным ведением работ, как по общему хозяйству, так и по садоводству, огородничеству, лекарственным культурам; б) наблюдение за правильным распределением и применением постоянной и поденной рабочей силы по работам станции и школы; в) наблюдение за правильным и экономным расходом всякого рода материалов, включая посевные и кормовые; г) наблюдение за своевременной и правильной обработкой садовых и огородных плантаций; д) учет и наблюдение за правильным хранением, применением и расходом продуктов, получаемых с садоводства, огородничества и лекарственных растений; е) выяснение рыночных и установление местных цен на приобретаемые и продаваемые станцией разного рода материалы, продукты и инвентарь; ж) наблюдение за правильным производством расходов на хозяйственно-операционные нужды станции и поступлением в кассу станции выручаемых от продажи продуктов производства станции; з) выяснение и своевременное представление заведующему станцией сведений о суммах, потребных на хозяйственно-операционные расходы следующего года, и следить за правильностью работ и принимать соответствующие меры в случае неправильного исполнения обязанностей рабочими» [8, л. 10–10об.].

В августе 1917 г. директор станции вновь поднял вопрос о необходимости выделения дополнительных 35 десятин земли для нужд учреждения, так как большинство земель были заняты культурами, выращиваемыми для армии [8, л. 20–22]. Решение по этому вопросу так и не было принято в связи с разразившейся гражданской войной. Вскоре с новой силой разгорелся конфликт между С. А. Мокржецким и руководством Школы садоводства. Зимой 1918 г. был поднят вопрос о разделении территории между двумя учреждениями. Для этого была организована специальная комиссия, которая провела ревизию дел школы. В это же время на земли имения «Салгирка» появился новый претендент, им стал агрономический факультет Таврического



Дом для младших служащих.

университета. Руководство высшего учебного заведения планировало создать на базе «Салгирки» ботанический сад [14, л. 2–2 об.]. Поддержал эту идею симферопольский городской голова В. А. Иванов, ученый-почвовед Н. Н. Клепинин; против выступил коллектив помологической станции. Окончательное решение по этому вопросу так и не было принято.

Во время гражданской войны С. А. Мокржецкий активно боролся за сохранение коллектива, ходатайствовал перед представителями быстро сменявшихся в Крыму органов власти с просьбами об освобождении сотрудников от мобилизации [10, л. 24–24 об., 43]. Директор просил разрешить ношение оружия работниками станции и настаивал на организации вооруженной стражи для охраны ее имущества [9], причиной тому были несколько попыток грабительских нападений [10, л. 13]. В годы революции помологическая станция оставалась единственным заведением подобного рода в стране [2, с. 58].



*Сигизмунд Александрович
Мокржецкий.*

В марте 1919 г. на станции числилось 32 работника: помолог Василий Васильевич Пашкевич, миколог Сергей Львович Стрелин, химик Николай Александрович Григорович, ученый-садовод Александр Александрович Немиров [10, л. 5–5 об.]. Директором станции и ее коллективом была собрана профильная библиотека, опись книг, входящих в ее состав, сохранилась в Государственном архиве Республики Крым [12]. Библиотекой пользовался проживавший в доме Воронцова весной – осенью 1920 г. Владимир Иванович Вернадский. 26 мая 1920 г. ученый записал в своем дневнике: «Сию на балконе старого Воронцовского дворца, переустроенного с сохранением стиля Мокржецким. Холодное ясное утро после нескольких дождливых дней с грозами. Всюду звуки – птиц, домашней, близкой деревни, дороги, отдающихся во влажном воздухе. [...] Встаю рано, ложусь рано. В 9-м часу уже в постели, в 5-м уже встаю. Нет достаточного света – нет керосина, плохая лампа. Приходится приноравливаться.

Ниночка (дочь ученого – А. К.) сегодня не ночевала дома. Вечером ходить здесь небезопасно – из-за собак» [2, с. 80].

После захвата Крыма большевиками 29 октября 1920 г. С. А. Мокржецкий покинул полуостров, оставив свой архив и все наработки за длительное восемнадцатилетнее пребывание в Симферополе [25, с. 26–27]. Станция оказалась в крайне сложном положении. 31 мая 1923 г. Президиумом КрымЦИК было принято решение о передаче территории учреждения создаваемому Крымскому институту специальных культур, при этом за станцией сохранялся статус опытно-

исследовательского учреждения [15, л. 1–1об.]. Однако уже в апреле 1924 г. было принято решение о ликвидации учебного заведения, с сентября 1925 г. Крымский институт специальных культур был слит с Северо-Кавказским сельскохозяйственным институтом. Станция снова стала самостоятельной организацией.

В 1925 г. была проведена реорганизация, после которой учреждение стало именоваться Салгирской опытной плодородственной станцией, была принята новая программа работы. Перед учреждением стояли следующие задачи: «1) обследование Крыма в садовом отношении; 2) сортоизучение и сортовыведение; 3) вопросы орошения; 4) подвоев; 5) обрезки; 6) степного плодородства; 7) междурядной культуры» [16, с. 154]. Возглавлял станцию профессор А. Н. Казанский, должность помолога занимал В. А. Колесников [16, с. 154], который обследовал станцию, определил сорта деревьев, произрастающих на ее территории. Проведенная им работа нашла отражение в ряде публикаций [17].

В 1928 г. Салгирская опытная плодородственная станция была преобразована в Салгирскую садово-огородную областную станцию [21, с. 153–155]. В 1930 г. в ведомство учреждения входили территории не только бывшего имения «Салгирка», а также земли в Кара-Кияте (совр. с. Грушевое Симферопольского р-на) и в ряде крупных совхозов и колхозов в различных районах полуострова. Станция в это время вела активную работу по следующим направлениям: изучение садово-огородных почв Крыма, водного и питательного режима почв; проблемы питомниководства (поиск засухоустойчивых и морозоустойчивых подвоев); биологии плодового дерева; работы по вопросам стандартизации съемки и сортировки, упаковки и хранения; проблемы огородничества [21, с. 153–154]. Если в 1929 г. штат станции состоял из 11 человек, из которых 5 являлись специалистами в различных областях сельского хозяйства, то в 1930 г. количество штатных сотрудников было увеличено до 26



Студенты Крымского сельскохозяйственного института в лабораториях «Салгирки». Фото 30-х гг. XX в. (Фото из архивов музея Академии биоресурсов и природопользования).

человек. Кроме того, было задействовано 16 сверхштатных рабочих и около 20 студентов-практикантов Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе [21, с. 154]. Директором станции в это время был П. Соляников.

В 1930 г. было принято решение о восстановлении учебного заведения агрономического профиля в Крыму, и уже в 1931 г. начались активные работы по организации Крымского сельскохозяйственного института. 11 апреля 1932 г. Крымский Совнарком принял решение о перенесении Салгирской садово-огородной областной станции из «Салгирки» в двухнедельный срок и освобождении помещений для нужд института. Однако станция прекратила свое существование лишь в начале 1935 г., когда все имущество учреждения было передано в ведение высшего учебного заведения. Это позволило заложить материальную базу Крымского сельскохозяйственного института.

Таким образом, за 22 года существования Салгирской помологической станции была проделана значительная научная и организационная работа. С. А. Мокржецкому удалось создать коллектив, способный к творческому труду, что позволило научному учреждению занимать видное место среди организаций подобного профиля. Немаловажным видится и практическая направленность в деятельности станции, которая развивалась в двух направлениях: подготовке квалифицированных работников при помощи школы садовых рабочих, а также решении насущных проблем крымского плодового садоводства. Велась активная публицистическая деятельность. Важность станции была осознана и большевиками, которые поддерживали ее деятельность после 1920 г. и даже сумели решить одну из важнейших проблем учреждения – проблему наделения ее необходимым количеством земли. Уровень, достигнутый станцией в 30-е гг. XX в., позволил на ее основе создать Крымский сельскохозяйственный институт. Именно это учреждение можно во многом считать продолжателем традиций Салгирской опытной помологической станции.

Список использованных источников и литературы

1. Аулин Б. С. Съезды Таврической научной ассоциации в общественно-культурной жизни Крыма (1917–1920) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». 2010. № 1. С. 22–31.
Aulin B. S. S"ezdy Tavricheskoy nauchnoy assotsiatsii v obshchestvenno-kul'turnoy zhizni Kryma (1917–1920) // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. «Istoricheskie nauki». 2010. № 1: spetsvyпуск «Istoriya Ukrainy». S. 22–31.
2. Вернадский В. И. Дневники 1917–1921: январь 1920 – март 1921. К.: Наукова думка, 1997. 348 с.
Vernadskiy V.I. Dnevniky 1917–1921: yanvar' 1920–mart 1921. K.: Naukova Dumka, 1997. 348 s.
3. Гарбовский Л. Некролог И. Е. Барбарина // Защита растений от вредителей. 1924. Т. 1, № 6. С. 191–192.
Garbovskiy L. Nekrolog I. E. Barbarina // Zashchita rasteniy ot vreditel'ey. 1924. T. 1, № 6. S. 191–192.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 157. Оп. 1. Д. 4.
GARK. F. 157. Op. 1. D. 4.
5. ГАРК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 5.
GARK. F. 155. Op. 1. D. 5.
6. ГАРК. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1.
GARK. F. 157. Op. 1. D. 1.
7. ГАРК. Ф. 157. Оп. 1. Д. 33.

- GARK. F. 157. Op. 1. D. 33.
8. ГАРК. Ф. 157. Оп. 1. Д. 36.
- GARK. F. 157. Op. 1. D. 36.
9. ГАРК. Ф. 157. Оп. 1. Д. 50.
- GARK. F. 157. Op. 1. D. 50.
10. ГАРК. Ф. 157. Оп. 1. Д. 55.
- GARK. F. 157. Op. 1. D. 55.
11. ГАРК. Ф. 157. Оп. 1. Д. 7.
- GARK. F. 157. Op. 1. D. 7.
12. ГАРК. Ф. 157. Оп. 2. Д. 8.
- GARK. F. 157. Op. 2. D. 8.
13. ГАРК. Ф. 155. Оп. 2. Д. 84.
- GARK. F. 155. Op. 2. D. 84.
14. ГАРК. Ф. 155. Оп. 2. Д. 92.
- GARK. F. 155. Op. 2. D. 92.
15. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 282.
- GARK. F. R-652. Op. 1. D. 282.
16. Естественно-историческая хроника Крыма // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Т. 8. Симферополь, 1925. Т. 8. С. 147–160.
Estestvenno-istoricheskaya khronika Kryma // Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytateley i lyubiteley prirody. T. 8. Simferopol', 1925. T. 8. S. 147–160.
17. Колесников В. А. Ориентировочный сортимент плодовых пород для Крыма // Труды Салгирской опытной подоводственной станции. 1927. Вып. 2. С. 65–77.
Kolesnikov V.A. Orientirovochnyy sortiment plodovykh porod dlya Kryma // Trudy Salgirskey opytnoy podovodstvennoy stantsii. 1927. Vyp. 2. S. 65–77.
18. Колесников В. А. Основания организации Салгирской станции и ее работы за 1924–1925 годы // Труды Салгирской опытной плодородственной станции. 1926. Вып. 1. С. 74.
Kolesnikov V.A. Osnovaniya organizatsii Salgirskey stantsii i ee raboty za 1924–1925 gody // Trudy Salgirskey opytnoy plodovodstvennoy stantsii. 1926. Vy. 1. S. 74.
19. Кравчук А. С., Непомнящий А. А. Дмитрий Васильевич Нарышкин: к биографии таврического гражданского губернатора [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и время. 2016. Т. 12. Вып. 1.: Крымоведение: пространство и время Крыма. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_east12-1.2016.12.
Kravchuk A. S., Nepomnyashchiy A. A. Dmitriy Vasil'evich Naryshkin: k biografii tavrisheskogo grazhdanskogo gubernatora [Elektronnyy resurs] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i vremya. 2016. T. 12. Vyp. 1.: Krymovedenie: prostranstvo i vremya Kryma. Statsionarnyy setevoy adres: 2227-9490e-aprov_east12-1.2016.12.
20. Мокржецкий С. А. Салгирская помологическая станция: краткий очерк ее деятельности за 1913–1915 организационные годы. Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1916. 40: ил.
Mokrzhetzkiy S.A. Salgirskeya pomologicheskaya stantsiya: kratkiy ocherk ee deyatelnosti za 1913–1915 organizatsionnye gody. Simferopol': Tip. Tavrisheskogo gubernskogo zemstva, 1916. 40: il.
21. Научная хроника // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1930. Т. 12. С. 137–155.
Nauchnaya khronika // Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytateley i lyubiteley prirody. Simferopol', 1930. T. 12. S. 137–155.
22. Непомнящий А. А., Синичкин А. В. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и изучение этнографии Крыма // Етнічність в історії та культурі: матеріали і дослідження / Одеський держ. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса: Гермес, 1998. С. 49–52.
Nepomnyashchiy A. A., Sinichkin A. V. Krymskoe obshchestvo estestvoispytateley i lyubiteley prirody i izuchenie etnografii Kryma // Etnichnist' v istorii ta kul'turi: materialy i doslidzhennya / Odes'kiy derzh. un-t im. I. I. Mechnikova. Odesa: Germes, 1998. S. 49–52.
23. Непомнящий А. А., Синичкин А. В. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 210–216.

Nepomnyashchiy A. A., Sinichkin A. V. Krymskoe obshchestvo estestvoispytateley i lyubiteley prirody i razvitiye istoricheskogo kraevedeniya Kryma // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 1998. № 3. S. 210–216.

24. Протокол заседания общего собрания членов Симферопольского отдела Императорского русского общества садоводства // Записки Симферопольского отдела Имп. русского общества садоводства. Симферополь, 1914. Вып. 144. С. 211–232.

Protokol zasedaniya obshchego sobraniya chlenov Simferopol'skogo otdela Imperatorskogo rossiyskogo obshchestva sadovodstva // Zapiski Simferopol'skogo otdela Imp. Rossiyskogo obshchestva sadovodstva. Simferopol', 1914. Vyp. 144. S. 211–232.

25. Czyżewski J. A. Zygmunt Mokrzecki znakomity entomolog polski. Lwow, 1937. 80 s.

Kravchuk A. S. Salhir experimental pomological station: the pages of history

In my article, I consider the history of creation and activity of Salhir experimental pomological station. Crimean scientists promoted the idea of station creation at the end of XIX century. A.H. Steven, N.N. Betling and I.I. Shtvan suggested to buy «Salhirka» estate nearby Simferopol for this purpose (today it is territory of N.V. Bagrov Botanic garden of V.I. Vernadskiy Crimean Federal University). The city council bought manor in 1895, and after 2 years in 1-st of October 1897, it is founded Salhir School of garden workers. However, most of Taurida elite advocated creation of pomological station, one of them was Zygmunt A. Mokrzecki He was born in 2-nd of May 1865 at Vilna Governorate and studied botany and pomology at Vilna real college and Emperor St. Petersburg forestry Institute. Since 1907, he was an entomologist of Taurida Governorate and a header of Simferopol's Natural History Museum. Zygmunt A. Mocrzecki prepared a charter of Salhir experimental pomological station and he was a first director of this scientific organization.

Salhir station began work in 1-st of January 1913 and it consisted of six departments: namely, Mycology, Entomology, Pomology offices, a chemical laboratory, a weather station and Irrigation section. Moreover, Salhir School of garden workers became a part of Salhir station. Zygmunt A. Mokrzecki initiated the repair of old buildings and built new facilities. He prepared his own plan of reconstruction Vorontsov's Mansion, which situated on territory of «Salhirka». Employees of the station were active in research work. For example, they published articles about gardening in Crimea, experimented with frequency and quantity of irrigation, researched the rootstocks etc. During World War I, the members of station helped Russian army. For instance, they studied the ways of dealing human parasites (such lice, fleas, bugs, mites. Salhir station and Abricosov Factory prepared dried and canned for wounded soldiers.

Civil War was the hardest period in history of Salhir experimental pomological station. The robbers attacked the station several times. After that incidents, Director appealed to regional authorities to arm staff station for protection themselves and property of organization. When Bolsheviks took power in Crimea, Zygmunt A. Mokrzecki left peninsula. New regime reorganized scientific institution several times. There was a significant shortage of agricultural specialists in Crimea. In 1930, Crimean Sovnarcom decided to create in the Crimea agricultural Institute. Salhir Station was closed in 1935 and its facilities became a part of the agricultural Institute.

Keywords: Salhir experimental pomological station, Crimean agricultural Institute, S.A. Mokrzycki, A. H. Steven, N. A. Grigorovich.

УДК 94 (37+38)

КАК УЗНАТЬ ФИЛОСОФА: СХИЗМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В МЕМОРИАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: indrik-u-blues@rambler.ru*

Рассматривается тип изображения интеллектуала в мемориальной скульптуре Северного Причерноморья. Образ интеллектуала (прежде всего философа, а также оратора, автора ученых сочинений, поэта, медика) первоначально сложился в античной литературной традиции (ее начало положено в сочинениях Платона), а с последней трети IV в. до н. э. появляется в скульптурных, живописных и мозаичных памятниках (например, статуи Софокла, Эсхина, Демосфена). Тип интеллектуала в эллинистическое время появляется и в мемориальной скульптуре – это, прежде всего, надгробные рельефы, распространенные в городах Малой Азии во II–I в. до н. э. (Смирна, Византий, Кизик). Малоазийская скульптура, как представляется, повлияла на появление изображения интеллектуала в памятниках Северного Причерноморья. Особенно распространен тип интеллектуала был в мемориальной скульптуре Херсонеса и Боспорского царства в I в. до н. э. – II в. н. э.

Ключевые слова: античная культура, античные города Северного Причерноморья, мемориальная скульптура.

В античной литературной традиции, начиная с Платона¹, складывается образ интеллектуала (прежде всего, философа – этот термин подразумевал зачастую и оратора, и автора ученых сочинений, учителя, медика), который отличен от других смертных и потому нуждается в особом описании. Человек, взывающий мудрости, отмечен божеством; он не боится смерти; не подвержен заблуждениям толпы; может легко разобраться в любой науке, поскольку служит Музам и постигает суть всех «вещей божественных и человеческих» (Plat. Phaed. 61a, 64d-e, 68b, 95c, 114c; Plat. Phaedr. 249c-d; Plat. Tim. 47b; Cic. De offic. II. I. 5; Cic. De orator. I. 49. 212; Philostr. Apoll. Trian. II. 39). Особенно важно, что философ один может жить правильно и счастливо, поскольку является носителем истинной нравственности (Cic. Tusc. Disc. IV. XXXIII. 70, 82–84; Luc. Catapl. 7, 24). За наукой о нравственной и благой жизни к философу и приходят ученики (Luc. Demonact. 6–7; Epict. Diatrib. III. 1. 24).

Очевидно, что и выглядеть философ должен иначе, нежели остальные люди. Внешний вид философа подробно описывали античные авторы, среди различных признаков людей интеллектуальных уделяя особое внимание

¹ Особенно важными в создании образа философа стали диалоги «Пир» и «Федон». В «Федоне» Платон отстаивает мысль, что души, очистившиеся философией, обретают наилучшую посмертную участь (Plat. Phaed. 68b, 95c, 114c). В «Пире» Платон приводит философский миф об Эротe – посреднике между богами и людьми – и сравнивает философа с Эротом (Plat. Symp. 203–204c).

«философскому плащу¹». Плащ воспринимался как неременная принадлежность образа философа, его атрибут. Благодаря особенному внешнему виду философа узнают в толпе, подходят, чтобы побеседовать и узнать что-либо полезное (описание такой ситуации оставил Иустин Философ в «Диалоге с иудеем Трифоном» – Iust. De Tryph. 1; напротив, Дион Хризостом рассказывал, что необразованные люди ищут случая избить философа, как только увидят его, поскольку не могут стерпеть его очевидного нравственного превосходства над собой – Dion. Chrys. Or. LXXII. 9). Ношение плаща как отличительного знака философа сохранялось даже среди христиан из греко-римской среды вплоть до IV в. Авторы-христиане (апологеты и ранние Отцы Церкви) объясняли ношение «философского плаща» старыми привычками бывшего философа-язычника либо тем, что христианин – это приверженец истинной и лучшей философии, а значит, для него пригоден такой вид одежды (Iust. De Tryph. 1; Tert. De pal. VI. 2; Greg. Nazian. Log. 25).



*Рис. 1. Римская копия статуи 30-х годов IV века до н. э.
Музеи Ватикана, собрание Латеранского музея.*

¹ Указывались и другие отличительные признаки философа: длинная борода, неухоженная прическа (у киников), бледный вид и величаявая поступь. Эти признаки часто использовались и для критики философов и лжефилософов (Aristoph. Nephel. 101; Luc. Pisc. 31, 46; Luc. Icaromenip. 5, 29; Athen. Deirp. 5. 211e). Так, в пародии Лукиана «Зевс трагический» Гермес обращается к олимпийскому владыке: «О чем, Зевс, задумчиво бормочешь ты? / Разгуливаешь бледен, как философы»; сам Зевс, желая узнать, как философы рассуждают о богах, спустился на землю и «принял подобный им вид и, отпустив длинную бороду, стал очень похож на философа» (Luc. Jupiter Tragoadus. 1, 16).



*Рис. 2. Академия Платона. Мозаика из Помпей (Вилла Т. Симиния Стефана).
Начало I в. до н. э. Неаполь, Национальный археологический музей.*



*Рис. 3. Позднеэллинистическая стела из Византия.
Археологический музей Стамбула.*



Рис. 4. Надгробие из Смирны. II–I в. до н. э. Государственные музеи Лейдена.

С обозначением «философского плаща» в античной литературе связаны особые термины¹. В текстах греческих авторов в качестве такой «профессиональной одежды» обычно употреблялись такие термины: гиматий (ἱματίον) и трибон (τρίβων).

Гиматий представлял собой несшитый длинный плащ, достигающий до лодыжек, из льняной или шерстяной ткани. Он покрывал спину, левую руку, иногда обе руки (т. н. ораторский тип гиматия). Гиматий был общеупотребительной гражданской одеждой; Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» отличал его от военного плаща, хламиды (χλαμύδα) (Хен. Мет. III. 10. 12). Гиматий носили врачи, учителя и жрецы [10, с. 10, 11, 22; 14, с. 72, 76, 105–106]. В этом гражданском варианте мужской одежды изображались и юные палестриты, и олимпийские боги, что позволило Диону Хризостому сравнить внешний вид философов со статуями богов (Dion. Chrys. Or. LXXII. 5–6). Вполне возможно, что гражданский плащ на голое тело стал

¹ В русских переводах греческих и латинских текстов они почти неизменно фигурируют под словом «плащ», однако это часто не способствует пониманию источника. Так, например, неразличимыми становятся гиматий (который носили философы различных школ) и трибон (характерный главным образом для киников).

«маркером» философа при значительном влиянии Сократа. Ксенофонт передал слова софиста Антифонта: Сократ носил только один и тот же скверный гиматий (ἱμάτιον ἡμίφεισαι οὐ μόνον φαῦλον), ходил босым и без хитона (ἀχίτωνα) (Xen. Mem. I. 6. 2) [Цит. по: 28, с. 62].

В отличие от остальных сократиков, киники в своем подражании Сократу сделали акцент на аскетической стороне его образа, и вполне закономерным следствием этого явилась киническая σῆμα (внешний вид): трибон – укороченный поношенный или вовсе ветхий, негодный плащ (об этом свидетельствует даже его название¹), сочетавшийся с сумой, посохом и, как правило, неухоженными бородой и прической. Так, киников изображают и нарративные источники, и скульптурные или живописные портреты (Luc. Fugit. 7; Luc. Суп. 1, 17, 19). Трибон походил на гиматий, но был значительно короче. Согласно Диогену Лаэртскому, трибон носили киник Кратет и его жена Гиппархия, во всем следовавшая мужу; в трибон оделся выходец из Северного Причерноморья Бийон Борисфенит, приехав в Афины и примкнув к кинической школе. Диоген Лаэртский передает историю кинического плаща: трибон – это гиматий, сложенный вдвое, как правило, дырявый и старый. Первым трибон стал носить основатель кинической школы Антисфен (по другой версии – Диоген Синопский); ученики Антисфена последовали примеру учителя (Diog. Laert. IV. 7. 51–52; VI. 1. 7, 13; VI. 2. 22, 77; VI. 5. 87, 92, 93; VI. 7. 97, 105). В римское время трибон остается одеждой киников (Luc. de Mort. Peregrin. 15, 24, 36). Герой одного из диалогов Лукиана «фиксирует» идеал внешности философа кинической школы: «что же касается грубого плаща (τρίβων), над которым вы насмехаетесь, то и он, и мои длинные волосы, и вся моя наружность такой огромной обладают силой, что дают мне возможность жить спокойно, делать что захочу, и дружески встречаться с кем пожелаю» (Luc. Суп. 19) [Цит. по: 12, с. 443; 24, р. 409]. Трибон, по всей видимости, носили некоторые стоики, об этом свидетельствовал Эпиктет². (Epictet. Discours. III. 1. 24; IV. 8. 5–6, 12, 34).

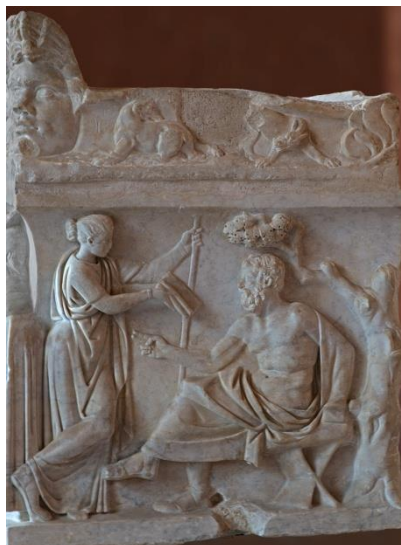
Латинские авторы называли плащи, характерные для философов, abolla и pallium. Аболла (от греч. ἀβολή) – зимний плотный плащ, преимущественно военный, но «освоенный и философами» [8, с. 14]. В сатире Ювенала он упоминается как одежда греков, посещающих гимнасий и слушающих наставления философов (Juv. Sat. 3. 114–115), у Марциала – как одеяние киника (Mart. Sat. 4. 53).

Паллий, упрощенный гиматий, также ассоциировался с греками и греческой ученостью. Fabula palliata – комедия из греческого быта; pallium accipere (принять паллий) значило не просто одеться по греческой моде, но объявить себя философом; graeci palliati – учителя или последователи греческой философии, противопоставленные римлянам, togati (одетым в тогу) [8, с. 720; 9, с. 128]. Так, у Авла Геллия встречаем описание юноши-стоика, поклонника эллинской культуры, пренебрежительно отзывавшегося обо всех, «кто облачается в тогу, и всяком вообще носителе латинского имени» (Gell. Noct. Att. I. 2. 4) [Цит. по: 1, с. 30].

¹ Слово τρίβων означало «растираю», «снашиваю», «исстрачиваю», «изнуряю» [7, с. 1643].

² Эпиктет ссылался на авторитет основателя школы – Зенона Китийского. О том, что у Зенона и его ученика Клеанфа была ветхая одежда, носившаяся на голое тело, рассказывал и Диоген Лаэртский, однако он использовал слово ἱμάτιον (Diog. Laert. II. 11. 118; VII. 1. 27; VII. 5. 169).

Именно паллий покрывает своими четырьмя концами все свободные искусства в трактате Тертуллиана «О плаще» (Tert. De pal. VI. 2).



*Рис. 5. Муза беседует с Диогеном Синопским. Саркофаг муз.
Рим. 1-я половина II в. н. э. Лувр.*

В эллинистическую эпоху¹ сложилась традиция изображения интеллектуала в скульптуре и живописи. Скульптурные портреты интеллектуалов подтверждают литературную традицию: они изображают зрелого мужчину в гражданском плаще, часто без рубахи (хитона) под плащом, иногда в позе оратора и со свитком в руке. В эллинистическое время появляются скульптурные «тип Демосфена» (со свитком в руках), «тип Эсхина» (в ораторской позе) и «тип Софокла» (в ораторской позе, с

¹ В предшествующую ей классическую эпоху, вплоть до последней трети IV в. до н. э., портреты интеллектуалов в большинстве неотличимы от портретов политических деятелей. Как заметил П. Занкер, «писатели и полководцы еще не представляли различные виды общественного бытия» [26, р. 204–206]. Статуи философов, ораторов, поэтов – это изображения образцовых граждан. Так, Софокл представлен в качестве оратора, принимающего активное участие в политической жизни и воплощающего идеал разумности и воздержности (Рис. 1). Только в конце IV–III в. до н. э. изображение интеллектуала становится отличным от изображения среднего гражданина, а интеллектуальная деятельность представляется как нечто самоценное (портрет Сократа конца IV в. до н. э.; статуя Демосфена первой трети III в. до н. э.; портреты Зенона Китийского и его учеников; терракоты, изображающие юношей-мыслителей) [27, р. 43–47, 78, 85–102, 135]. Впрочем, возможно первыми изображениями мыслителей, занятых сугубо интеллектуальной деятельностью, справедливо считать два портрета на краснофигурных аттических сосудах 440-х гг. до н. э. Они передают карикатурные типы стариков с огромными головами, которые можно интерпретировать как портреты софиста и баснописца Эзопа [27, р. 33–34]. Но это, конечно, карикатура, а не идеальный тип мыслителя. Известно, что софист Горгий (примерно в это же время, во второй половине V в. до н. э.) посвятил свою собственную статую в Дельфийское святилище, но нет сведений о том, как она выглядела (Paus. 10.18.7).

цистой для свитков у ног). Зачастую мастера следовали этим типам для того, чтобы передать род занятий изображаемого лица. Именно благодаря «философскому плащу» и свитку (реже, в римское время, – кодексу) зритель мог узнать философа в скульптурном, живописном или мозаичном портрете (Рис. 1, 2) [6, с. 85–89, 120, 208; 21, с. 26; 26, р. 207]. О том, что описанный тип воспринимался как портрет интеллектуала, свидетельствуют также рельефы с фигурами муз: поверх платьев Клио, Каллиопы и Полигимнии, покровительниц исторической науки, эпической и трагической поэзии, надет гиматий. Способ драпировки гиматия на музах можно назвать мужским, он совершенно отличен от женского, когда край плаща покрывает голову. Это значит, что в фигурах муз следует видеть воспроизведение типа интеллектуала: философ, поэт – это в античности почти всегда мужчина; оратор – исключительно мужчина. На рельефах эллинистического и римского времени музы представлены со свитками или диптихами и изображены в позе «оратора» или «мыслителя» (Рис. 5, 6). Так же – в гиматиях, со свитками в руках – представлены на христианских саркофагах III–IV вв. Христос и апостолы как учителя истинной философии (Рис. 9) [27, р. 290–297].



*Рис. 6. Саркофаг с изображениями покойных в окружении Муз в арках.
Рим. Ок. 250 г. н. э. Пиза, Кампосанто.*

Среди нарративных и эпиграфических памятников античного Северного Причерноморья отсутствуют подробные описания внешнего вида философа, но есть основания полагать, что философская *σῆμα* была известна, по крайней мере, в мемориальной скульптуре Боспора и Херсонеса. Об этом свидетельствуют надгробные рельефы и круглая скульптура, где умерший представлен в плаще, в ораторской позе, часто со свитком в руке.

В историографии памятники описанного типа специально рассматривались лишь несколькими авторами. М. В. Скржинская отметила, что в Северном

Причерноморье, как и в известных античных центрах, изображали «ораторов, философов, политических деятелей и писателей» с такими атрибутами, как папирусный свиток в руках, связка свитков или корзина для свитков у ног. Эти изображения исследовательница сравнивала со скульптурным «типом Демосфена» [17, с. 41, 81]. Э. И. Соломоник в комментарии к изданию херсонесской стелы Афиней, сына Аполлониды (со сценой загробной трапезы, где умерший изображен со свитком в руке), отмечала, что свиток может указывать на ученость погребенного [20, № 96]. Со скульптурным «типом Эсхина» связывали херсонесские рельефы первых веков новой эры авторы коллективной монографии «Херсонес Таврический в I в. до н. э. – VI в. н. э.» [22, с. 460]. Необходимо отметить и замечание Т. А. Матковской о типе надгробного рельефа в лапидарии Боспора, представляющего мужчин в ораторской позе, в сопровождении слуг. Исследователь предположила, что такие рельефы являются изображениями палестритов [13, с. 61]. Но отождествление всех подобных фигур с палестритами не может объяснить ни появления свитка в руках у некоторых из них, ни аналогичного одевания и позы на других типах памятников, например с парным мужским и женским рельефом [2, № 313; 11, №№ 131, 308]. Тем не менее можно согласиться с Т. А. Матковской, усматривая здесь связь между посещением палестры и интеллектуальными занятиями свободного человека (σχολη). Е. М. Алексеева, О. В. Галут, И. Н. Мельникова и Е. А. Хачатурова иначе интерпретируют появление свитков в руках мужских фигур на рельефах надгробий, происходящих из Азиатского Боспора: они видят в них матримониальный символ [3, с. 121]. Такая интерпретация выглядит логичной, но, как будет показано, не способствует пониманию скульптурной композиции.



Рис. 7. Саркофаг, известный как «Саркофаг братьев» или «Сенаторский саркофаг». 240–260 гг. н. э. Неаполь, Национальный археологический музей.

Безусловно, нельзя утверждать, что все северопонтийские надгробия с изображением человека в гиматии – это портреты местных поэтов, писателей или философов. Как в гражданскую одежду в такой плащ одеты герои различных сюжетов надгробных памятников: в сценах загробной трапезы, сценах прощания.

Но на некоторых памятниках наблюдается совпадение надписи об учености или мудрости умершего и рельефа, где он показан в гиматии, в ораторской позе или со свитком. Благодаря таким памятникам можно судить о существовании традиции портрета философа в Северном Причерноморье наряду с другими античными центрами.

Совпадение эпитафий, свидетельствующих об интеллектуальной деятельности погребенного, и его портрета в качестве философа наблюдается только на Боспоре. Это эпитафии на 5 стелах, относящихся к концу I в до н. э. – II в. н. э.: надгробия Саббиона, сына Стефана (с большой долей вероятности – философа), Гекатея (философа или члена религиозной коллегии), Стратоника, сына Зенона (философа, автора книг), Авла Ситесия (врача эмпирической школы), Фарнака, сына Фарнака (педотриба) [11, №№ 121, 129, 141, 145, 655]. Еще одна стела эллинистического времени, сообщавшая о философе Смикре, утеряна, и ее рельеф не был зарисован [11, № 118]. В Херсонесе ситуация иная. Здесь известны стелы врачей, одна из них содержит изображение двух мужских фигур, но степень сохранности красочного слоя не позволяет определить сюжет сцены (врачебный осмотр или прощание) [19, с. 26]. К тому же обе фигуры представлены обнаженными, никакого «философского плаща» не подразумевается. Напротив, эпитафии на херсонесских стелах, сопровождающихся рельефами с изображением свитков, не указывают на ученость погребенного. Так, стихотворная эпитафия Бассу, сыну Патериона, сопровождается рельефом с фигурой мужчины в ораторской позе и связкой свитков, но сообщает только обстоятельства трагической гибели Басса и его возраст, ничего не говоря о занятиях погибшего [20, № 105]. В Ольвии и Тире вообще отсутствует описываемый тип рельефа; об ученых занятиях погребенных не сообщают ни рельефные изображения или статуи, ни даже эпитафии.



Рис. 8. Деталь саркофага с изображением времен года и портретом покойной в клипеусе. 270-е гг. н. э. Остия, Археологический музей.



*Рис. 9. Саркофаг с пророчеством об отречении Петра. Ок. 310–350 гг.
Музеи Ватикана, музей Пио-Христиано.*



*Рис. 10. Афинский мраморный рельеф с изображением сыновей
боспорского царя Левкона I. 346 г. до н. э.*

Известно 7 херсонесских надгробий¹ с рельефами, представляющими мужские фигуры в гиматии, со свитками. Еще на 5 надгробиях мужская фигура не держит свиток, но повторяет позу, жест и драпировку фигур на рельефах со свитками². Херсонесские стелы описанного типа различаются по размерам и типу композиции: мужской портрет в рост «типа Эсхина» (Рис. 12); сходный с боспорскими композициями рельеф, где рядом с погребенным стоит слуга (Рис. 16); изображение стоящих рядом супругов (Рис. 13); сцена трапезы (Рис. 14); погрудные портреты (Рис. 15, 17).

На Боспоре существовал устойчивый тип изображения умершего в гиматии, в ораторской позе, рядом со слугой. Именно этот тип показан на всех известных надгробиях, сопровождавшихся эпитафией, в которой говорилось об интеллектуальных занятиях погребенного. Изображение книжного свитка в руках мужчины сохранилось на стелах философа и писателя Стратоника, сына Зенона (Рис. 18), медика Авла Ситесия и (по описанию Ю. Ю. Марти) философа Саббиона, сына Стефана [11, №№ 146, 655]. В остальных случаях (надгробия Гекатея и Фарнака, сына Фарнака – КЛ–438, П. 1860.39) из-за плохой сохранности стел нельзя установить наличия свитка, но сохранившаяся нижняя часть фигур позволяет с уверенностью относить рельефы к типу, аналогичному рельефам на стелах Стратоника и Саббиона. Еще на 18 боспорских стелах и 2 статуях-полуфигурах³ мужская фигура в гиматии держит в руках свиток, но эпитафия не указывает характер его занятий: она содержит только имя погребенного; во многих случаях эпитафии не сохранились (Рис. 19–23).

Многочисленную группу составляют боспорские рельефы с изображениями мужчин в ораторской позе, но без свитка в руке. Таких стел известно более 50⁴ (напр., Рис. 23).

¹ Большинство памятников находится в экспозиции и фондах ГБУК «Государственный историко-культурный заповедник “Херсонес Таврический”» (инв. №№ 3669, 3674, 35264, 4284, 15400, 223/36679); стела Феагена и Макарии – в Государственном Эрмитаже (инв. № X. 1793.1).

² Все памятники находятся в экспозиции и фондах ГБУК «Государственный историко-культурный заповедник “Херсонес Таврический”» (инв. № 4550, 4552, 3630, 3670, 16109).

³ Боспорские стелы рассматриваемого типа хранятся в лапидарии ГБУК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (инв. №№ КЛ–141, КЛ–193, КЛ–219+691, КЛ–222, КЛ–279+489, КЛ–317, КЛ–438, КЛ–470, КЛ–419+673, КЛ–409); Анапском археологическом музее (инв. №№ КМ–8365/722, КМ–8365/1273, КМ–8365/722, КМ–8365/1730, КМ–8365/2523, КМ–8365/3551, КМ–13494/3, КМ–8365/107; инвентарные номера еще 4-х стел выявить не удалось); две – в Государственном Эрмитаже (инв. №№ П. 1850. 25; П. 1860.39); одна – в Херсонском областном краеведческом музее (инв. № ХЕМ-а-5816).

⁴ Большинство из них хранится в лапидарии ГБУК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (инв. №№ КЛ–191, КЛ–211, КЛ–211, КЛ–394, КЛ–398, КЛ–403+1328, КЛ–405, КЛ–495, КЛ–820, и др.), фондах Анапского археологического музея (инв. №№ АМ–1023[А320], КМ–8365/453, КМ–8365/221 и др.); несколько памятников – в Британском музее (GR 1856. 7-10.2), в Государственном историческом музее (инв. № 5710[23], Б–1776; 5712, Б–1776), Государственном Эрмитаже (инв. №№ П. 1895.3-4, П. 1851. 5, ПАН–142, ПАН–146, ТГ–20), Центральном музее Тавриды (инв. № КП–12537), Одесском археологическом музее НАН Украины (инв. №№ 50 055, 50 006), Херсонском областном краеведческом музее (инв. №№ ХЕМ-а–5808, ХЕМ-а–5814), Музее Грузии им. Симона Джанашия (инв. № 33).



*Рис. 11. Статуя горгиппийского правителя Неокла, II в. н. э.
Москва, ГМИИ имени А. С. Пушкина.*



Рис. 12. Херсонесская стела I в. н. э. ГБУК «Государственный историко-культурный заповедник “Херсонес Таврический”», инв. № 15400.

Особый тип представляет группа надгробий Азиатского Боспора (Горгиппия, Кепы): они содержат схематичное¹ поясное или победренное, реже – ростовое, изображение мужчины в хитоне и гиматии, в ораторской позе, часто со свитком в руке; портрет умершего не сопровождается портретом слуги (Рис. 21–23). Такие портреты встречаются наряду с рельефами, распространенными на Европейском Боспоре, где умерший изображен в полный рост и сопровождается слугой (КМ–8365/107) или представлен в сцене прощания (КМ–8365/3551). Памятники Горгиппии и Кеп датируются по аналогиям IV в. до н. э. – III в. н. э. [3, с. 123, Рис. 39]. Количество надгробий с «ораторским» типом по отношению к остальным типам рельефов и круглой скульптуры на Азиатском Боспоре выше, чем в европейской части Боспора. Так, в Анапском музее хранится 15 стел и статуи-полуфигур, представляющих задрапированную фигуру со свитком в руке; общее количество надгробий античного периода – 175. В Керченском лапидарии – 7 стел на более чем 600 надгробий. Но однозначный вывод о большей распространенности изображения интеллектуала на Азиатском Боспоре будет не совсем корректным, поскольку можно учитывать только известные на сегодня памятники, а не всю совокупность надгробий некрополей Европейского и Азиатского Боспора эллинистического и римского времени.

В музейных экспозициях и изданиях памятников часть фигур описанного типа атрибутируется как фигуры ораторов, но далеко не во всех случаях. Так, например, в экспозиции Керченского лапидария только на этикетке стелы КЛ–329 фигура в гиматии названа оратором, при этом остальные подобные фигуры не интерпретированы подобным образом. В публикации свода стел Керченского музея «Боспорские надгробия: II в. до н. э. – III в. н. э.» (2009 г.) изображение мужчины в гиматии трактуется как «ораторская поза» только в нескольких случаях [5, с. 64, № 26; с. 276, № 174], хотя памятников такого типа в издании гораздо больше. Иногда надгробные рельефы с «ораторами» на Боспоре сопровождают женские погребения (напр., КЛ–302+304) или погребения нескольких человек из одной семьи (напр.,

¹ Сравнительно примитивное исполнение рельефов Азиатского Боспора привело Н. И. Сокольского к выводу, что их следует относить к памятникам синдской скульптуры [18, с. 86–96]. Такая интерпретация встретила возражения. Один из аргументов против синдского характера скульптур – наличие свитка на многих портретах: «изображения мужчин и женщин в типично эллинских одеяниях, причем ряд мужских персонажей сжимают в руке предмет, похожий на свиток, который едва ли возможен в случае изображения варвара-синда» [15, с. 31]. Данные ономастики также свидетельствуют о том, что погребенные, которым ставили стелы и статуи, изображающие интеллектуала, относились к греческому населению. Но известны и исключения. Римские имена носили херсонесит Север, сын Лиллона, Левкий (по А. Твардецки: Люций) и Марк [5, с. 269]. Гоплон, отец Фарнака (Боспор), носил имя, распространенное преимущественно в малоазийской и фракийской среде [5, с. 217]. Некоторые имена и патронимы в эпитафиях имеют иранское происхождение: Сорак, сын Сеуфа; Гесихий, сын Акки («акаса» в древнеиранском – «опытный, искусный, умелый»); Тиранн, сын Тайтака. Одна из стел поставлена Диодору, сыну Зауды. Зауда, отец Диодора, по мнению А. Твардецки, был выходцем из иудейской среды (слово с корнем z-w-d в семитских языках имеет значение «поддержка», «дорожные расходы», «провиант в дорогу») [5, с. 119, 66]. Херсонесит Басс, погибший в море, носил имя фракийского или сирийского происхождения [20, № 105]. Но и в этих случаях портретные изображения передают тип интеллектуала в греческой одежде.

КЛ-410). В таких случаях, как представляется, нельзя однозначно соотносить рельеф с интеллектуальными занятиями кого-либо из погребенных.



Рис. 13. Херсонесская стела «Жены тавричанки», I в. н. э. ГБУК «Государственный историко-культурный заповедник “Херсонес Таврический”», инв. № 3669.



Рис. 14. Херсонесская стела Афинея, сына Аполлониды, II в. н. э. ГБУК «Государственный историко-культурный заповедник “Херсонес Таврический”», инв. № 223/36679.

Время бытования памятников описанного типа в Херсонесе относится к I в. до н. э. – IV в. н. э. На Боспоре – к IV в. до н. э. – III в. н. э. (нижняя граница носит условный характер: она определяется полуфигурой из Горгииппии, датировка которой неточна). Наибольшее распространение памятники описанного типа получают с I в. до н. э. по II в. н. э.

Поскольку на принадлежность человека к интеллектуальным занятиям в его литературном или скульптурном изображении мог указывать ряд признаков, необходимо рассмотреть детали мемориального портрета, представляющего тип интеллектуала в Северном Причерноморье.

Прическа. Прическа могла выступать отличительным знаком философа. Лукиан отмечал, что киники отпускали длинные волосы (Luc. Cynic. 1; Luc. de Mort. Peregrin. 15), а стоики коротко стриглись (Luc. Hermotim. 86). Это свидетельство Лукиана частично подтверждается известными скульптурными, живописными и мозаичными портретами эллинистического и римского времени. При этом стоик Эпиктет, говоря как о своем внешнем виде, так и о «общем понятии о философе и его назначении», называл одним из отличительных признаков философа длинные волосы (Epict. Diatr. 4. 8. 5-6, 34). Некоторые интеллектуалы, по-видимому, как римские граждане представлены в скульптуре и рельефе I в. до н. э. – III в. н. э. с короткими прическами, некоторые – с длинными, даже на памятниках, происходящих с территории Рима и Италии (Рис. 6, 7). При этом почитаемые древние греческие философы, такие как Сократ, Диоген, в римское время изображались с длинными волосами (Рис. 5).



Рис. 15. Херсонесская стела Севера, сына Лиллона, конец II – начало III в. н. э.
ГБУК «Государственный историко-культурный заповедник
«Херсонес Таврический»», инв. № 3630.

Но в преимущественно греческой среде Боспора и Херсонеса прическа вряд ли могла играть ту же роль, что и в Риме, где длинные волосы эллинофила были призваны сообщить окружающим о любви их владельца к наукам. На боспорских и херсонесских надгробных рельефах фигуры со свитками и просто фигуры в ораторской позе в большинстве случаев имеют прическу в виде шапки, закрывающей лоб и затылок, причем длина волос у разных фигур немного разнится (насколько сохранность памятников позволяет это установить). Иногда показаны пышные вьющиеся локоны несколько большей длины (Рис. 19, 20, 22, 24). Волосы юноши, держащего свиток, на рельефе стелы из Горгиппии перехвачены лентой (Рис. 22), что может свидетельствовать о жреческом достоинстве [27, р. 50]. Длинные волосы, почти достигающие до плеч, у херсонесита Афинейя, сына Аполлонида (Рис. 14). Аналогичная прическа у Стратоника, сына Зенона, о принадлежности которого к интеллектуальным занятиям можно с уверенностью говорить благодаря указанию в эпитафии (Рис. 18).



Рис. 16. Херсонесская стела. ГБУК «Государственный историко-культурный заповедник «Херсонес Таврический»», инв. № 16109.

Поскольку из тех надгробий, эпитафии на которых говорят о мудрости и интеллектуальных занятиях погребенного, головы фигур на рельефах сохранились только на стелах Стратоника, сына Зенона, и Авла Ситесия (он показан с короткой прической), никакой специфической прически северопричерноморского философа выявить нельзя. Прически на портретах предполагаемых северопричерноморских интеллектуалов не отличаются от причесок тех боспорян и херсонеситов, которые представлены в образе воинов или пирующих гражданских лиц.

Борода. Собственно «философской» борода становится не ранее III в. до н. э. Когда в моду греческих городов вошло бритье (что было вызвано популярностью портретов Александра Македонского), философы остались верны консервативной традиции ношения бороды. Этот атрибут философа стал настолько распространенным и значимым, что по длине бород на портретах интеллектуалов III–I вв. до н. э. можно с достаточной степенью вероятности судить об их принадлежности к той или иной школе [27, р. 109–111].

Длинных бород, которые во II в. н. э. вышучивал Лукиан (напр., *Luc. Eunuch.* 8–9) и которые можно видеть на статуях греческих философов, среди херсонесских и боспорских портретов встретить нельзя. Там, где на рельефе или статуе сохранилась нижняя часть лица, мы видим либо коротко остриженную бороду (Рис. 15, 24), либо ее отсутствие (Рис. 14, 17, 18, 19, 22, 23). Влияние римской моды в отношении прически и ношения бороды (либо наоборот, бритья) более всего прослеживается в херсонесских рельефах (Рис. 15, 17).

Плащ. На всех рельефах, как и в круглой скульптуре, мужские фигуры одеты в гражданский длинный плащ. Из рассмотренных названий такого гражданского плаща, который философы сделали своим отличительным знаком, для преимущественно грекоязычных городов Северного Причерноморья наиболее адекватным будет употребление слова гиматий (в то же время короткий кинический трибон в мемориальной скульптуре Северного Причерноморья не встречается). В большинстве случаев фигуры на херсонесских и боспорских рельефах, а также в круглой скульптуре задрапированы следующим образом: гиматий покрывает левое плечо и спину, пропускается под правой рукой и перекидывается на левое плечо, образуя складку, в которую помещается правая рука. Свободный конец плаща ниспадал на спину или поддерживался у пояса правой рукой. Это распространенный тип драпировки, характерный для многих статуй и рельефов, изображающих философов, ораторов и поэтов (Рис. 1, 2, 5). Исключение составляют только три стелы: надгробие врача Авла Ситесия и две стелы (надписи на которых не сохранились) из Кеп и Горгиппии, где гиматий на фигурах надет таким образом, что покрывает только правое плечо (Рис. 22).

Но гиматий был, в первую очередь, обыкновенной гражданской одеждой: он встречается на стелах со сценами загробной трапезы¹, прощания², семейных мемориальных портретах³, а также в сценах с задрапированными мужскими фигурами, где рука (обыкновенно правая) не прижата к груди (как в позе оратора), а находится на уровне пояса и поддерживает гиматий⁴. В ораторской позе и в гражданском плаще изображен представитель боспорской знати из Горгиппии Неокл, удостоившийся памятника отнюдь не за ученые занятия (Рис. 11). В гиматии одеты сыновья боспорского царя Левкона – Спарток II, Перисад и Аполлоний на стеле с афинским декретом в их честь (Рис. 10). В гиматиях представлены античные

¹ Например, боспорские стелы №№ КЛ–1986, КЛ–173, КЛ–476, КЛ–3192, КЛ–273, КЛ–481, КЛ–316, КЛ–133, КЛ–176, КЛ–181, КЛ–156; херсонесские стелы №№ 29911, 23/36856, 3637а.

² Боспорские стелы №№ КЛ–213, КЛ–140, КЛ–385, КЛ–423, КЛ–440, КЛ–444, КЛ–589, КЛ–421 и др.

³ Боспорские стелы №№ КЛ–153, КЛ–184, КЛ–405, КЛ–410 и др.

⁴ Боспорские стелы КЛ–308, КЛ–408, КЛ–131.

боги, в том числе и в причерноморской скульптуре. При этом гражданский плащ все же часто изображается как одежда людей, связанных с искусством, науками, философией, о чем свидетельствуют и упомянутые изображения муз в гиматиях.



Рис. 17. Херсонесская стела IV в. н. э. ГБУК «Государственный историко-культурный заповедник “Херсонес Таврический”», инв. № 4284.



Рис. 18. Пантикапейская стела Стратоника, сына Зенона, конец I – вт. пол. II в. н. э. Лапидарий ГБУК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», инв. № КЛ-145.

Свиток. Как отмечалось, всего портретных (рельефы, статуи-полуфигуры и одна статуя в полный рост) изображений мужчин со свитком в руке известно 25 на Боспоре и 7 в Херсонесе. В большинстве случаев они относятся к типу рельефа, где задрапированная мужская фигура стоит в ораторской позе, одна или рядом со слугой. Наиболее часто мужская фигура повторяет «тип Эсхина», когда правая рука прижата к груди. При этом левая рука фигуры освобождена от складок плаща, чтобы показать книжный свиток. Свиток в руках молодого пантикапейца (статуя I в. н. э.) был дополнен связкой свитков и цистой для свитков у его ног (Рис. 19); на херсонесском надгробии Басса изображена связка свитков [20, № 105]. Мужчина в гиматии и со свитком изображался также рядом с супругой: в сцене заgrabной трапезы, в парном портрете, сцене прощания (Рис. 13, 14).

В греческой скульптуре свиток практически всегда указывает на ученых или литературные занятия изображаемого лица. На римских памятниках свиток может маркировать как интеллектуальные занятия, так и выполнение государственных обязанностей (Рис. 6, 7). Среди римских погребальных памятников встречаются изображения женщин со свитками в руках. Обычно этот свиток указывает на высокое происхождение покойной и ее интерес к поэзии и театру (Рис. 8). Одна из пантикапейских женских статуй-полуфигур держит в руке цилиндрический предмет, но сложно точно установить, свиток ли это (I–II вв. н. э., № КЛ–74). Похоже, что в отличие от римских памятников I–III в. н. э. женщины на северопричерноморских портретах не изображались со свитками. Связь изображения свитка в руке у какого-либо лица с его интеллектуальной деятельностью подтверждается также многочисленными изображениями свитков или воцеленных табличек для письма в руках у Муз Клио, Полигимнии и Каллиопы. (Рис. 5, 6).

Поэтому и для рельефов надгробий из Горгиипии, Кеп представляется корректным видеть в изображениях свитков указание на ученость умершего или, по крайней мере, интерес к ней. Версия Е. М. Алексеевой, О. В. Галут, И. Н. Мельниковой и Е. А. Хачатуровой, согласно которой в свитках нужно видеть матримониальный символ, объясняет достаточно высокое количество таких изображений на Азиатском Боспоре. Но если принять эту версию, возникает очевидное противоречие: изображения (как полуфигуры, так и рельефы) мужчин в гиматии и со свитками из Горгиипии и Кеп в общих чертах повторяют сюжет рельефов Европейского Боспора (главным образом) и Херсонеса, где эти рельефы не маркировали семейное положение умершего. Напротив, в нескольких случаях отмечено, что человек умер в молодом возрасте, это стало причиной скорби родителей – это эпитафии педотрибу Фарнаку, Стратонику, сыну Зенона, и Сабииону, сыну Стефана [11, №№ 129, 145, 146]. О том, что умерший оставил жену или детей, ничего не говорится.

Судя по всему, свиток – достаточно надежное свидетельство интеллектуальных занятий лица, изображенного в мемориальной скульптуре (профессиональных или рассматриваемых в качестве хобби).

Поза. Для изображений мужчин в гиматиях во многих случаях характерна «ораторская» поза: одна нога слегка отставлена, вес тела перенесен на другую ногу

(контрапост, появившийся в античном искусстве еще в V в. до н. э.), правая рука прижата к груди [5, с. 11]. Это повторяет позы эллинистических статуй Эсхина, Демосфена и Софокла (Рис. 1). Поза оратора в мемориальной скульптуре чрезвычайно распространена, возможно, это был шаблон для изображения мужской фигуры в гражданском костюме. Судя по статуе пантикапейца из Государственного Эрмитажа, она повторялась и в круглой скульптуре, и на рельефах (Рис. 19).



*Рис. 19. Статуя пантикапейца, I в. н. э. Государственный Эрмитаж.
Инв. № П. 1850. 25.*



*Рис. 20. Пантикапейская стела Эрота, сына Панэрота, I в. н. э.
Лapidарий ГБУК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»,
инв. № КЛ-419+673.*

Жест. Правая рука фигуры на большинстве рассматриваемых рельефов и круглой скульптуре прижата к груди – как у ораторов, начиная со скульптур Софокла и Эсхина. На статуях Софокла и Эсхина пальцы правых рук сжаты – так и у некоторых боспорских и херсонесских рельефов и статуй (Рис. 19). Этот жест в должен был означать сдержанность и безупречный самоконтроль – то, что отличало образцового гражданина [27, р. 47–49].

На статуях-полуфигурах из Горгииппии и Кеп чаще всего изображена открытая правая ладонь, прижатая к груди (Рис. 21). Но на некоторых рельефах кисть руки мужской фигуры сложена в каком-либо жесте. В работах, посвященных северопричерноморской скульптуре, такие жесты не получили однозначной интерпретации. Только в каталоге «Античная скульптура Херсонеса» (1976 г.) некоторые жесты (вытянуты большой, указательный и средний пальцы, безымянный и мизинец прижаты к основанию ладони; вытянуты только указательный и средний пальцы, причем как на правой, так и на левой руке, держащей свиток – Рис. 12, 13) были интерпретированы как ритуальные, связанные с культом Сабазия¹ [2, с. 98, 100]. Но оснований для такой интерпретации не приводится.

Среди херсонесских и боспорских надгробий встречаются жесты, имеющие несколько вариантов: вытянуты большой, средний и указательный пальцы (Херсонесская стела Феагена и Макарии – Х. 1793.1), указательный и средний пальцы (Рис. 12, 13, 15), большой и указательный (Рис. 16), указательный и мизинец (Рис. 17), только указательный палец (Рис. 18). Наиболее вероятным представляется, что это ораторские жесты, наиболее подробно описанные Квинтилианом в «Наставлениях по ораторскому искусству» (I в. н. э.). В XI книге находим описания следующих ораторских жестов: вытянуты указательный палец и мизинец, средний и безымянный подгибаются под большой палец (Quint. 11. 6. 93) – жест героя херсонесского рельефа позднеримского времени (Рис. 17); вытянут только указательный палец (Quint. 11.6.94) – как у боспорян Стратоника, сына Зенона (Рис. 18); вытянуты указательный и средний палец (Quint. 11.6.98-99) – как на рельефе надгробия Севера, сына Лиллона, из Херсонеса (Рис. 15).

Известны аналоги в скульптуре и рельефах римского времени, где используются подобные жесты. Обыкновенно они соответствуют сюжету беседы (Рис. 5–7). Ораторский жест представлен и на христианских саркофагах. Например, с жестом, означающим начало речи (большой, указательный и средний пальцы вытянуты вверх, безымянный и мизинец прижаты к основанию ладони), к Петру обращается Христос, рассказывая апостолу о его будущем отречении² (Рис. 9). Описание этого жеста передано Апулеем в «Метаморфозах»: «Телефрон простер правую руку, пригнув, наподобие ораторов, мизинец и безымянный палец, остальные протянув вперед и слегка отставив большой палец, как бы в виде угрозы, и начал таким образом» (Apul. Metamorph. 2. 21) [Цит. по: 4, с. 35].

¹ Очевидно, имелся в виду ритуальный жест *mano pantea* [23, р. 293, 298].

² Отречение Петра – сюжет, описанный во всех четырех Евангелиях (Мф. 26:69–75; Мк. 14:66–72; Лк. 22:55–62; Ин. 18:15–18, 18:25–27).

Другие элементы изображения. Большинство фигур херсонесских и боспорских рельефов со свитками или в ораторской позе кроме плащей одеты также в хитоны (рубахи) и в одном случае (Рис. 20) – в куртку, застегивающуюся на груди. Наиболее заметное исключение – стела Авла Ситесия, на которой врач изображен в плаще на голое тело [11, № 655]. На Боспоре встречаются изображения фигур в штанах (Рис. 18–20, 24). Этот элемент одежды, по-видимому, был перенят боспорянами у варварского населения не столько в силу смешанного этнического состава Боспорского царства, сколько из-за климатических условий региона. При этом изображений херсонеситов, носящих штаны, неизвестно. Боспоряне (практически все) изображены в сапожках. Скорее всего, их не следует считать однозначно варварской одеждой: в таких же сапожках с мягкой подошвой изображены фигуры на стеле из Византии, некоторых стелах из Смирны и римских саркофагах (Рис. 3, 6). При этом на херсонесских памятниках, там где их сохранность позволяет установить, фигуры изображены босиком или в сандалиях.



*Рис. 21. Горгиппийское круглое надгробие, IV в. до н. э. – I в. н. э.
Анапский археологический музей, инв. № КМ-8365/722.*



*Рис. 22. Горгиппийская стела I–II вв. н. э.
Анапский археологический музей, инв. № КМ-8365/2523.*

Часто при главном герое на рельефах находится слуга. На херсонесских стелах рассматриваемого типа фигура слуги сохранилась в одном случае: слуга стоит в «скорбящей» позе со скрещенными ногами, так же изображались слуги на малоазийских памятниках (Рис. 3, 4, 16). Изображения слуг рядом с фигурами в гиматии на боспорских памятниках разнообразнее за счет того, что те изображены с различными предметами в руках. Здесь обнаруживается еще одна особенность стел с фигурами в позе оратора. Если слуги, изображенные рядом с женщинами или воинами, в многофигурных сценах пира или прощания, подносят своим хозяевам чаши или другие сосуды, пиксиды (шкатулки) или предметы военного облачения¹, то на стелах, где слуга сопровождает хозяина в ораторской позе, в руках он держит предмет, похожий на полотенце. Скорее всего, принадлежность палестрита маркирует статус погребенного, обладавшего свободным временем (σχολή) как для гимнастических, так и для ученых занятий. Это подтверждает стела Лисандра, сына Десха, где в руках у слуги стригиль (скребок для очищения кожи от масла, пыли и песка после гимнастических занятий) и полотенце (Рис. 24). На стеле Психариона, сына Гиgienонта, у слуги в руках предмет, «похожий на современную книгу» [5, с. 92]. «Книгой» может быть воощенная табличка для записей. Квинтиллиан рекомендовал упражняться на таких табличках всем, кто учится составлять речи (Quint. X. 1. 31–32).



Рис. 23. Горгиптийская стела, предположительно первые вв. н. э.
Анапский археологический музей.

Прототипами для изображения интеллектуалов в мемориальной скульптуре Северного Причерноморья, судя по всему, послужили рельефные надгробия из Малой Азии эллинистического времени. На стелах из Византия, Халкедона, Смирны, Кизика эллинистического времени представлены сюжеты, часто встречающиеся и в северопричерноморских памятниках: сцена загробной трапезы,

¹ №№ КЛ–106, КЛ–476, КЛ–448, КЛ–470, КЛ–891, КЛ–168, КЛ–142, КЛ–446.

сцена прощания, портрет всадника, портрет женщины в кресле, мужская или женская фигура в сопровождении слуги [26, р. 213–231, Рис. 1–29]. Позднеэллинистическое надгробие из Археологического музея Стамбула представляет умершего в гиматии, со свитком в руке, со слугой рядом; на верхней части рельефа изображена полочка, где стоит связка свитков. При этом умерший одет не только в плащ, но и в хитон, обут в сапоги, как и герои боспорских рельефов (Рис. 3). Близкие аналоги рельефам Северного Причерноморья представляют рельефы на эллинистических надгробиях Смирны II–I вв. до н. э. Мужчины и юноши изображены в хитонах, гиматиях, иногда в мягких сапожках, в ораторской позе, со свитками в руках или рядом с ящиками для свитков и письменных принадлежностей. Как и на более поздних северопричерноморских надгробиях, рядом с ними – фигурки слуг с различными предметами, иногда в позе скорби (Рис. 4).



*Рис. 24. Пантикапейская стела Лисандра, сына Десха, I в. н. э.
Лапидарий ГБУК «Восточно-Крымский историко-культурный
музей-заповедник», КЛ-398.*

Таким образом, традиция мемориального портрета философа в Северном Причерноморье является общепонтийской и берет начало в эллинистической эпохе. Исследователь античного искусства П. Занкер показал, что эллинистические надгробия наследуют типы круглой скульптуры, в том числе тип изображения философа. Распространение таких изображений он связывал со стремлением

подчеркнуть греческое образование членов гражданского коллектива: ученость становилась в эпоху эллинизма не меньшей доблестью, чем физическая подготовка и военные подвиги. Даже на стелах юношей подчеркивалось их стремление к наукам. Далеко не каждый умерший, представленный на своем надгробии как мыслитель, действительно был ученым человеком. В массовом производстве подобных памятников следует видеть, скорее, «моду на ученость», «интеллектуализацию» гражданского портрета, особенно актуальную в условиях иностранного господства [27, р. 189–193]. Во II–I вв. до н. э. античные города Малой Азии попадают под власть Римской республики, греческая наука, философия становятся основами национальной идентичности, которую можно противопоставить завоевателям. Если такая интерпретация верна, то выходит, что памятники искусства отразили сложный период в истории греческого общества и попытку преодолеть трагедию завоевания, опираясь на «былую славу». П. Занкер заключал, что «жизнь разума – это все, что греки теперь должны были предложить своим новым хозяевам» [26, р. 213, 219]. Римские саркофаги с изображением муз и надгробия, где умерший или умершая держит свиток, в свою очередь, также не всегда изображали профессиональных ученых или философов. Но изображение должно было показать, что умерший «часто обращался к бессмертным Музам, что также важно для его посмертной участи», стремился «к миру знания, который, в конечном счете, божественного происхождения» [16, р. 180]. О популярности описанного портретного типа свидетельствуют статуэтки и рельефы на саркофагах эллинистического и римского времени, где в образе интеллектуалов представлены дети [16, р. 179; 27, р. 189–193].

Все это вполне согласуется с распространением в Северном Причерноморье в I в. до н. э. и позднее надгробий, в которых представлен образ интеллектуала. Они испытывают римское влияние, но сохраняют те же особенности, что и смирские рельефы: умерший в сопровождении слуги, ораторская поза и жест, гражданская одежда, свиток в руке. Надо полагать, что и надгробия Северного Причерноморья описанного типа не всегда изображали профессиональных ученых, ораторов или философов. Они, скорее, передавали идеал образованного человека как достойного гражданина. Вероятно, можно говорить об определенной «моде» на изображение интеллектуала в Северном Причерноморье, аналогичной «моде» малоазийских городов II–I в. до н. э. и Рима I–II в. н. э. Цель постановки мемориальной скульптуры описанного типа заключалась в том, чтобы хвалить образцовый характер покойного, показать его этические качества, достижения и социальный статус. Образование и любовь к наукам выступали маркером всех этих характеристик: как высокого статуса, так и нравственной, «философской» жизни. Однако несколько северопричерноморских эпитафий все же специально отмечают интеллектуальную деятельность погребенного, содержание надписи совпадает с рассмотренным типом изображения. Отсюда можно сделать вывод, что приведенные рельефы должны были восприниматься современниками как изображения интеллектуалов и – шире – образованных граждан, преданных идеалам греческой пайдейи.

Список использованных источников и литературы

1. Авл Геллий. Аттические ночи / Авл Геллий; пер. А. Я. Тыжова. – Кн. I–X. – СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2007. – 480 с.
Avl Gellij. Atticheskie nochi / Avl Gellij; per. A. Ja. Tyzhova. – Кн. I–X. – SPb.: IC Gumanitarnaja Akademija, 2007. – 480 s.
2. Античная скульптура Херсонеса / Ин-т археологии УССР; под ред. С. И. Бибикова. – Киев: Мистецтво, 1976. – 344 с.
Antichnaja skul'ptura Hersonesa / In-t arheologii USSR; pod red. S. I. Bibikova. – Kiev: Mistectvo, 1976. – 344 s.
3. Античное наследие Кубани: В 3-х т. / Ред., сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. – Т. 2. – М.: Наука, 2010. – 669 с.
Antichnoe nasledie Kubani: V 3-h t. / Red., sost. G. M. Bongard-Levin, V. D. Kuznecov. – T. 2. – M.: Nauka, 2010. – 669 s.
4. Апулей. Метаморфозы и другие сочинения / Апулей; пер. М. Кузмина, Е. Рабинович, Р. Урбан, А. Кузнецова. – М.: Художественная литература, 1988. – 404 с.
Apulej. Metamorfozy i drugie sochinenija / Apulej; per. M. Kuzmina, E. Rabinovich, R. Urban, A. Kuznecova. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1988. – 404 s.
5. Боспорские надгробия: II в. до н. э. – III в. н. э./ Ред. В. Зинько, Е. Зинько, А. Твардецкий. – Ч. 1. – Киев: Мистецтво, 2009. – 495 с.
Bosporskie nadgrobija: II v. do n. e. – III v. n. e./ Red. V. Zin'ko, E. Zin'ko, A. Tvardecki. – Ch. 1. – Kiev: Mistectvo, 2009. – 495 s.
6. Вальдгауер О. Ф. Этюды по истории античного портрета: В 2-ч. / О. Ф. Вальдгауер. – Ч. 2. – Л.: ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1938. – 295 с.
Val'dgauer O.F. Etjudy po istorii antichnogo portreta: V 2-ch. / O. F. Val'dgauer. – Ch. 2. – L.: OGIK – IZOGIK, 1938. – 295 s.
7. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2-х т. / И. Х. Дворецкий. – Т. II: М-Ω. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 1904 с.
Dvoreckij I. H. Drevnegrechesko-russkij slovar': V 2-h t. / I. H. Dvoreckij. – T. II: M-Ω. – M.: Gos.izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1958. – 1904 s.
8. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
Dvoreckij I. H. Latinsko-russkij slovar' / I. H. Dvoreckij. – M.: Russkij jazyk, 1976. – 1096 s.
9. Каган Ю. М. О латинских словах, обозначающих одежду / Ю. М. Каган // Быт и история в античности. – М.: Наука, 1988. – С. 127–142.
Kagan Ju. M. O latinskih slovah, oboznachajushhih odezhd / Ju. M. Kagan // Byt i istorija v antichnosti. – M.: Nauka, 1988. – S. 127–142.
10. Киреева Е. В. История костюма: Европейские костюмы от античности до XX века / Е. В. Киреева. – М.: Просвещение. 1970. – 165 с.
Kireeva E. V. Istorija kostjuma: Evropejskie kostjумы ot antichnosti do XX veka / E. V. Kireeva. – M.: Prosveshhenie. 1970. – 165 s.
11. Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве. – М.; Л.: Наука, 1965. – 951 с.
Korpus bosporskih nadpisej / Red. V. V. Struve. – M.; L.: Nauka, 1965. – 951 s.
12. Лукиан Самосатский. Соч.: В 2-х т. / Лукиан; под ред. А. И. Зайцева. – Т. 1. – СПб.: Алетея, 2001. – 480 с.
Lukian Samosatskij. Sochinenija: V 2-h t. / Lukian; pod obshh. red. A. I. Zajceva. – T. 1. – SPb.: Aletejja, 2001. – 480 s.
13. Матковская Т. А. «...Камень, изливающий немую скорбь»: Коллекция Керченского лапидария / Т. А. Матковская. – Керчь: БФ «Деметра», 2000. – 96 с.
Matkovskaja T. A. «...Kamen', izlivajushhij nemuju skorb'»: Kollekcija Kerchenskogo lapidarija / T. A. Matkovskaja. – Kerch': BF «Demetra», 2000. – 96 s.
14. Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов: В 4-х т. / М. Н. Мерцалова. – Т. 1. – М.: АО «Академия моды», 1993. – 543 с.
Mercialova M. N. Kostjum raznyh vremen i narodov: V 4-h t. / M. N. Mercialova. – M.: AO «Akademija mody», 1993. – T. 1. – 543 s.

15. Новичихин А. М. К вопросу о «синдской скульптуре» / А. М. Новичихин // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – 2014. – № 6. – С. 30–39.

Novichihin A. M. K voprosu o «sindskoj skul'pture» / A. M. Novichihin // Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. – 2014. – № 6. – S. 30–39.

16. Прижан П. Образы христианские, образы священные: Об одной историко-богословской проблеме древнего христианства / П. Прижан // Revue d'histoire et de philosophie religieuse. – 1996. – Vol.76. – P. 179–193.

Prizhan P. Obrazy hristianskie, obrazy svjashhennye: Ob odnoj istoriko-bogoslovskoj probleme drevnego hristianstva / P. Prizhan // Revue d'histoire et de philosophie religieuse. – 1996. – Vol.76. – P.179–193.

17. Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья / М. В. Скржинская. – К.: Институт истории Украины НАНУ, 2014. – 250 с.

Skrzhinskaja M.V. Obrazovanie i dosug v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ja / M. V. Skrzhinskaja. – K.: Institut istorii Ukrainy NANU, 2014. – 250 s.

18. Соколовский Н. И. Новые памятники синдской скульптуры // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 100. – 1965. – С. 86–96.

Sokol'skij N.I. Novye pamjatniki sindskoj skul'ptury // Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. – Vyp. 100. – 1965. – S. 86–96.

19. Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма / Э. И. Соломоник. – Киев: Наукова думка, 1988. – 112 с.

Solomonik E. I. Drevnie nadpisi Kryma / E. I. Solomonik. – Kiev: Naukova dumka, 1988. – 112 s.

20. Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса: Греческие лапидарные надписи античного времени / Э. И. Соломоник. – Симферополь: Таврия, 1990. – 107 с.

Solomonik E. I. Kamennaja letopis' Hersonesa: Grecheskie lapidarnye nadpisi antichnogo vremeni / E. I. Solomonik. – Simferopol': Tavrija, 1990. – 107 s.

21. Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности: 337 портретов в слове и образе / Г. Хафнер; пер. В. А. Сеферьянц. – М.: Прогресс, 1984. – 314 с.

Hafner G. Vydajushhiesja portrety antichnosti: 337 portretov v slove i obraze / G. Hafner; per. V. A. Sefer'janc. – M.: Progress, 1984. – 314 s.

22. Херсонес Таврический в I в. до н. э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры / Отв. ред. В. М. Зубарь, С. Д. Крыжицкий, Л. В. Марченко и др. – Харьков: Майдан, 2004. – 732 с.

Hersones Tavricheskij v I v. do n.e. – VI v. n.e.: Ocherki istorii i kul'tury / Otв. red. V. M. Zubar', S. D. Kryzhickij, L. V. Marchenko i dr. – Har'kov: Majdan, 2004. – 732 s.

23. Elworthy F. T. The Evil Eye: An Account of this Ancient and Widespread Superstition / F. T. Elworthy. – London: J. Murray, 1895. – 438 p.

24. Lucian: In 8 vol. / Lucian; ed. by A. M. Harmon, K. Kilburn. – Vol. VIII. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. – 534 p.

25. Smith R. R. R. Kings and Philosophers / R. R. R. Smith // Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World. / Ed. by A. W. Bulloch, E. S. Gruen, A.A. Long, A. Stewart. – Berkeley: University of California Press, 1993. P. 203–212.

26. Zanker P. The Hellenistic Grave Stelai from Smyrna: Identity and Self-image in the Polis / P. Zanker // Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World. / Ed. by A. W. Bulloch, E. S. Gruen, A. A. Long, A. Stewart. – Berkeley: University of California Press, 1993. – P. 213–231.

27. Zanker P. The Mask of Socrates: The Image of the Intellectual in Antiquity / P. Zanker. – Berkeley, Calif: University of California Press, 1995. – 426 p.

28. Ξενοφών. Απομνημονεύματα: Εισαγωγή, μετάφραση, σχόλια / Ξενοφών; Μτφρ. Ε.Γ. Παντελάκης. – Αθήνα: Ζαχαρόπουλος, 1939. – 153 σ.

Xenofón. Apomnymoneumata: Eisagoge, metafrase, scholia / Xenofon; Mtfr. E.G. Pantelakis. – Athena: Zacharopoulos, 1939. – 153 s.

Leybenson J. T. How to recognize a philosopher: σχήμα of the intellectual in the memorial sculpture of ancient states on Northern Black Sea Coast

In this research we analyze type of the image of intellectuals in a memorial sculpture of Northern Black Sea Coast region. The image of the intellectual (first of all, the philosopher, at the same time the speaker, the author of scientific compositions, the poet, the physician) has originally developed in literary tradition (the

foundation is laid in Plato's compositions), and from the last third of the 4th century BC appears in sculptural, picturesque and mosaic monuments (for example in Sophocles, Aeschines or Demosthenes statues). This type of the image representing the intellectual in a civil cloak (himation, the tribon or a pallium), with a scroll or the code in hands, in an oratorical pose and with gesture of the speaker, has remained in the Roman time also. This plot has received continuation in Christian art: on Christian sarcophages of the 3–4th centuries AD Christ and apostles were represented as philosophers. The tradition of the image of muses in «philosopher's cloaks» and with scrolls or codes in a hand is especially interesting. So in Hellenistic and Roman periods on numerous reliefs Clio (a muse of history), Calliope (a muse of epic poetry) and Polihymnia (a muse of hymns) have been presented. Muse images most often meet on sarcophages of the Roman period. The love (true or imaginary) the dead to sciences was in such a way emphasized. Sometimes buried is presented in a memorial sculpture as the philosopher or the speaker. The earliest monuments with similar images are the Hellenistic gravestone reliefs widespread in the cities of Asia Minor in the 2–1st century BC (Smyrna, Byzantium, Cyzicus). They became prototypes for the Roman memorial portrait. Mass production of the steles from Asia Minor representing «philosophers» as researchers believe reflect the fashion for intellectual occupations especially relevant in the conditions of alien domination (get to this period of the city of Asia Minor under the power of the Ancient Roman republic). The tradition of the image of intellectuals is known also in a memorial sculpture of Northern Black Sea Coast region: at Chersonesus and the cities of Bosporus. The intellectual's image type has been especially widespread in monuments from the 1st century BC to 2nd century AD. These monuments find suitable analogies in a memorial sculpture of Asia Minor and Ancient Rome. The special group is made by relief gravestones of Asian Bosporus: they are schematical, are even primitive, but precisely transfer the lines distinguishing a portrait of the erudite person: oratorical gesture, a drapery of himation and a scroll in a hand. There are several dozens of such monuments comes from Bosporus and Chersonesus. Possibly, the image not always corresponded to the valid character of occupations of buried. In the ancient states of Northern Black Sea Coast region there could be the same fashion for education, as in policies of Asia Minor and Ancient Rome. At the same time epitaphs which report about intellectual occupations of buried coincide with a portrait on a stele, depicting him as the philosopher. Such epitaphs are known only on steles coming from the European part of Bosporus. Similar texts are absent on monuments from Asian part of Bosporus and Chersonesus. In fact, the statue of young citizen of Panticapaeum, which dates 1st century AD it is important monument confirming that in Northern Black Sea Coast region the sculptural type of the intellectual was well-known also. Youth is represented in an oratorical pose, with a scroll in a hand, and a linking of scrolls with bucket for scrolls at legs. This statue repeats in general a monument to Sophocles. There were many antique authors stated a mention that the philosophy is a divine occupation. Narrative and visual sources of the Hellenistic and Roman era confirm that this mention was widespread, including peripheral parts of an antique oecumene such as Northern Black Sea Coast region. It is proved by the texts of bosporan epitaphs. Philosophical ideas of wisdom which grants immortality helped Greeks to comprehend and endure dramatic events of own history and also to keep ethnic and cultural identity. The last, most likely, was especially important for Bosporan and Chersonesian people.

Keywords: culture of antiquity, ancient states on the Northern Black Sea Coast, memorial sculpture.

УДК 94(470):332.1+(47)Крым «1859/1861»

ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ И ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН: МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ И НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ТРАКТИРНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (1859–1860)

Марциновский П. Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация*

E-mail: pnmarz@mail.ru

Статья посвящена анализу суждений и предложений городских отделений полиции, земских судов, местных органов власти Таврической губернии в связи с необходимостью принятия нового Положения о трактирных заведениях, постоялых дворах и съестных лавочках в городских поселениях. Высказанные соображения отражают широкий спектр местных представлений о социально-экономических, административных, национальных, сословных, технических, гигиенических и правовых условиях функционирования постоялых дворов на полуострове, говорят об общей деловой атмосфере. Сделан вывод о том, что принятое в итоге Положение, несмотря на преобладающую готовность местных органов власти к жесткому регулированию указанной деятельности, было достаточно либеральным и открывало широкие возможности для развития сети постоялых дворов.

Ключевые слова: Крым, постоялый двор, содержатель, полиция, суд.

Начало 60-х гг. XIX века в России, безусловно, время перемен. В еще большей степени это относится к Крыму, не только пострадавшему от Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., но и раскрывавшему, пусть постепенно, новые возможности хозяйственного развития, связанные с географическими, климатическими и иными особенностями, позволявшими привлекать гостей полуострова не только с деловыми целями, но и с курортными. Принятие новых законодательных актов, связанных с обслуживанием путешественников, становится важным этапом в процессе развития этой отрасли хозяйства.

Тем не менее проблемы истории гостеприимства и соответствующих заведений остаются недостаточно изученными как на региональном уровне, так и на общегосударственном, несмотря на довольно большое количество работ, посвященных истории купечества, торговли и даже гостиничного дела, в которых постоялые дворы упоминаются чаще всего в контексте истории трактирных заведений, но специально не исследуются. Среди таких работ статья Е. Д. Серовой [6], едва ли не единственная, посвященная истории трактирного промысла в Крыму, где в том числе рассматриваются отдельные аспекты истории внутренней торговли, связанные с постоялыми дворами. Упоминается Крым также в работе А. К. Баньковской и Т. В. Малик [3], которая посвящена интерьерам и планировкам заведений гостеприимства. Среди диссертационных исследований существенное значение имеют работы В. А. Чернова [7] и С. О. Дегтярева [5], глубоко и обстоятельно рассматривающие историю гостиничного дела, что не может не быть важным и полезным, несмотря на то, что указанные работы

посвящены совсем не Крыму. В. А. Чернову также принадлежат и две монографии [8], посвященные истории гостиничной отрасли. Нельзя не упомянуть и монографию В. П. Бойко [4], в которой постоялые дворы представлены важной и неотъемлемой частью социальной и ментальной жизни западносибирского купечества.

Одной из причин недостаточной изученности проблемы, на наш взгляд, является высокая трудоемкость работы с источниками, связанными с историко-экономической проблематикой, отсутствие достаточной информации, пригодной для систематизации на протяжении более или менее длительных периодов, ее отрывочность и рассредоточенность по значительному количеству архивных фондов, в связи с чем настоящей удачей становится выявление целостного массива документов, позволяющих изучить, по крайней мере, отдельные сюжеты в истории развития той или иной составляющей хозяйственного комплекса, с чем в данном случае мы и имеем дело. История этой важной отрасли хозяйства в Крыму еще ждет своего исследователя, однако представляется важным не только то, как именно работали заведения, принимавшие гостей на постоя, но и то, как они, по мнению местных властей и чиновников, должны были осуществлять свою деятельность.

Целью статьи являются представление и анализ различных точек зрения и соображений, представленных по запросу Таврического губернатора, от местных отделений полиции, земских судов и местных органов власти о различных аспектах функционирования постоялых дворов для соответствующего доклада Министерству внутренних дел в связи с необходимостью принятия нового Положения о трактирных заведениях, постоялых дворах и съестных лавочках в городских поселениях.

В конце ноября 1859 г. в Таврическую губернию поступил циркуляр из хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в котором говорилось о том, что в приложении к 31 ст. Устава Городского хозяйства XII т. Ч. II Свода Законов (Издание 1857 г.) помещен Свод постановлений о трактирных заведениях в городах и селениях. А вот о постоялых дворах и корчмах, заменяющих в городах для простого народа, а по проезжим трактам для всех, упомянутые трактирные заведения, в действующих узаконениях почти ничего не сказано [1, л. 1]. В этой связи Таврическому губернатору предлагалось изложить свои соображения по следующим вопросам: следует ли разрешать содержание постоялых дворов и корчем лицам всех званий, или же нужны ограничения; если нужны, то какие и почему; каким должен быть порядок, с соблюдением каких формальностей могут быть открыты такие заведения по городам и уездам; нужно ли определять (и каким образом) предметы, разрешенные к продаже на постоялых дворах и в корчмах; следует ли публиковать таксы на предметы, разрешенные на постоялых дворах и в корчмах; если да, то на какие именно, в каком порядке; может ли быть допущена (и на каких условиях) продажа на постоялых дворах хлебного вина и табака; каким сборам и повинностям должны подлежать постоялые дворы и корчмы в городах и уездах независимо от окладов по званию их содержателей; какие обязанности должны быть возложены на содержателей постоялых дворов и корчем по отношению к приезжающим и приходящим посетителям и их имуществу; какую

ответственность несут содержатели за неисполнение этих обязанностей; какой необходимо установить порядок надзора за постоянными дворами и корчмами в городах и уездах, какую ответственность должны нести учреждения и лица, на которые возложен такой надзор; какие следует установить взыскания и штрафы за нарушение содержателями постоянных дворов и корчем установленных для них правил; какой порядок должен быть соблюден при передаче и наследовании постоянных дворов и корчем.

Циркуляр, распространенный по Высочайшему указу, был заслушан на заседании Таврического губернского правления, после чего соответствующие распоряжения были разосланы всем городским отделениям полиции, земским судам и Старокрымской городской ратуше с тем, чтобы не позднее 19 марта 1860 г. получить подробные соображения с мест.

В Российской империи наступало время грандиозных реформ, и Таврический губернатор Г. В. Жуковский принимал в их подготовке активное участие, в том числе в 1859 г. в рамках комиссии МВД по преобразованию уездных учреждений. Запрос на места о том, по каким правилам должны работать постоянные дворы и корчмы, не был простой формальностью. Чиновники на местах часто не ограничивались собственным представлением о предмете, а проводили опросы среди «общества», людей сведущих и заинтересованных. Обсудить было что. Больше всего постоянных дворов на полуострове находились в г. Карасубазаре – 44, Феодосийском уезде – 42, г. Симферополе – 34, г. Бахчисарае – 18 и г. Феодосии – 17. Затем по количеству следовали г. Перекоп – 14., Ялтинский уезд – 3, г. Ялта – 2 и г. Старый Крым, в котором имелось два небольших постоянных двора. На материковой части Таврической губернии имелось в Бердянском уезде 12 постоянных дворов, г. Орехове – 4, г. Алешки и г. Ногайск – по 3 [1, л. 5–74]. Корчмы были менее распространены. В Таврической губернии 14 корчем имелось только в Евпаторийском уезде. И это все.

Впрочем, обычная в таких случаях терминологическая путаница не позволяла достаточно точно классифицировать подобные заведения. Так, в г. Феодосии имелось 7 питейных домов и две штофные лавочки, которые содержались по общим правилам для казенных откупов. Вольных же корчем не было. В Ялтинском уезде во многих местах продавалось виноградное вино, эти заведения можно было сравнить с корчмами. Имелись также кофейни, которые для местных жителей служили и своего рода постоянными дворами [1, л. 42–50]. В Бердянском уезде упоминался только один большой шинок, известный среди простого народа как Петровский трактир, находившийся на земле селения Обиточного помещицы графини Толстой при почтовой дороге из Бердянска в Мелитополь. Там продавали только хлебное вино.

Результатом такого «опроса общественного мнения» стали рапорты от имени местной полиции, земских судов, городских властей, в которых высказывались мнения и соображения относительно содержания в губернии постоянных дворов.

На первый вопрос о том, следует ли разрешать содержание постоянных дворов и корчем лицам всех званий, или же нужны ограничения, все сошлись во мнении, что позволять нужно лицам всех званий, однако если евпаторийский и ялтинский

земские суды предлагали это делать без ограничений, то феодосийский земский суд посчитал, что эти люди должны иметь хорошее поведение и письменные виды на свободное проживание, которые должны быть предъявлены Суду или станovým приставам. Бердянский земский суд полагал уместным условием предоставления от своего начальства аттестата о беспорочном поведении и исправном платеже податей и повинностей, как это требуется по закону от лиц, открывающих заведения в столицах и прочих городах [1, л. 42–85].

Главную роль репутации как критерию, определяющему возможность содержать постоянный двор, отводила полиция городов Ялты, Орехова и Перекопа, исключавшая опороченных судом людей, считавшая необходимым предоставление удостоверения от местного начальства в Городскую думу в том, что желающий содержать постоянный двор хорошего поведения под судом не состоял, не состоит, не является неблагонамеренным. Бахчисарайская же полиция считала, что нельзя разрешать содержание постоянного двора тем, кто замечен не менее трех раз в недобросовестном выполнении своих обязанностей по содержанию таких заведений. Полиция г. Феодосии предлагала ограничить в таком праве чарочных откупщиков там, где они имеют откуп, чтобы предупредить «поселение на постоянных дворах пьянства и вредное влияние на нравственность и материальное положение приезжающих» [1, л. 12–74].

Экономическую составляющую ставили во главу угла власти г. Карасубазара, Старокрымская городская ратуша, симферопольская городская полиция, предлагавшие разрешать содержание постоянных дворов только торговому классу или имеющим право вступать в гильдии. В том же духе высказалась и полиция г. Евпатории, считавшая, что: купцам всех трех гильдий можно разрешить содержание постоянных дворов без особого ручательства, «мещанам и государственным крестьянам с предоставлением в полицию свидетельств от их обществ о благонадежности и состоянии, позволяющем компенсировать ущерб приезжему, поскольку нередко случается, что за пропажи на постоянных дворах никто ответственности не несет, поскольку содержатели оказываются несостоятельными. На том же основании могут открывать эти заведения и помещичьи крестьяне с ручательством самого помещика или других благонадежных лиц» [1, л. 8–80].

Особые дискриминационные мнения принадлежали полиции г. Алешки и г. Бердянска. Первая считала, что иногородние лица должны заручиться удостоверением благонадежности от имени двух-трех поручителей, чья благонадежность, в свою очередь, должна быть заверена Думой или местной полицией, поскольку это необходимо для гарантирования кредитов от местных жителей. Вторая же, ссылаясь на «общий отзыв простолюдинов», предлагала «евреям не отдавать преимущества». Из сословий же русских можно позволять каждому, если поведение и состояние такого желающего известно обществу и полиции. Впрочем, бердянская полиция считала, что поскольку приезжих в г. Бердянске мало, то больше двух дворов не требуется, поэтому достаточно один отдать еврею, а другой – русскому [1, л. 5–78].

Второй вопрос касался процедуры и формальностей, необходимых для открытия постоянных дворов в городах и деревнях. По мнению евпаторийского земского суда, порядок открытия должен быть предельно простым. Желательно, чтобы местное начальство сразу же разрешало открытие заведений, чтобы «прекратились бы долговременные хождения об этом просителей, особенно деревенских обывателей по уездным и губернским присутственным местам». Бахчисарайская полиция вообще утверждала, что нет необходимости в каких-либо формальностях и в разрешении начальства. Достаточно просто объявлением известить полицию и Думу (если заведения открываются в городе) для регистрации и обложения некоторым окладом в пользу города. Феодосийский земский суд предлагал унифицировать правила для любых населенных пунктов, а симферопольская полиция предлагала сделать едиными правила с трактирными заведениями. Старокрымская городская ратуша считала, что дозволение начальства все-таки нужно. Но большая часть корреспондентов обращала, прежде всего, внимание на репутационную составляющую [1, л. 39–85]. Самыми важными (с торгами или без торгов, на гербовой бумаге за 15 или за 90 копеек, засвидетельствованные «обществом», начальством, полицией или судом) предполагались беспорочное поведение, добросовестность, а главное – благонадежность.

Ялтинский земский суд полагал также удостовериться в достаточности средств, а полиция г. Алешки предлагала подтверждать благонадежность ежегодно, причем как содержателей, так и их поручителей, и собирать плату в 6 рублей серебром в год с выдачей Свидетельства на право открыть заведение. В полиции г. Бердянска считали, что «лучше доверить заведение человеку менее достаточному, но известному и пользующемуся общим хорошим отзывом» [1, л. 5–78].

Предложение бердянского земского суда, будь оно принято, сделало бы открытие постоянных дворов почти невозможным или по меньшей мере создавало благодатную почву для злоупотреблений. Желаящий должен был подать прошение местному окружному начальнику, который решал, есть ли необходимость в постоялом дворе или корчме, руководствуясь соответствующими статьями Устава о благоустройстве в казенных селениях и мирским приговором от общества, подписанным всеми домохозяевами или, по крайней мере, двумя третями из их числа. Затем нужно было заключить договор с просителем по надлежащей проверке собранных сведений, предоставить приговор на утверждение Палаты государственных имуществ, которая должна выдать просителю свидетельство на открытие постоянного двора или корчмы и проинформировать об этом подведомственное управление и земскую полицию уезда. Открытие постоянных дворов на землях немецких колонистов должно производиться таким же порядком через окружного смотрителя колоний и Попечительный комитет. Об открытии таких заведений на землях помещиков владельцы должны обращаться в земские суды, которые, предоставив нужные сведения, ходатайствовали бы в Казенной палате о выдаче свидетельства на право содержания заведений [1, л. 53–56].

Наиболее детальным оказалось предложение феодосийской полиции, по мнению которой для открытия постоялого двора необходимо было соблюсти целый ряд условий [1, л. 19–38].

Прежде всего, постоялый двор должен иметь как минимум две общие обширные комнаты, столовую и гостиную, а также отдельную комнату для проезжих женщин и малолетних детей и особый буфет. Эти комнаты должны быть достаточно меблированы. В гостиной, предназначавшейся для отдыха и ночлега лиц мужского пола, кровати следует заменить обширными полатами, помещающими по 20 и более человек, которые были бы всегда выстланы свежим сеном или соломой и покрыты войлоком или попонами.

Женщинам и малолетним детям ночлег должен быть устроен в особо предназначенной для них комнате, где кроме другой необходимой мебели должно находиться достаточное число кроватей с обыкновенной постелью. Днем же как женщинам, так и детям вход в общую столовую и за общий стол не воспрещается. Буфет предназначен для хранения столовой посуды, съестных припасов и напитков, разрешенных к продаже. В нем должен находиться сам хозяин и его комнатная прислуга. Двор должен быть обширным и обнесенным высокой каменной или кирпичной стеной, в крайнем случае – прочным дощатым забором с обширными прочными воротами с калиткой. Внутри двора, если нет особых подкатных сараев и конюшен, должен быть навес, помещающий, по крайней мере, 20 лошадей и в ненастное время такое же число повозок. Крыша конюшен, сараев и навеса должна быть прочна и водостойка.

Комнат и служб может быть больше. Главное, чтобы везде была необходимая мебель со всеми принадлежностями для удобного размещения проживающих. Все комнаты, двор и конюшни с сараями или навесами должны быть просты и содержаться в надлежащей чистоте и опрятности. Гостиные и другие покои, определяемые для приезжающих, в зимнее время должны надлежащим образом отапливаться. Покои и службы, занимаемые самим содержанием, в расчет не принимаются.

Содержатель постоялого двора и его прислуга должны строго наблюдать, чтобы печные трубы были своевременно очищены; чтобы в выносимой на двор золе из печей не было скрытого огня, чтобы в кухнях и во всех комнатах вблизи печей или на печах, на чердаках под крышами не находились горючие материалы; чтобы в конюшнях, сеновалах, на чердаках и в кладовках никто из домашних содержания и проезжающих не курил табак и не ходил с зажженной лучиной или свечой без фонаря или с фонарем бумажным, испорченным. Прислуга должна состоять из людей расторопных и благонадежных. Следовало также, по мнению феодосийской полиции, запретить всякого рода игры, музыку, пение, пляски и все, что только может нарушать спокойствие и благосостояние проезжающих.

На постоялых дворах должны были быть соответствующие вывески. Если дом наемный, то содержатели обязывались иметь контракты, заключенные в установленном порядке. Открытие постоялого двора обуславливалось целой бюрократической процедурой с участием городской думы и полиции, на основании

отдельных статей, разбросанных по целому ряду законодательных актов, имевших опосредованное отношение к предмету.

Постоялых дворов можно было содержать сколько угодно, и владельцы порой так и делали, создавая прообраз современных отелей. Даже в домах священнослужителей размещать постоялые дворы не запрещалось.

Конечно, важнейшей функцией содержателя и его прислуги был надзор за прибывшими на постой или постоянное жительство и всеми отъезжающими. Об этом нужно было сообщать полиции. Если же в числе проезжающих будет замечено лицо подозрительное, то кроме немедленного объявления полиции и представления ей фактов или документов, изобличающих это лицо в неблагонадежности или злом умысле, они обязаны были до прибытия полиции содержать подозрительное лицо под строгим присмотром. Содержателю и его домашним это вменялось в строгую обязанность.

По ассортименту товаров, разрешенных к продаже на постоялых дворах, особое «рыночное» мнение принадлежало евпаторийскому земскому суду [1, л. 85], который, конечно, в связи с тем, что только в евпаторийском уезде имелись корчмы, считал, что товары, имеющиеся в продаже на постоялых дворах и корчмах, ни в коем случае не должны совпадать по ассортименту, дабы корчмари и содержатели постоялых дворов не подрывали торговлю друг другу.

По мнению полиции г. Феодосии, содержатель постоялого двора обязан иметь всегда в достаточном количестве сено, овес, печеный хлеб, воду для питья, деготь и сало для смазки колес, а также иметь запас для продажи проезжающим готовых колес, осей, подосков и веревок. В продаже могут быть закуски: простая икра, копченая и соленая рыба, соленые огурцы и капуста, местные овощи, яблоки, груши, сливы, вишни и т. п. Из жареной и вареной пищи – все то, что нужно простым людям. Из напитков стоит разрешить продажу пива и полпива, приобретенных у местного откупщика, чай, сбитень, кислые щи, обыкновенный квас и бузу. Содержатель обязан для приготовления вареной и жареной пищи и выпечки хлеба иметь особую кухню с очагом и варочной печью, а за право всего разрешаемого к продаже обязан платить акциз в пользу города. Запрещено к продаже на постоялых дворах должно быть все то, что составляет излишнюю роскошь, несвойственную для людей простого класса: индюшек, цыплят, каплунов и пулярок, стерляди, осетрины и белужины, иностранных напитков, оршада и лимонада. Съестные продукты должны быть свежие и здоровые [1, л. 19–68].

В г. Карасубазаре возникла идея разделить постоялые дворы на две категории. К первой отнести те, которые предоставляют питание, чай, кофе, курительный табак, вино и водки российского производства с принадлежащими к ним традиционными крымскими кофейнями. Ко второй отнести постоялые дворы, в которых разрешена только продажа фуража. Открытие корчем вообще следует запретить.

Ялтинский земский суд и городская полиция обращали внимание на то, что продажу следует производить мерой или весом, определенными по закону, определенными порциями и с хорошим качеством. В г. Симферополе считали, что в городах на постоялых дворах можно продавать только фураж, а бахчисарайская

полиция вообще полагала, что предметы, разрешенные к продаже, должны быть ограничены предметами первой необходимости: съестными припасами, фуражом для лошадей, дегтем, салом и проч. [1, л. 42–80].

Проблема ценообразования, которой был посвящен четвертый вопрос, вызвала прямо противоположные мнения. Большинство сошлось во мнении, что таксы, устанавливаемые городскими думами, необходимы с тем, чтобы предотвратить произвольное повышение цен, однако было непонятно, всех ли товаров это должно касаться.

Однако так думали не все. Полиция г. Феодосии считала, что на предметы, разрешенные к продаже на постоянных дворах, издавать таксы не имеет смысла. Однако для поддержания конкуренции и сдерживания цен необходимо обязать содержателей под наблюдением местной полиции ежемесячно составлять таблицы с ценами. Полиция же, в свою очередь, осуществляя контроль, должна принимать во внимание время года и цены, существующие на рынке. Эти таблицы должны вывешиваться в столовой комнате постоянного двора. Впрочем, цены могут быть и ниже по договоренности содержателя и приезжего. А вот требовать заплатить больше содержатель права не имеет. По мнению Старокрымской городской ратуши, необходимо установить таксы на сено, овес, ячмень и хлеб, а за ночлег с проезжающих пешеходов – по 3 коп., с лошади или рогатого скота – не более 5 коп. Ялтинский земский суд считал необходимым установить титу, назначаемую уездным присутствием по третям года, которую следует вывешивать на постоянных дворах. Городская полиция Ялты предлагала в каждом постоянном дворе прибавить на видном месте таксу на фураж. Прочие же предметы продажи таксой не ограничивать, а предоставить содержателю продажу по вольным ценам. По мнению симферопольской городской полиции, таксу необходимо издавать только для постоянных дворов в селениях и на трактах: за постоя, фураж и хлеб как на предметы самые необходимые, за которые содержатели иногда берут слишком высокую плату [1, л. 19–64].

По мнению бахчисарайской полиции, во избежание конфликтов необходимо назначить таксу на товары и услуги первой необходимости: за номер в летнее и зимнее время в сутки, обед и ужин по порциям, на пуд сена, на меру овса, фунт сала и деготь. Таксы должны быть издаваемы в городах Думой совместно с полицией ежемесячно. По уездам таксы должны быть разосланы земскими судами через станowych приставов с обязанностью вручить их содержателям корчем, отбирая старые и возвращая их в суд. Таксы должны обновляться один раз в 2–3 месяца. В городской полиции г. Перекопа считали, что таксы на продажу съестных припасов на постоянных дворах не нужны, потому что там останавливаются в основном люди простого звания, которые с хозяевами договариваются не о порции, а об обеде, приготовленном из двух или трех блюд на всю артель, это гораздо дешевле для проезжих, особенно извозчиков [1, л. 57–74].

На вопрос о возможности продажи на постоянных дворах хлебного вина и табака ответ чаще всего был негативным. Первое если и допускалось, то увязывалось с согласием откупщика или конторы питейного откупа (без права на вынос, в основном за пределами городов), но в большинстве отзывов говорили о том, что

продажа хлебного вина на постоянных дворах может привести к беспорядкам между фурщиками и неприятностям для приезжающих, их разорению, будет способствовать воровству, что для этого нужно выделять отдельное помещение, не допуская при этом пьянства, гулянья, песен и плясок. Продажу и курение табака предлагалось запретить по соображениям пожарной безопасности, тем более что табак не составляет предмет первой необходимости. Если же разрешать, то исключительно табак, приобретенный на фабрике и запечатанный бандеролью [1, л. 5–68].

Дополнительных сборов и повинностей, особых для постоянных дворов, почти никто не предлагал, ссылаясь на низкую доходность этих заведений и необходимость поощрения предприятий. Решение по этому поводу предлагалось принимать городским думами, ратушам или «обществу» с утверждением губернским начальством. И только феодосийский земский суд предлагал обложить постоянные дворы половиной оклада корчем, учрежденных в помещичьих имениях, ялтинский земский суд – взимать по 5 рублей в год серебром, полиция г. Перекопа – за право открытия постоянного двора вместо существующей платы в пользу города 5 рублей взыскивать по 10 рублей серебром [1, л. 42–74].

Обязанности, которые предполагалось возложить на содержателей корчем и постоянных дворов и за исполнение которых они должны были нести ответственность, охватывали качество предоставляемых услуг, наличие необходимых ресурсов, поддержание тишины и порядка, обеспечение сохранности имущества постояльцев и паспортного контроля.

Прежде всего, содержатели постоянных дворов не должны отказывать никому в размещении, предоставлении еды, питья, корма для скота и всего, что есть в заведении ни днем, ни ночью, даже тогда, когда постояльцев слишком много. Приезжающие, в свою очередь, могут любыми способами будить спящего содержателя или его прислугу – стучать в окна и двери постоянного двора, кричать под окнами и т. п., но только в том случае, если они действительно нуждаются в приюте или пище. В противном случае причиненный вред и беспокойство должны быть возмещены вплоть до уголовной ответственности.

Сам содержатель должен быть человеком скромным, не допускать по отношению ко всем без исключения постояльцам дерзостей, возражений, оскорблений, обходиться с каждым прилично, благопристойно, вежливо, миролюбиво и предупредительно, оказывать по возможности каждому свои услуги, особенно людям высшего класса, иметь прислугу для обслуживания приезжих и приготовления пищи, дворников (расторопных, с хорошей нравственностью, ни в чем дурном не замеченных), содержать комнаты в чистоте и опрятности, достаточно меблированными, с приличными постелями, не отказывать и не медлить в отпуске приезжим пищи, питья, фуража и всего находящегося в заведении.

Постоялый двор должен иметь для приезжих гостей не менее трех отделений покоев для женщин, купцов или людей иных сословий, для которых находиться в общем помещении неудобно, и, собственно, для людей низшего класса. В общих комнатах для людей низшего класса недопустимы общие нары для спящих,

поскольку неизвестные больные люди, лежась близко к другим, легко через дыхание могут заразить здоровых.

В комнатах и дворах должна быть постоянная опрятность и чистота, на что становые приставы во время поездок по делам службы обязаны обращать внимание. Все блюда должны быть приготовлены из качественных и свежих продуктов, а напитки должны быть хорошего качества и без примесей. Все продукты и фураж на постоялых дворах должны продаваться в соответствии с установленными законом мерами и весами. Обвес и обмер категорически запрещен.

Содержателям постоялых дворов также следует наблюдать за тишиной и порядком в заведениях, защищать своих постояльцев, предупреждать возможные ссоры, споры, распри и недоразумения, которые могут привести к обидам и конфликтам. Если же содержанию не удастся погасить конфликт, который перерастает в драку и беспорядки, необходимо немедленно докладывать полиции, которая должна своевременно принять меры для их прекращения [1, л. 5–78].

Содержатели обязаны иметь надежные запоры и замки на воротах, калитках и всех комнатах, ключи от ворот, калитки и общих столовой и гостиной комнат хранить у себя. Ключи от комнат отдавать постояльцам, если в комнате размещена одна семья или один человек. Если же несколько, то ключи должны быть у содержания, отвечающего за сохранность имущества. Содержание обязаны поручить прислуге внутренний и внешний надзор за имуществом с целью недопущения воровства. Однако и постояльцы должны бдительно наблюдать за своим имуществом, не полагаясь на содержание и его прислугу. Предлагалось даже, чтобы постояльцы из своего числа или своей прислуги отряжали сторожей к имуществу, оставленному на постоялом дворе и комнатах, чтобы такая стража в случае подозрения в похищении немедленно давала знать полиции. Ворота должны были быть всегда заперты, особенно в ночное время [1, л. 19–38].

Особо оговаривался порядок хранения оставленных на постоялом дворе вещей и денег. Это касалось разных случаев: срочного выезда постояльца, невозможности дальнейшего следования извозчика с товаром, когда он вынужден оставить его на постоялом дворе, оставленного имущества по договоренности, забытых вещей. Ответственность за сохранение в целости имущества приезжающих и приходящих возлагалась на содержание, что должно было быть объявлено и зафиксировано при открытии заведения. Если утраты имущества имели бы место неоднократно, то следовало лишение прав содержания таких заведений. Конечно, все принималось по мере и весу, запечатывалось, составлялся реестр и определялась стоимость. Ялтинский земский суд предлагал за невежливое и невнимательное отношение к постояльцам и их имуществу подвергать содержание штраф от 25 до 50 рублей и возмещению всех убытков. Взыскание производить порядком административным, а за утрату принятых на хранение вещей, равно как и за утайку, судить как за воровство.

Порой постояльцы не могли рассчитаться вовремя за постой и стол. В этом случае предлагалось выдавать содержанию расписку, засвидетельствованную местной полицией. Так же следовало поступать, если содержание ссужал постояльца деньгами под залог или без него. И в первом, и во втором случае такая

расписка, предъявленная ко взысканию, должна была иметь полную силу бесспорного заемного обязательства с обязательными полицейскими мерами, соответствующими таким обстоятельствам.

В сельских управлениях и городских думах предлагалось завести особые книги для записи жалоб проезжающих, меры по которым должны приниматься незамедлительно. По мнению ялтинского земского суда, такие книги следует выдавать в земском суде в начале каждого года. В этих книгах проезжающие могли бы записывать все жалобы на содержателей, которые о каждой жалобе обязаны доложить немедленно земскому суду, а за невыполнение этого лишать их права содержать постоялый двор. [1, л. 42–50]

Впрочем, по мнению бахчисарайской полиции, обязанности содержателей постоялых дворов и корчем сводятся к тому, чтобы предоставить, по возможности, спокойное, чистое и удобное помещение для проезжающих, проходящих и их лошадей, здоровую и свежую пищу. Если содержатели не станут исполнять свои обязанности, то проезжающие и проходящие просто перестанут посещать их. Это был, пожалуй, самый либеральный взгляд на отрасль, которую власти только собирались «зарегулировать».

Особое внимание уделялось соблюдению паспортного режима. Здесь не могло быть компромиссов. Общее мнение заключалось в том, что на постоялые дворы не могли быть приняты люди без документов, в случае отсутствия которых содержатель должен был немедленно сообщать в полицию. Впрочем, в полицию необходимо было сообщать обо всех постояльцах, вести особую книгу регистрации, где указывалось бы время прибытия и отъезда постояльцев. Нарушение этих требований должно было повлечь за собой штрафы, а в случае неоднократного повторения – запрещение содержания постоялого двора.

Надзор за содержанием постоялых дворов и корчем предлагалось возложить как на специальных чиновников, так и на полицию. И только по мнению бахчисарайской полиции: «Полная свобода открывать эти заведения и соперничество составляют лучший надзор. За содержателями их никакой внешний надзор не достиг бы своей цели, потому что если бы содержатели захотели недобросовестно исполнять свои обязанности, то хотя бы для надзора за ними был приставлен особый чиновник, по причине многосложности и обширности возложенных на полицию обязанностей, то и тогда бы невозможно было бы ручаться, что они добросовестно исполняют свои обязанности».

Взыскания и штрафы предлагались самые разнообразные – вплоть до закрытия заведения и конфискации имущества. Однако примечательно, что половину этих сумм следовало передавать Приказу общественного призрения.

Вопрос о порядке передачи и наследования постоялых дворов и корчем не был понят, что отразилось и в несколько сумбурных ответах, и в преобладающем мнении об отсутствии необходимости в каком-то особом для этих заведений порядке [1, л. 5–85].

25 Июля 1861 г. было опубликовано Высочайше утвержденное «Положение о трактирных заведениях, постоялых дворах и съестных лавочках в городских поселениях (в столицах; в городах: губернских, портовых, уездных, безуездных и

заштатных, а также в посадах и местечках)» от 4 июля 1861 г. [2] Подход оказался довольно либеральным. Содержать постоялые дворы дозволялось всем лицам, имеющим право торговли в городах. Необходимо было лишь получить соответствующее свидетельство от Думы и оплатить акцизный сбор, определяемый городским обществом ежегодно. За пределами городов не нужно было и этого: открыть постоялый двор мог кто угодно, платить акциз за это было не нужно. Следить за порядком и за тем, чтобы постоялые дворы не превращались в трактиры, для которых действовали уже несколько иные правила, должна была полиция. Правила не распространялись на гостиницы при почтовых дворах, которые оставались в ведении Почтового управления.

Выводы. Такой своеобразный опрос общественного мнения по проблеме открытия и содержания постоялых дворов интересен не только сам по себе, в условиях едва начавшейся эпохи либеральных реформ, но главным образом как характеристика общественного видения, широкого спектра мнений о различных сторонах деятельности целой отрасли местной экономики. В них нашли отражение консервативный и либеральный подходы, видение перспективы и страх перед переменами, попытки урегулировать, подчинив правилам все и вся, и вера в безупречность свободного рынка. Устройство постоялых дворов, существующее и желаемое, проблемы в этой многовековой, но быстро меняющейся сфере гостеприимства хорошо видны в предложениях и пожеланиях местных властей, судов и полиции, основанных, конечно, не только на собственных умозаключениях, но и на мнении «общества», которое имело в этот период особое значение. Комфорт постояльцев, соответствующий, конечно, эпохе и категории заведений, необходимые условия для средств передвижения, сохранность имущества и личная безопасность, контроль продаж и употребления спиртных напитков и табака, обеспечение паспортного режима и роль проверяющих организаций, коих в те времена было существенно меньше, чем сегодня, – все это не только хорошо знакомо сегодняшним отельерам, но, вероятно, никогда не потеряет своей актуальности.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым (Далее – ГАРК). Ф. 27. Оп. 1. Д. 6831. Л. 1.
State archive by Republic of Crimea (GARK), F. 27, Op. 1, D. 6831, L. 1.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). № 37198. 4 июля 1861 г.
Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). № 37198. 4 July 1861.
3. Баньковская А. К., Малик Т. В. Исторические предпосылки возникновения и развития интерьеров заведений гостеприимства в Украине с учетом традиционных особенностей // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 10(29): сборник статей по материалам XXIX международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд. СибАК. 2013. С. 128–141.
Ban'kovskaja A. K., Malik T. V. Istoricheskie predposylki vozniknovenija i razvitija inter'erov zavedenij gostepriimstva v Ukraine s uchetom tradicionnyh osobennostej. V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii. № 10(29): sbornik statej po materialam XXIX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Novosibirsk: Izd. SibAK. 2013. S. 128–141.
4. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории: монография / В. П. Бойко / под. ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та. 2009. 308 с.

Bojko V. P. Kupechestvo Zapadnoj Sibiri v konce XVIII – XIX v. Oчерki social'noj, otraslevoj i mental'noj istorii: monografija . V. P.Bojko. Pod. red. V. P.Zinov'eva. Tomsk:Izd-vo Tom.gos.arhit.-stroit.un-ta. 2009. 308 S.

5. Дегтярев С. О. Гостиничное дело в дореволюционной Москве (1861–1914 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Москва. 2015.

Degtjarev S. O. Gostinichnoe delo v dorevoljucionnoj Moskve (1861–1914 gg.): diss. ... kand. ist. nauk. Moskva. 2015.

6. Серова Е. Д. Заведения трактирного промысла Крыма во второй половине XIX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2011. Т. 24(63), № 2. С. 111–121.

Serova E. D. Zavedenija traktirnogo promysla Kryma vo vtoroj polovine XIX v. Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I.Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki». 2011. T. 24(63), №2. S.111 – 121.

7. Чернов В. А. Становление гостиничного дела на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск. 2012.

Chernov V. A. Stanovlenie gostinichnogo dela na Dal'nem Vostoke (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.): diss. ... kand. istor. nauk. Habarovsk. 2012.

8. Чернов В. А. Гостиничная отрасль Хабаровска (1858–1918): монография. Хабаровск. 2009. 87 с.

Chernov V. A. Gostinichnaja otrasl' Habarovska (1858–1918): monografija. Habarovsk. 2009. 87 s.

Martsinovskii P. N. Hostelry and time of change: local authorities of Tavricheskaya province and new standing order about taverns (1859–1860)

The article is devoted to the analysis of the judgments and proposals of the city police departments, zemstvo courts, local authorities of the Tavricheskaya Gubernia in connection with the need to adopt a new Regulation on tavern establishments, inns and edibles in urban settlements. The above considerations reflect the whole range of local ideas about the socio-economic, administrative, national, class, technical, hygienic and legal conditions for the functioning of inns on the peninsula based not only on one's own conclusions, but also on the opinion of «society». It was concluded that, despite the prevailing readiness of local authorities to tightly regulate this activity, the resulting provision was liberal enough and opened up ample opportunities for the development of a network of inns.

The beginning of the 60's. XIX century in Russia, of course, the time of change. This applies even more to the Crimea, which not only suffered from the Crimean (Eastern) war of 1853–1856, but also revealed new opportunities for economic development, albeit gradually, connected with geographical, climatic and other peculiarities that allowed the guests of the peninsula to attract visitors not only for business purposes, but also with resorts. The adoption of new legislation related to the services of travelers is becoming an important stage in the development of this branch of the economy.

One of the reasons for the insufficient study of the problem is the high labor intensity of working with sources related to economic problems in past, the lack of sufficient information suitable for systematization over more or less long periods, its fragmentary and dispersed in a significant number of archival funds, in this connection, the real success is the identification of a holistic array of documents that make it possible to study, at least, certain plots in the history of development of one or another leaving an economic complex, with which, in this case, we are dealing with. The history of this important branch of the economy in the Crimea is still waiting for its researcher, but it seems important not only how the institutions that hosted guests used to work, but how, according to local authorities and officials, they had to carry out their activities.

The purpose of the article is to present and analyze the various points of view and considerations presented at the request of the Tauride Governor, from local police stations, Zemstvo courts and local authorities on various aspects of the functioning of inns for the relevant report to the Ministry of Internal Affairs, in connection with the need to adopt a new Regulation tavern establishments, inns and food shops in urban settlements.

This kind of public opinion poll on the problem of opening and maintaining inns is interesting not only on its own, in the conditions of the scarcely begun era of liberal reforms, but mainly as a characteristic of the public vision, a wide range of opinions on various aspects of the activity of the whole branch of the local

*ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ И ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН: МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ
ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ И НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
О ТРАКТИРНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (1859–1860)*

economy. They reflect a conservative and liberal approach, a vision of the future and fear of change, attempts to resolve, subordinating everything to everything, and believing in the integrity of the free market.

The arrangement of inns, existing and desired, problems in this centuries-old but rapidly changing sphere of hospitality are clearly visible in the proposals and wishes of local authorities, courts and police, based, of course, not only on one's own conclusions, but also on the opinion of local «society» which acquired special significance in this period. The comfort of the guests, corresponding, of course, to the era and category of institutions, the necessary conditions for vehicles, the safety of property and personal safety, the control of sales and consumption of alcoholic beverages and tobacco, the provision of a passport regime and the role of audit organizations, which in those days was significantly less than today – all this is not only well familiar to today's hoteliers, but, probably, will never lose its relevance.

Keywords: Crimea, inn, hostelry, custodian, police, court.

УДК 94(47)(614.84).046/047

**«У КОГО УЧИНИТСЯ ПОЖАР, ТОМУ ОТ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ
БЫТЬ В СУРОВОЙ ОПАЛЕ...»:
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ РОССИИ В XVII В.**

Мельник Э. В.

*Уральский институт государственной противопожарной службы МЧС России
Екатеринбург, Российская Федерация
Email: ilichev851@rambler.ru*

Осуществлена попытка анализа процессов становления и развития пожарно-сторожевой службы в Московском царстве в рамках оформления российского самодержавия. Неустойчивый характер развития российского общества в период перехода к самодержавию представлен целым комплексом проблем: предотвращения и тушения пожаров, мобилизация людских ресурсов, вопросы оснащения российских огнеборцев и необходимость решения задачи подготовки профессиональных кадров. Как выявил автор, в течение XVII века в организации тушения пожаров в Русском государстве наблюдался значительный прогресс. Среди прочих мер – проект территориального деления столицы на участки; обязанность горожан несения пожарной повинности: круглосуточное дежурство, необходимый обход территории в ночное время, производившийся в очередном порядке; организация незамедлительного тушения очага возгораний и локализации распространения пламени. Учрежденная царем Алексеем Михайловичем повинностная пожарная охрана просуществовала вплоть до мая 1804 г., когда была упразднена и снята с обывателей введением профессиональной пожарной охраны. Автором прослежены основные тенденции эволюции в системе пожаротушения XVII века. Материалы статьи преподносят анализ законодательных источников, раскрывающих особенности функционирования системы мер по профилактике и предотвращению пожаров в Московском царстве. Одной из характерных тенденций, прослеженных через тексты ключевых юридических актов эпохи, можно назвать усиление вмешательства государства в проблемы обеспечения пожарной безопасности, а также строжайшую регламентацию деятельности пожарной службы в первые столетия образования государства.

Ключевые слова: пожарная охрана, тушение пожаров, Россия, XVII век, Соборное уложение.

Зарождение централизованного управления пожарной охраной в России можно проследить с момента оформления основных государственных учреждений. В Русском государстве XVI в. противопожарные мероприятия носили нерегулярный характер. Законодательные акты были направлены на меры наказания за поджоги и меры охраны порядка. Поэтому особое значение в реализации административно-полицейских функций в столице в конце XVI – начале XVII вв. приобрел Земский приказ. Цель настоящего исследования – анализ процессов становления и развития системы пожарной безопасности в Московском царстве в период 1600-х годов. Особого внимания для рассмотрения требовала линия содействия государства в обеспечении пожарной безопасности.

В соответствии с целью определены следующие задачи: выявление основных факторов, способствовавших процессу создания профессиональной пожарной службы в Московском царстве; раскрытие юридических основ оформления

государственной пожарной охраны; анализ проблемных вопросов технического обеспечения пожарной охраны в обозначенный период.

Среди комплекса дореволюционных публикаций, посвященных указанной теме, преимущественно представлены работы практического характера. Существенный вклад в дело пожарной безопасности внесла работа А. Пресса «Общедоступное руководство для борьбы с огнем», удостоенная премии князя А. Львова на Всероссийской пожарной выставке в 1892 г. В издании рассмотрены правила пожарной безопасности при устройстве зданий и выборе строительных материалов. На чертежах, содержащихся в книге, подробно и наглядно показаны технические средства борьбы с огнем и защиты от него. Характеристика технических средств пожаротушения, основные способы тушения пожаров содержатся в работе В. А. Скрипицина «Пожары» (1904). Особо следует обозначить работу Ал. П. Чехова (брата знаменитого отечественного классика) – «Исторический очерк пожарного дела в России» (1893). В книге подробно описана деятельность столичных пожарных команд, а также показано положение дел в провинции. К 300-летней годовщине восшествия на престол царствующей династии России было издано сочинение Д. Н. Бородина «Пожарное дело в царствование дома Романовых» (1613-1913), охватывающее различные аспекты истории пожарной охраны. Значительные сведения содержатся в работах Н. П. Требезова «Пожарное дело в России» (1909) и «Пожарная тактика» (1912). В них автор привел краткие сведения о мерах пожарной предосторожности, изложил основные причины пожаров и взрывов, проследил классификацию пожаров по различным признакам. Наиболее исчерпывающим трудом по проблематике сельских пожаров XIX века стала работа В. М. Пуришкевича «Национальное бедствие России» (1909). В ней автор привел законодательные мероприятия в области пожарного дела с XVI по XIX вв., статистические данные по пожарам, в том числе и по Сибири, показал работу государственных органов, земств и общественности по борьбе с пожарами. Дореволюционная историография накопила интереснейший фактический материал по истории пожарного дела в России. Однако ключевое внимание исследователей эта тема привлекла уже после 1917 г. Популярными и всеохватывающими по масштабу исследовательские работы С. Г. Голубева, «Пожарное дело в СССР» (1968) П. С. Савельева. Среди поднятых в книге вопросов, актуальных к рассмотрению данной статьи: пожарная охрана в дореволюционной России; меры по предупреждению пожаров; пожарная техника на раннем этапе развития пожарной охраны. Еще одна значимая работа Савельева П. С. «Пожары – катастрофы» (1983), которая представляет анализ причин возникновения и развития пожаров. Отдельного упоминания заслуживает живописная книга уральского автора-прозаика Б. Рябинин «Укротители огня» (1979) о нелегких буднях огнеборцев. На современном этапе собран плодотворный и объемный материал по обозначенной теме в публикациях, вышедших из-под пера Н. Н. Щаблова. Книга «Пылающая Русь. Страницы из истории пожарного дела государства Российского» (1996) вместила в себя хроники великих пожаров в течение всего времени правления на Руси Рюриковичей, а также очерки зарождения отечественного пожарного дела в годы царствования дома Романовых. Публикация «Пожарное дело в России» (2007)

раскрыла исторические этапы становления и развития пожарного дела в нашей стране. Документальная точность повествования продемонстрировала состояние пожарной охраны, ее преобразования в различные исторические отрезки времени: от древней Руси, царствования дома Романовых до советского периода и новой России. Однако во всех упомянутых выше исторических исследованиях проблеме особенности организации тушения пожаров в XVII веке уделено крайне мало внимания. В связи с этим при подготовке статьи необходимо было обратиться, в первую очередь, к первоисточникам. Основным законодательным памятником эпохи явилось «Соборное Уложение 1649 г.». Определенные ориентиры в обозначенной теме дают различные юридические акты, собранные в «Полном собрании законов Российской империи» (1830).

У истоков становления противопожарной службы в Русском государстве.

Первая пожарная команда в Москве была создана в 1624 г. и получила название «пожарный обоз». Вначале пожарные обозы размещались на Земском дворе, имея в своем составе сто человек: пять человек в конном обозе, включая извозчика. В их распоряжении находился простейший выделяемый казной пожарный инвентарь. По первому набатному звону профессиональные огнеборцы доставлялись вместе с огнегасительными приборами и инструментарием к месту пожара. Ответственный за тушение пожаров Земский приказ собирал с населения подати на содержание команды.

Земскому приказу (с 1633 г.) было поручено произвести роспись каждого московского подворья согласно району города и принудить жителей являться на пожары с водоливными трубами. В течение всего XVII в. явным был факт того, что российская власть не имела возможности справиться с огненной стихией без общественной помощи – это было одной из характерных особенностей развития пожарного дела в России.

В случае пожара в доме недобросовестного хозяина его соседям следовало тотчас сбегаться для тушения с заранее прописанным инвентарем: ручными насосами, баграми, топорами и «всякими запасами, которые от пожара пристойны» [3]. На путях распространения пожара устанавливалось смоченное водой огорождение из плотной ткани, брезента и лубяных щитов, что давало возможность сдерживать на какое-то время огонь. Запасы воды находились на чердаках домов и в бочках на дворе каждого домовладельца.

В засушливое лето любой ветерок при обращении с открытым огнем мог привести к неконтролируемому разгулу стихии. По тесно стоящим деревянным постройкам, покрытым соломой, щепой, осиновой и дубовой дранкой, пламя распространялось моментально. Возникали огненные смерчи, несущие гибель всему живому. Для доставки воды бочками, установки смоченных водой защитных щитов, растаскивания горящих бревен и досок баграми приходилось привлекать массу людей. Все это требовало присутствия умелого руководителя тушения пожара. В этой роли нередко выступали большие государственные чины, окольничии и думные бояре.

Уровень организации пожарных команд оставался недостаточным, предполагая массовое привлечение горожан для укрощения огня и разбора завалов. Власть вынуждала горожан содержать за свой счет дорогостоящие водозаливные трубы и другой противопожарный инвентарь.

Довольно часто, наравне с традиционными элементами пожарной техники, продолжали использовать устаревавшие механизмы. Столица почти полностью выгорала при царе Михаиле Федоровиче три раза: в 1626, 1629 и 1634 гг. Ввиду этого наказания за нарушение и невыполнение правил пожарной безопасности отличались разнообразием и суровостью мер: штраф, опала, ссылка в Сибирь. В течение 30–40-х гг. XVII в. усиливается вмешательство государства в решение проблем по обеспечению пожарной безопасности. Шло поступательное развитие законодательства и системы мер по профилактике и предотвращению пожаров.

Тридцатилетнее правление А. М. Романова отличалось кровавыми народными бунтами и разрушительными пожарами Москвы. Так, в один из майских дней 1648 г. возмущенные жители столицы, доведенные до отчаяния несправедливыми налогами, толпой устремились в Кремль искать справедливости у царя. Бунт 1648 г. был показателем для царской власти в том, что одним из главных бед русской жизни являлось отсутствие твердых и адекватных своему времени законов: Судебник середины XVI в. сильно устарел. Спустя столетие появилось множество новых царских распоряжений и указов. К тому же отсутствие твердых законов порождало произвол судей и различные злоупотребления. Противопожарные мероприятия в период правления первых Романовых также носили нерегулярный характер.

Юридические основы оформления государственной пожарной охраны

В лето 1648 г. государь Алексей Романов приказал систематизировать все сборники юридических актов и указы предыдущих государей. Попытки законодательной власти нормировать вопросы по предотвращению и тушению пожаров, хотя и мало продвинули дело борьбы с огнем, но для истории пожарного дела имели громадное значение. В 1649 г. в России были приняты два документа, имеющие непосредственное отношение к пожарному делу: «Наказ о градском благочинии» и «Соборное уложение царя Алексея Михайловича».

«Наказ о градском благочинии» 1649 г. стал одним из первых документальных актов, включенных в официальный свод законов государства Российского, положил прочное начало государственным мерам «бережения от огня» Москвы. Этот документ предписывал всем состоятельным людям держать во дворе медные водоливные трубы и деревянные ведра. Жителям со средним и малым достатком полагалось иметь одну такую трубу на пять дворов. Специально подготовленные группы огнеборцев (так называемые ярыжные стрельцы), знающие правила обращения с новым пожарным инвентарем, стали являться на места воспламенения.

«Наказ о градском благочинии» 1649 г. впервые предусматривал черты профессиональной пожарной охраны: наличие механизированных водоливных труб ручного действия; постоянный состав службы на оплачиваемой основе; деятельность Земского приказа, содержащегося за государственный счет; функционирование съезжих изб – предшественниц пожарных депо.

Наказ в основном повторил все принятые ранее меры относительно правил и ограничений топления жилых помещений. Для отопления домов, где имелись больные, дети, необходимо было заполнять специальное прошение. В Наказе также оговаривалось и время приготовления пищи – «с первого часу дни до четырех часов дни».

Впервые, следуя предписаниям данного документа, в Московском царстве определялись обязанности должностных лиц, ответственных за пожарную безопасность. Среди нововведенных положений: осуществление контроля за выполнением правил отопления, который возлагался на десятских и сторожей, дежуривших на улицах. В свою очередь, их контролировали решеточные приказчики и стрельцы. Наказ требовал, чтобы в «пожарное время с решеточными приказчиками и со всякими людьми и с водоливным запасом быть готовым». Именной царский Наказ строго предупреждал приказчиков и дежурных стрельцов, чтобы они, «будучи на страже от огня, не спали, ни за каким дурным не ходили, чинно досматривали... все было бережено в городе от огня... и исправно тушили» [3].

Чтобы защитить Москву от пожаров, по приказу государя особо доверенные лица, «объезжие головы», ежедневно должны были по несколько раз осматривать свой участок в городе, следить за пожарными сторожами и ловить поджигателей. В помощь объезжему голове выделялось, кроме решетчатых приказчиков, все стрелецкое войско. Помимо объезда уличных постов и контроля за десятскими и сторожами в перечне профессиональных обязанностей объезжего головы было: наблюдение, «чтоб никакие люди изб и мылен не топили и ввечеру поздно с огнем не сидели»; «во дворах, по всем хоромам велить для береженья от пожарного времени поставить мерники и кади большие с водою и помела»; расстановка сторожей у решеток по улицам и переулкам и наблюдение за тем, «чтобы они в день и в ночь стояли без престан...» [7]. Через пять лет, в 1675 г., был издан царский указ о мерах наказания за небрежность при обращении с огнем. Там же предписывалось стольнику – князю В. И. Хилкову и дьяку С. Калинину следить за регулярной чисткой сажи в трубах, ибо «...та руда (сажа – Э. М.) загорается и бывают искры многие».

Постановление о противопожарных мерах распространяется и на высокородных бояр, живущих в своих поместьях. Им строго предписывалось «иметь бережение от огня и строго выполнять наказ, обнародованный в 1649 г.» [3]. Наказом от того же года предписывалось подьячему В. Панову и боярину И. Новикову в случае «загорания в Белом граде» прибыть немедленно на пожар и тушить огонь. А если по Москве в результате оплошности произойдет пожар, то «от него Великого Государя тем людям за то быть в безмерной опале и разорении, а людям их в жестоком наказании и в ссылке в дальние Сибирские города в вечное житье» [3]. Краеугольным значением введения государева Наказа стало введение «градского благочиния» в различных городах Руси.

Второй документ, принятый также в 1649 г., – «Соборное уложение царя Алексея Михайловича» [6]. За невыполнение противопожарных мероприятий по данному юридическому акту с виновных взыскивался штраф. Также применялись более строгие меры наказания вплоть до вечной ссылки: «А буде кто за нынешним, Его государевым указом учинить хоромы свои, или мыльни (бани), или чьи люди, ваши свои избы топить не в указанные дни, или с огнем небрежно ходить, или в поварнях не во время огонь держать: и на тех людях иметь пени по пять рублей на человека, а у кого учинится пожар от него Великого Государя тем людям за то быть

в великой опале и в разорении, а людям их в жестоком наказании и в ссылке в дальние Сибирские города в вечное житье» [6].

Таким образом, новые законодательные акты 1649 г. включали в себя мероприятия по ликвидации последствий пожара и установлению комплекса мер наказания за халатное обращение с огнем, а также поджоги.

«Уложение» разграничивало понятия «неосторожное обращение с огнем» и «поджог». Так, первое – «загорание от небреженья» – каралось штрафом, который взыскивался с домовладельца: «А будет кто у кого учнет стояти на дворе из найму, а в договоре у него будет, что ему того двора не зажечь, и от огня беречь, а после того тому двору учинится запаление его небреженьем, и тот двор згорит, и на нем за тот двор тому, у кого он тот двор наймет, взяти цену, чего тот двор стоил» [6]. «Уложение» предусматривало уголовную ответственность за поджоги. В документе говорилось: «если в лесу или на ниве жар произойдет по лености или небрежности, рассматривать надо как “пожарное разорение”», с виновного взыскивать штраф [6]. Штраф за поджог леса назначался в основном за плодовое или бортовое дерево, которое имело цену, так как на нем гнездились птицы и пчелы, или оно приносило доход. За подобное преступление взыскивалось с виновного три рубля, «а пчел не бывало, и за то двадцать пять алтын» [6].

Учрежденная царем Алексеем Михайловичем повинностная пожарная охрана просуществовала вплоть до мая 1804 г., когда пожарная повинность с обывателей снималась и вводилась профессиональная пожарная охрана.

Особенности противопожарных мероприятий в России в эпоху раннего Нового времени

Во второй половине XVII в., в связи с резкой активизацией борьбы с укреплением позиций крепостного права, возросло число поджогов помещичьих усадеб. В 1669 г. был издан указ о преступных действиях: грабеже и воровстве на пожаре. Виновных сажали в тюрьму, наказывали кнутом, резали уши и даже подвергали смертной казни [3]. В 1670 г. был издан новый царский наказ о карательных мерах за невыполнение противопожарных мероприятий. В нем подтверждались прежние меры наказания, но в более строгой форме: «тем от Государя быть за то в опале, а иным в вечном разорении, а людям подчиненным в жестоком наказании и в ссылке без всякой пощады».

Кроме того, горожанам приказывалось нести повинность за уличных и ночных сторожей из расчета один человек от десяти дворов. Помимо оружия, несшие повинность снаряжались и ручными насосами.

Для населения города также был назначен перечень орудий борьбы с огнем («всяческие запасы, которые от пожара пристойны»). Среди них ведущее место отводилось водозаливным трубам. При этом зажиточные обыватели должны были иметь по одной медной или деревянной водозаливной трубе на двор.

Важным моментом в профилактике пожаров явилась чистка дымоходов. Это нововведение изначально распространилось на столицу, а с 1675 г. и на другие города. Кроме того, устанавливалась обязательная норма строительства колодцев: каждые десять домов должны были иметь один колодец. Для реализации этого

постановления в Пушкарском приказе образовали штат колодезников численностью четырнадцать человек.

Указы государя Федора Алексеевича (1676–1682) подтвердили ранее изданные постановления о мерах предосторожности в обращении с огнем. Терема и бани разрешалось топить лишь с разрешения объезжего головы и только в ненастную погоду. Освещать помещение полагалось только с помощью фонарей.

Издавна на Руси о надвигающейся опасности пожара, набеге врагов или призыве народа к бунту оповестительным сигналом был звон колоколов. В нашей стране имели место гигантские экземпляры колоколов под названием «Царь-колокол». Вес одного из них, отлитого в 1654 г., составлял порядка ста тридцати тонн и предназначался для звонницы близ колокольни Ивана Великого.

В свое время возникавшие при пожаре обстоятельства суеты, неразберихи, побудили царя Алексея Михайловича составить звуковую набатную сигнализацию. В специальном указе государя от 6 января 1668 г. были точно расписаны условные сигналы набатного колокола для привлечения внимания горожан на случай возгораний. «Будет загораться в Кремле, бить во все три набата в оба края по спору. Будет загораться в Китае, бить в одни Спасский набат в один край. Скоро же будет в Белом городе – в Спасский набат в оба края, но потише. В земляном городе – в набат на Тайницкой башне – в один край, таким обычаем бить с развалом и расстановкой».

Подводя итоги вышесказанному, можно резюмировать. С середины XVII века в организации тушения пожаров в Москве наблюдался довольно значительный технический прогресс. Вместе с традиционным инвентарем начала использоваться пожарная техника иностранного производства – специально закупленные водозаливные трубы. На пожары стали являться отряды специально обученных ярыжных стрельцов при Земском дворе, которые знали приемы обращения с новой закупленной пожарной техникой.

В течение последних двух десятилетий XVII века никаких кардинальных мер по реорганизации системы пожаротушения: появление новых средств, инструментария для ликвидации пожара не появлялось. Несмотря на всю строгость наказания за нарушение и невыполнение правил обращения с огнем, пожары продолжали свирепствовать повсеместно.

Власть вынуждала население содержать за свой счет достаточно дорогие водолейные трубы и иной достаточно примитивный противопожарный инвентарь: бочки с водой, ведра, багры, рогатины и пр. Это свидетельствовало о том, что экономические и технические возможности государства оставались ограниченными. На тушение пожаров зачастую привлекалось само население. Организованных мер борьбы с огнем в стране почти не было. Эти же причины препятствовали созданию не только профессиональной противопожарной службы, но и регулярного, централизованного государственного аппарата. В течение всего XVII века среди бытующих исторических противоречий, характеризующих развитие пожарного дела в нашей стране, оставались: нерегулярный характер пожарно-сторожевой службы и отсутствие профессиональных огнеборцев. Без помощи населения российская власть оставалась не в состоянии справиться с огненной стихией.

**«У КОГО УЧИНИТСЯ ПОЖАР, ТОМУ ОТ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ
БЫТЬ В СУРОВОЙ ОПАЛЕ...»:
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ РОССИИ В XVII В.**

Список использованных источников и литературы

1. Бородин Д. Н. Пожарное дело в царствование дома Романовых (1613–1913). – СПб., 1913. – 155 с.
Borodin D. N. Pozharnoe delo v tsarstvovanie doma Romanovykh (1613–1913). – SPb., 1913. – 155 s.
2. Ландэзен Э. Ф. Пожары в России и борьба с ними. – Тверь, 2010. – 28 с.
Landezen E. F. Pozhary v Rossii i bor'ba s nimi. – Tver', 2010. – 28 s.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 г. / Под ред. М. М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 1. Т. 1. № 6.– 1072 с. – С. 28, 165–166, 441.
Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 g. / Pod redaktsiej M. M. Speranskogo. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. Sobr. 1. T. 1. № 6.– 1072 s.
4. Пуришкевич В. М. Национальное бедствие России. О сельских пожарах. – СПб.: Рус. нар. союз им. Михаил архангела, 1909.– 263 с.
Purishkevich V. M. Natsional'noe bedstvie Rossii. O sel'skikh pozharakh. SPb.: Rus. nar. soyuz im. Mikhail arkhangela, 1909.– 263 s.
5. Титков В. И. Четвертая стихия. Из истории борьбы с огнем. – М.: Объединенная редакция МВД, 1998. – 117 с.
Titkov V. I. CHetvertaya stikhiya. Iz istorii bor'by s ognem. – M.: Ob"edinennaya redaktsiya MVD, 1998. – 117 s.
6. Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Ред. колл.: В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков (рук. авт. колл.), В. М. Панях; Подг. текста Л. И. Ивиной; Институт истории СССР АН СССР. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 448 с. – (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков).
Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst, kommentarii / Red. kollegiya: V. I. Bugarov, M. P. Iroshnikov, A. G. Man'kov (ruk. avt. koll.), V. M. Paneyakh; Podg. teksta L. I. Ivinoj; Institut istorii SSSR AN SSSR. – L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1987. – 448 s. – (Zakonodatel'nye pamyatniki Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XV – XVII vekov).
7. Скипский Г. А. История пожарной охраны: курс лекций. – Екатеринбург: Уральский институт ГПС МЧС России, 2008. – 189 с.
Skijskij G. A. Istoriya pozharnoj okhrany : kurs leksij. – Ekaterinburg : Ural'skij institut GPS MCHS Rossii , 2008. – 189 s.
8. Сокращенное описание служеб благородных российских дворян. – М., 1810. – Ч. 2. – 239 с.
Sokrashchennoe opisanie sluzheb blagorodnykh Rossijskikh dvoryan. – M., 1810. – CH. 2. – 239 s.
9. Трачук М. П. Из истории развития пожарной охраны в России. – Львов: Львовское пожарно-техническое училище МВД СССР, 1959. – 89 с.
Trachuk M. P. Iz istorii razvitiya pozharnoj okhrany v Rossii. – L'vov: L'vovskoe pozharno-tekhnicheskoe uchilishche MVD SSSR, 1959. – 89 s.
10. Щаблов Н. Н. Пылающая Русь. Страницы из истории пожарного дела государства Российского / под ред. Н. В. Виноградова. – СПб.: Государственное предприятие «Полиграфическое предприятие № 3», 1996. – 316 с.
Shchablov N. N. Pylayushchaya Rus'. Stranitsy iz istorii pozharnogo dela gosudarstva Rossijskogo / pod red. N. V. Vinogradova. – SPb.: Gosudarstvennoe predpriyatie «Poligraficheskoe predpriyatie № 3», 1996. – 316 s.
11. Щаблов Н. Н. Пожарное дело в России / Н. Н. Щаблов, В. Н. Виноградов, В. П. Бессонов. – СПб.: ООО «Безопасность–2», 2007. – 688 с.
Shchablov N. N. Pozharnoe delo v Rossii / N.N. Shchablov, V.N. Vinogradov, V.P. Bessonov. – SPb.: ООО «Bezopasnost'–2», 2007. – 688 s.

Mel'nik E. V. «If someone has a fire, from the great sovereign to be in great punishment...» evolution of fire protection in Russia in the XVII century

The article attempts to analyze the formation and development of the fire and patrol service in the Moscow kingdom as part of the design of the Russian autocracy. The unstable nature of the development of

Russian society during the transition to autocracy is represented by a whole range of problems: prevention and extinguishing of fires, mobilization of human resources, equipping Russian fire fighters and the need to solve the task of training professional personnel. As the author has revealed, during the 17th century considerable progress was made in the organization of extinguishing fires in the Russian state. Among other measures - the project of territorial division of the capital into plots; duty of citizens to fire fire: 24-hour duty, necessary bypass of the territory at night, performed in the next order; organization of immediate extinguishing of the source of ignitions and localization of the spread of the flame. Established by Tsar Aleksei Mikhailovich, the service fire protection existed until May 1804, when it was abolished and removed from the townsfolk, by the introduction of professional fire protection. The author traces the main trends of evolution in the firefighting system of the XVII century. The materials of the article are presented by an analysis of legislative sources that reveal the features of the functioning of the system of measures for the prevention and prevention of fires in the Moscow kingdom. One of the characteristic trends traced through the texts of the key legal acts of the era is the strengthening of state intervention in the problems of ensuring fire safety, as well as the strictest regulation of the fire service in the first centuries of state formation.

Keywords: Fire fighting, extinguishing fires, Russia, XVII century, Sobornoe Ulozhenie

УДК 75.052(477.75) +72.684(47)Крым

**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЩЕРНЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРНОГО ЮГО-
ЗАПАДНОГО КРЫМА: А. С. УВАРОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
СКАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ТАВРИКИ**

Могаричев Ю. М.

*Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического образования
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: mogara@rambler.ru*

Целью настоящей работы является публикация рукописи А. С. Уварова, в которой автор излагает свою точку зрения на происхождение пещерных сооружений Таврики. Рукопись хранится в архиве Государственного исторического музея и является частью незавершенного третьего тома «Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря». А. С. Уваров в целом следует в русле гипотезы своего предшественника – Ф. Дюбуа де Монпере. Однако присутствуют и различия. У Дюбуа версия более логичная и исторически достоверная. Создатели крымских пещер – тавры. Тавроскифы появились, когда теснимые сарматами скифы ушли в горы и заняли укрепления тавров. В результате оба народа смешались. У А. С. Уварова в отношении тавров и тавроскифов присутствует путаница, он эти названия считает идентичными.

Ключевые слова: Крым, скальная архитектура, А. С. Уваров, тавры, скифы.

Историография крымской спелеистики [1, с. 33] несколько раз становилась объектом специального исследования. Правда, большинство таких обзоров были посвящены не столько собственно памятникам скальной архитектуры, сколько объектам, на которых они расположены, – «пещерным городам». При этом пещерным сооружениям как наиболее выразительным памятникам в таких очерках традиционно уделялось много места.

Н. Л. Эрнст первую часть объемной публикации «Эски-кермен и пещерные города Крыма» посвятил истории изучения этого городища [2, с. 15–22]. В. И. Равдоникас свою программную статью «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья» начал с подробного историографического очерка [3, с. 5–35]. Историю изучения Мангупского городища проанализировал А. Г. Герцен [4].

Историография непосредственно пещерных сооружений рассматривалась в ряде наших работ [1, с. 11–32; 5, с. 4–15; 6, с. 435–446]¹.

Уже авторами последней трети XVIII в. были предприняты попытки идентифицировать первых строителей искусственных пещер Таврики и, соответственно, найти истоки крымской скальной архитектуры.

Прежде всего необходимо отметить «Крымское ханство» Тунманна, подготовленное еще до включения Крымского полуострова в состав России. Это

¹Небольшие историографические очерки «пещерных городов» опубликованы и иными авторами [см. напр.: 7, с. 163–164; 8, с. 175–178; 9, с. 12–17 и др.].

была первая попытка создать историко-географический обзор Крыма, многие сведения которого не утратили актуальности до наших дней. Тунманн – родоначальник и научного подхода к изучению пещерных сооружений, их исторической интерпретации. Так, в разделе, посвященном Тепе-кермену, автор пишет: «Повсюду в этом утесе виднеются бесчисленные пещеры и гроты, расположенные в особенном порядке, почти как как колумбарии древних; они, вероятно, были также погребальными местами» [10, с. 33].

Вхождение Крымского полуострова в состав Российской империи облегчило доступ сюда как поданных России, так и иностранцев, к тому же правительство поощряло изучение приобретенных земель. Среди приехавших в Крым на жительство и путешественников было много просвещенных и любознательных людей. Естественно, все это стимулировало развитие исследований археологических памятников Крыма, среди которых выделялись «пещерные города».

В 1787 г. Крым должна была посетить Екатерина II. В 1786 г. для нее был составлен путеводитель с указанием достопримечательностей намеченного маршрута. Там в описании Севастопольской гавани можно прочесть: «В самой древности в берегах ее жили тавры, коих жилища и по сие время в крутизне каменных утесов изсеченные, во многих местах еще целы. Они разъезжая по морю встречающиеся им суда разбивали, и на сушие по берегам Черного моря селения нечаянно нападали, а набогаться добычами, в свою гавань убегали яко в место безопасное и неприступное» [11, с. 73–74].

Неизвестно, на чем основывался автор этого труда, приписывая создание скальной архитектуры таврам. Вероятно, эта гипотеза отражала представления русских образованных людей, посетивших Крым сразу после его присоединения к России, многие из которых были хорошо знакомы с античными источниками. При посещении «пещерных городов» их непривычный вид создавал иллюзию седой древности, и естественной реакцией было связать их с таврами, первыми из известных здесь народов. Как известно, по сведениям античных авторов, тавры отличались кровожадностью и первобытностью, а это вполне соответствовало представлению XVIII в. об образе «пещерного» человека.

Важное место в крымской спелеистике конца XVIII в. занимают труды известного ученого К. И. Габлица. В «Физическом описании Таврической области», рассказывая о Бакле, исследователь отмечает: «Гора, (Бакла – Авт.) заслуживающая особливое примечание в рассуждении множества поделанных в ней пещер, служивших древним в сей стране жителям обиталищем» [12, с. 14]. Обращает на себя внимание аргументированная критика гипотезы Тунманна о погребальном характере пещерных сооружений: «В пещерах оных попадаются так же и кости человеческие, однако из этого заключить нельзя, по мнению некоторого писателя, что они только и сделаны были для погребения мертвых: ибо поделанные в них в верху и со входу отверстия служившие вместо окон, и находящиеся тамо разные водохранилища указывают со всем тому противоположное» [12, с. 16].

В другой работе «Географические известия...», написанной в 1787 г., но опубликованной только в 1803 г. [13, с. 1], ученый отождествляет Тепе-кермен,

Эски-кермен, Черкес-кермен (вероятно Кыз-куле) со скифскими крепостями Палакион, Ховун и Неаполис [13, с. 31–32]. Таким образом, К. И. Габлиц отдавал приоритет в создании «пещерных городов» Крыма скифам. Заметим, Мангуп и Инкерман, по Габлицу, были основаны готами [13, с. 33–35].

В 1786 г. в компании П. А. Строганова и А. Н. Воронихина Крым посетил Шарль Жильбер Ромм [14, с. 40–52]. Результатом этой экспедиции стало сочинение «Путешествие в Крым в 1786 году», представляющее не завершённую рукопись и впервые изданное в русском переводе в 1941 г. В разделе об Инкермане Ж. Ромм сформулировал гипотезу, повторённую впоследствии Ю. А. Кулаковским [15, с. 152], о происхождении киевских пещер от подобных сооружений Крыма: «Представляется, если не очевидным, то весьма вероятным, что киевские пещеры сделаны по образцу инкерманских, что эти последние могли в части своей, быть даже делом рук славян, являвшихся тогда подданными греческого государства. ... Варяги пребывая продолжительное время с Владимиром под стенами города (Херсона – Авт.) и, несомненно, укрываясь в этих гротах ... научились таким образом создавать себе без особых затрат убежища» [14, с. 115–116]. В целом, касаясь происхождения крымских пещерных сооружений, он пишет: «Нельзя воздержаться от предположения, что гроты эти — дело рук многочисленного народа мореплавателей, которые живя в стране, лишенной леса принужден был либо строить из камня, либо рыть себе жилища в скалах» [14, с. 117].

Таким образом, уже за первые четыре года нахождения Крыма в составе России пещерные сооружения Юго-Западного Крыма прочно вошли в научную литературу и беллетристику. Происхождение их связывалось с тем или иным народом, некогда жившим в Крыму, – таврами в «Путешествии» Екатерины II, скифами у К. И. Габлица, анонимными мореплавателями у Ж. Ромма. Но у этих гипотез нашлись авторитетные оппоненты.

Иную историографическую традицию по отношению к таврической скальной архитектуре заложил академик П. С. Паллас. 30 октября 1793 г. он приехал в Симферополь, а в марте 1794 г. начал работу по описанию полуострова, которую закончил к 18 июня. 14 сентября того же года отчет о поездке в Крым был представлен Екатерине II [16, с. 16–26]. Впоследствии данный отчет послужил основой для нескольких публикаций его «Путешествий по Крыму» [см.: 17, с. 8]. Академик обладал обширными знаниями в различных областях, в том числе и по истории христианства. Ему было хорошо известно о гонениях христиан, а также о том, что нередко первые монахи селились в естественных и искусственных пещерах. Вероятно, из этих представлений и возникла новая версия происхождения крымских скальных помещений: «пещеры ... это работа монахов во время средневековых императоров или более поздних» [17, с. 50]. При этом монахи эти принадлежали к преследуемой арианской секте, они «удалились в Корсунь, где, не найдя убежища, начали устраивать кельи и созидать часовни во многих местах Крыма в мягком местном известняке; здесь они продолжали обрядность своей монастырской жизни по уставам своей секты с надеждой, быть может, обратить в нее диких обитателей страны» [17, с. 50].

Как видим, к концу XVIII в., на заре изучения скальной архитектуры, возникли две противоположные традиции, красной нитью проходящие через всю дальнейшую историю изучения помещений в скале: первая связывает их с каким-либо из народов, живших в Таврике; другая приписывает пещеры беглым византийским схимникам.

Профессор Кембриджского университета Э. Кларк в 1800 г. совершил поездку по Крыму в сопровождении жившего тогда здесь П. С. Палласа [3, с. 16; 18, с. 159]. Естественно, его представления о местных памятниках во многом повторяют выводы академика [19, с. 169–198].

Следуют палласовской теории: И. М. Муравьев-Апостол в своем «Путешествии по Тавриде» [20, с. 95–189]; киевский митрополит Евгений Болоховитинов в письме к Н. Н. Мурзакевичу [21, с. 384]; английский путешественник Дж. Уэбстер, посетивший полуостров в 1827 г. [22, с. 134], автор путеводителя по Крыму К. Монтандон (1834 г.) [23, с. 70]¹.

Близко к взглядам П. С. Палласа стоят и воззрения митрополита римско-католических церквей в России С. Сестренцевича-Богуша. Описывая сооружения в скале на различных «пещерных городах», в разделе о Качи-кальоне автор пишет: «Кажется, что сии убежища сделаны греческими монахами, упражнявшимися в выкапывании для себя монастырей» [24, с. 34]. Правда, при этом пещеры Тепе-кермена – темницы при генуэзских правителях Крыма [24, с. 33–34].

В 30-е гг. XIX в. по Крыму путешествовал французский маршал Мармон, который посетил Успенский монастырь и определил его как жилище первых христиан [25, с. 207–208]. Аналогичным образом рассматривал происхождение помещений в скале приехавший в 1837 г. в Крым А. Н. Демидов: здесь укрывались от гонений «благочестивые отшельники» [26, с. 149, 160]. О. Шишкина в «Заметках и воспоминаниях русской путешественницы по России» отмечала: «Не вероятнее ли, что и здесь во времена владычества греков ... отшельники изготовляли себе подземные жилища» [27, с. 153].

Однако взгляды П. С. Палласа, несмотря на большое число сторонников, встретили и не меньшие возражения.

Первым в этом ряду необходимо упомянуть П. И. Сумарокова. Его сочинения содержат довольно обстоятельные, но не всегда точные описания «пещерных городов» и, соответственно, внутрискальных помещений, которые дополнены большим количеством гравюр. Критикуя взгляды П. С. Палласа, автор замечает: «Если херсонцы отрицали аррианство, вряд ли бы арриане приехали бы туда; если наоборот, то пришельцам не надо было бы “искать в твердых внутренностях камней себе спасение”». Поэтому П. И. Сумароков приходит к выводу, что создателями крымских пещер, скорее всего, были готы, которые «по необходимости утверждали для себя такие обиталища» [28, с. 215].

В. Броневский в «Обозрении Южного берега Тавриды в 1815 г.» отмечает: «Пещер в Крыму немало, они служили жилищем и защитой от набегов неприятельских» [29, с. 18]. Вторил ему и С. Греллет, оказавшийся в Крыму в

¹ Правда в другом месте он подчеркивает, что пещеры были «местом пристанища разных народов» [23, с. 82].

1819 г. Описывая пещеры Успенского монастыря и Марьям-дере, он сделал вывод: «во времена преследований, а также и гражданских войн, их использовали в качестве убежищ» [30, с. 669].

Генерал Ф. А. Козен предложил новую гипотезу происхождения крымских пещер в статье «Выписка из письма о Троглодитах» [31]. Помещения в скале, по его мнению, высечены доисторическим народом — троглодитами, которые обладали искусством смягчать скалу [Подр. о его гипотезе см.: 32].

Француз Ф. де Сен-Совер, оказавшийся в Крыму в 1836 г., при посещении Тепе-кермана отмечал, что его пещеры «служили жилищами для народов, по очереди вторгавшихся в Крым» [33, с. 105].

В 1839 г. Одесский Альманах опубликовал статью «Развалины Мангупа». Ее автор И. С. Андриевский, основываясь на личных наблюдениях, писал: «Искусство каменной отделки в подземельях, конечно, есть остаток зодчества греческих поселенцев. Ни турки, ни евреи-караимы, никогда не были искусными художниками. Малоазийские греки и ныне считаются в Крыму лучшими каменотесами» [34, с. 544].

Свою лепту в изучение скальной архитектуры Крыма внес и Н. Н. Мурзакевич, пытавшийся примирить сторонников и противников П. С. Палласа. Так, основание Успенского и Инкерманского монастырей он соотносил с «первыми временами христианства» и «привязывал» к легенде о ссылке Климента Римского в Херсон [26, с. 33, 42–43]. Пещеры в Чуфут-кале высекались караимами в период мусульманского господства [26, с. 35], а в Мангупе — его древними обитателями. Причиной их появления здесь была «теснота в жилье». Она «побудила обитателей искать средств к увеличению простора, таким образом изсечен в камне подземный город» [26, с. 37].

Эпохой в крымоведении является выход в свет в 1837 г. «Крымского сборника» П. И. Кеппена. В нем ученый фактически собрал все, что было известно к тому времени об археологических памятниках Горного Крыма. Не обходит вниманием автор и «пещерные города» с их внутрискальными помещениями [35, с. 235–242, 243–290, 301–318, 321–322]. Понимая недостаточную исследованность пещерных сооружений и узость письменных источников, ученый воздерживается от попытки определить их этническую принадлежность и функциональное назначение и лишь при описании пещерной церкви Тепе-кермана отмечает: «Каких трудов стоило изсечь этот дом божий? Каким терпением должны обладать те, которые поставив себе этот памятник...» [35, с. 304].

Знаковым событием для дальнейшего изучения пещерных сооружений Крыма стала публикация в 1843 г. шеститомного «Путешествия по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым» швейцарца Ф. Дюбуа де Монпере. Сведения о «пещерных городах» Таврики составляют вторую половину шестого тома [36; 37]. Автор — человек энциклопедических познаний. Происхождение крымской скальной архитектуры он рассматривал в контексте подобных памятников в других регионах [37, с. 169–271]. Местные помещения в скале, по мнению автора, были созданы таврами — первыми обитателями Крымских гор: «Поскольку эти вырубные сооружения наверняка не могут быть приписаны ни

одному народу после готов – печенегам, хазарам или татарам, то приходится определенно предположить, что первыми их создателями были именно тавры. Разумеется, впоследствии там могли обитать другие народы, сооружавшие церкви» [37, с. 235]. «Невозможно приписывать первые и самые основные пещерные сооружения Крыма какому-либо народу, кроме тавров [37, с. 239].

В вышеприведенном обзоре мы представили основные гипотезы хронологической, этнической и культурной атрибуции скальной архитектуры Крыма, существовавшие в историографии к середине XIX в.

В 1848 г. на Юг России по заданию Комиссии Петербургского археолого-нумизматического общества в научную археологическую поездку отправился тогда еще молодой ученый А. С. Уваров. Научное путешествие осуществлялось в рамках большого проекта «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря». Впоследствии по результатам экспедиции было опубликовано два выпуска трудов: Т. I. СПб., 1851; Т. II. СПб., 1856. Так же был издан том «Собрание карт и рисунков к исследованиям древностях Южной России и берегов Черного моря», СПб., 1853. В основном в указанных публикациях А. С. Уваров представил обзор античных приморских памятников. Им планировался и научный очерк об археологических памятниках Горного Крыма, который должен было войти в третий выпуск (Гл. 4–7) и стать частью четвертой главы «От Днепра до Таврических гор» [38, с. 165–166]. Однако данный труд остался незавершенным и, соответственно, не был опубликован. Рукопись ныне хранится в Отделе письменных источников ГИМа (Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196). Раздел «Жители Таврических гор», составной частью которого является описание «пещерных городов», помещен на л. 18 об – 84. Описание выполнено на листах формата А3, черными чернилами и содержит многочисленные авторские правки, зачеркивания в тексте, пропуски. Таким образом, очевидно, что перед нами рабочий вариант рукописи. В тексте имеется несколько ремарок, написанных красными чернилами, предполагавшими в дальнейшем вставку текста. При этом в рукописи содержится один завершённый (чистовой) раздел, который посвящен именно проблеме происхождения крымских пещерных сооружений (л. 18 об – 26 об). Эта часть рукописи переписана набело и, вероятно, судя по почерку, не самим А. С. Уваровым. При этом сохранился и черновой, авторский текст (л. 27–34 об).

Отметим, что интерес А. С. Уварова к «пещерным городам» не случаен. Алексей Сергеевич был первопроходцем их археологического изучения. В сентябре 1853 г. графом были проведены небольшие раскопки на Мангупе [4, с. 228] и, вероятно, состоялись или планировались подобные работы и на Чуфут-кале [1, с. 22]. В кратком рапорте министру уделов исследователь сообщал, что на Мангупе он «отыскал древние гробницы прежних владельцев этого города». В рапорте также сообщается об исследовании четырех гробниц, которые находились «у развалин древней греческой церкви». Причем три могилы оказались разграбленными, а в четвертой были обнаружены четыре лежащие друг над другом скелета. На верхнем костяке были найдены две проволочные золотые серьги, четыре серебряных пуговицы и остатки золотого шитья. Кроме этого, экспедицией А. С. Уварова были расчищены скальные гробницы на эспланаде цитадели (ученый не указал их

количество), в которых были обнаружены только человеческие кости [39, с. 14; 40, л. 192–193].

Ниже мы публикуем уваровскую версию происхождения пещерных сооружений Юго-Западного Крыма.

Несомненно, что он при составлении данного обзора во многом ориентировался на труд Ф. Дюбуа де Монпере. Разделы, посвященные отдельным «пещерным городам»¹, показывают, что граф внимательно штудировал «Крымский сборник» П. И. Кеппена. Большинство приводимых им сведений, скорее всего, подчеркнуты непосредственно именно из данных произведений. Однако при написании своей работы, получив информацию в публикациях Дюбуа или Кеппена, А. С. Уваров все же лично знакомился с произведениями упоминаемых им древних и современных ему авторов. Например, уваровские цитаты из пророков Иереми и Авдия более полны, нежели имеющиеся в труде Ф. Дюбуа де Монпере. Это же можно сказать и при анализе информации, первоисточником которой выступает Страбон. К аналогичному выводу мы приходим и в отношении работы И. П. Бларамберга.

Предваряя публикацию, заметим, что А. С. Уваров, рассуждая о генезисе скальной архитектуры Крыма, в целом следует в русле гипотезы Ф. Дюбуа де Монпере. Однако налицо и различия. У Дюбуа версия более логичная и исторически достоверная. Создатели крымских пещер – тавры. Теснимые сарматами скифы, около 380 г. до н. э., продвинулись в горы и заняли укрепления тавров. В результате оба народа смешались, соответственно, соединились и их названия. Появились тавроскифы [37, с. 233]. Как нам представляется, а это следует из текста рукописи, у А. С. Уварова в отношении тавров и тавроскифов присутствует определенная путаница. По крайней мере, он эти названия считает идентичными. Интересно, что по мнению А. С. Уварова тавроскифский период предшествовал скифскому (л. 21). Возможно, это объясняется тем, что, как пишет сам граф, он сознательно ушел от анализа сведений античных авторов о таврах и тавроскифах.

«Л.18 об Жители Таврических гор.

Покинув степи и вступив в гористую часть Крыма – **Л. 19** – исследователю представляются памятники совершенно другого рода. Крутые горы изрыты пещерами столь многочисленными, что они в некоторых местностях являются уже не как отдельные жилища, а как цельные города. Тут видны и улицы, и большие пещеры для многочисленных собраний, и отдельные жилища, состоящие из многочисленных пещер. Хотя трудно и почти невозможно определить с достоверностью какому именно народу принадлежали эти пещерные селения на высоте гор, но необходимо упомянуть о народах, обитавших в них в разные времена.

Древнейшие жители Азии поселялись в пещерах. Идумиты или Финикияне, изрыв вершины гор северной части Иорданской долины, основали пещерные города

¹ Уваровские обзоры Тепе-кермена, Эски-кермена и Мангуна подготовлены автором (Мангуна совместно с А.Г. Герценом) к публикации.

Асор и Востра и считали жилища свои неприступными. О гордости их сохранились изречения пророков. Иеремия говорит: “Противление твое прельсти – **Л. 19 об** – ты и гордость сердца твоего, живяй в пещерах каменных и похитити одкреемся верху холма, егда вознесеши, яко орел, гнездо твое, (неразборчиво – Авт.) сверху ты, глаголет Господь и будет Идумея пуста”¹. Авдий восклицает также. “Се глаголет где все Идемеи: слух слышах от где извоствование в странах посла, возстаните да востанем на ня ратию, се мало дах ты странам без чести где еси зело; призор сердца твоего воздвиже ты живущего в пещерах каменных; возвышай храм свой, глаголяй в сердце своем кто мя отвержет на землю, аще вознесешися яко и орели и сотвориши сие гнездо средь звезд? И отсеши сверх ты, глаголет Где”².

Все страны, которые служили, так сказать, колыбелью для истории древнейших времен, имеют пещеры, так, например: Индия, Персия, Египет, Нубия, Абиссиния, Аравия, Финикия, Палестина, Грузия, Колхида, Армения и, наконец, Кавказ. – **Л. 20** – Азиатские народы, наводнив Европу, принесли с собою и искусство рыть пещеры и учреждать целые нагорные города. Оттого встречаются пещеры и во Тавриде, и в Греции, и в Сицилии, и на островах Средиземного моря, и в Италии³. Заметим, что древнейшая история и памятники упоминают о пещерах и о народах, живших в пещерах, не следует заключать, что пещеры Крыма принадлежат к этим древнейшим библейским временам. Я совершенно на этом разделяю мнение господина Нейманна⁴, который не допускает, что Крымские пещеры относятся единственно к тем временам, потому что легкая обработка известковых скал, наверно, подала всякому народу мысль обеспечить себя и свое имущество вырытием жилищ на высоте неприступной горы. Но это мнение Нейманна не опровергает возможности приписать – **Л. 20 об** – происхождение этих пещер тем народам, которые, по словам древних писателей, населяли гористую часть Тавриды и по преимуществу самые вершины гор. А эти народы были Тавро-Скифы.

Не разбирая здесь сказаний древних о Тавро-Скифах и не стараясь, на основании этих скудных данных, определить, какого они были происхождения, для нас важно только единогласное свидетельство всех писателей, что Тавро-Скифы обитали на горах Тавриды.

Зная неоспоримо имя одного из древнейших жителей Таврических гор, мы можем сказать, что если и не они начали рыть пещеры, то, по крайней мере, ими пользовались и, вероятно, принаровляли их к домашнему быту, и, где нужно, высекали новые, более удобные пещеры.

Напрасно Дюбуа старался отыскивать – **Л. 21** – в Крымских пещерах резкие следы самих первых жителей. В этих пещерах слишком много было постепенных обитателей, чтобы не уничтожить эти первобытные следы. Мы увидим впоследствии, как всякий почти народ, поселяясь на том же месте, где жили его предшественники, оставлял признаки своего пребывания. Признаки эти, хотя в

¹ Иер. 49, 16. Ср. с цитатой, приводимой Ф. Дюбуа де Монпере [37, с. 270].

² Авд. 1–4. Ср. с цитатой, приводимой Ф. Дюбуа де Монпере [37, с. 270].

³ Ср. с подобным историческим очерком Ф. Дюбуа де Монпере [37, с. 269–271]. Вероятно, А. С. Уваров в этой части ориентировался именно на труд швейцарца.

⁴ Нам не удалось идентифицировать «господина Нейманна». Среди исследователей «пещерных городов» такой автор нам не известен.

некоторых местностях действительно и доныне представляют известную постепенность, но большею частью слились вместе, или уничтожили друг друга. Христианские следы покрыли все прочее и теперь весьма трудно, даже иногда невозможно, отделить признаки Христианского времени от Скифского, не говоря уже о Тавро-Скифах.

Древние называли Малою Скифиею все пространство от Борисфена до Таврических гор и самую гористую часть Тавриды от Гераклийского полуострова до Феодосии, населенную народами – **Л 21 об.** – свободными, известными под именем Тавров. По Плинию Тавры подразделялись на 30 племен, из которых древние писатели сохранили нам следующие названия: Аринии, Синой, Напай, Токсии или Токсиане и Сатархи. Сатархи жили, вероятно, у восточной оконечности Таврических гор, на берегу Гнилого и Азовского моря¹. Об них Помпоний Мела прямо говорит, что они жили в пещерах или в ямах, вырытых в земле².

Скилур, Царь Тавро-Скифов. Тавры, или Тавро-Скифы, владевшие самостоятельно степною и внутреннею гористою частью Тавриды, в особенности прославились своим могуществом при царе своем Скилуре, лет 80 до Р. Х. Страбон сохранил нам об нем хотя и скудные, но любопытные сведения³. Тавро-Скифское государство, усилившись, начало распространять свои владения. – **Л. 22** – На западе они нападали на Херсонитские пределы, на востоке – на Боспорское царство. Херсонис и Боспор не могли устоять против царя Скилура, и оба государства обратились за помощью к Митридату VI Евпатору. Митридат, который давно уже желал покорить страны, лежащие на севере от Таврического перешейка до Борисфена и даже до Адриатического моря, чтобы открыть себе свободный путь против Рима, с радостью согласился на просьбу Херсониса и Боспора.

Между тем, и Скилур приготовился к войне. Сыновья его, Палак с братьями (по словам Посидония их было 50, а по словам Аполлония – 80), предводительствовали войсками. При этом Страбон замечает, что Скилур и сыновья его устроили крепости для защиты от Митридатových полководцев. Не состояли ли эти крепости в простом обнесении стенами нагорных поселений Тавро- – **Л. 22 об** – Скифов? Самыми примечательными были, вероятно, Палакион, Хавон и Неаполис.

Скилур мог ожидать с трех сторон нападения Митридатových войск: с севера через степи, с запада из Херсонеса и с востока, из Феодосии. На севере неприятель мог пройти только через Симферопольское ущелье, оттого главнейшее укрепление должно было находиться тут. Находки, сделанные в окрестностях Салгира, подтвердили это мнение. Тут лежал Неаполис⁴. Палакион и Хавон должны были

¹ Имеется в виду «Естественная история» Плиния Старшего (IV, 85). [См.: 41, с. 173].

² Имеется в виду «Хорография» Помпония Мелы (II, 10-11). [См.: 41, с. 55].

³ См. Страбон География. Кн. VII (IV, 3-8). [См.: 42, с. 282-312].

⁴ Как видим, А. С. Уваров присоединяется к впервые высказанной И. П. Бларамбергом, поддержанной Ф. Дюбуа де Монпере, и наиболее популярной в настоящее время гипотезе, что Неаполь Скифский находился на территории Симферополя (Керменчик) [См. напр.: 43, с. 14-21]. Это нашло отражение и в публикациях Уварова. Отметим, что в 1853 г. граф проводил на Неаполе археологические исследования [43, с. 15]

находиться на западе и на востоке от Неаполиса, дабы защитить это место, которое по положению своему было включено во владычество Малой Скифии.

Доселе еще археология не могла положительно указать на положение этих двух крепостей, но мне кажется, что следует согласиться с предположениями Бларамберга¹. Он утверждает единство Палакиона и Балаклавы, во-первых, на созвучие названий. Паллас и Милетий уже говорят, что Балаклава происходит от Палакиона. – **Л. 23** – Некоторые писатели опровергали это мнение на том только основании, что Страбон, при описании гавани Символон, ни слова не говорит о крепости Палакион. Но мы знаем, из этого же писателя, что владения Тавро-Скифов простирались до этой гавани и что они отселе нападали на проезжающих и на земли, подвластные Херсонису. Генуэзское поселение², существовавшее так долго на одном и том же месте, совершенно изгладило следы Тавро-Скифской крепости.

Мы также знаем из Страбона, что на востоке владения Тавро-Скифов простирались до Феодосии, которая служила границей между ними и Боспорским царством. Следовательно, крепость Хавон, вероятно, лежала на этой восточной оконечности Тавро-Скифских владений, на западе от Феодосии. На этом основании можно согласиться с мнением Бларамберга, и в развалинах близ Отузы видеть следы Хавона. Сверх этого, он – **Л. 23 об** – подтверждает свое мнение еще тем, что Константин Багрянородный говорит о двух битвах IV столетия³, бывших на месте, прозываемом Кафа, которого не следует смешивать с новейшим именем древней Феодосии. Бларамберг думает, что Кафа происходит от Хавон.

Эти три крепости, несомненно, существовали уже прежде, а теперь, по случаю войны с Митридатом, обращены Скилуrom в сборные места для войск. Сверх того, Палак получил вспомоществование от Роксоланов, живущих на севере от Тавриды. Они прислали ему полководца своего Мазия с 50000 воинами. Вооруженные шлемом и броней, сделанными из кожи. В руках имеют копья, мечи и луки. Они известны были храбростью, но не могли устоять против хорошо вооруженных и хорошо обученных воинов Диофанта. С 6000 разбил он совершенно Роксоланов. Между тем, другой полководец Митридата Неоптолем разбил дважды Тавро-Скифов, сначала летом в морском сражении – **Л. 24** – в Боспорском проливе, потом в другой раз зимою разбил он их конницу на том же, но замерзшем проливе. Судя по времени года, в котором происходили эти две битвы, видно, что война со Скилуrom продолжалась довольно долго. На востоке, со стороны Боспора, действовал Неоптолем, с запада, со стороны Херсониса – Диофант. Наконец, последняя битва происходила у стены, выстроенной Херсонцами поперек Гераклийского полуострова от Ктенуса до Балаклавы. Тут Тавро-Скифы совершенно были разбиты, сам Скилур с сыновьями попался в плен. Владения Тавров покорились Митридату и, вероятно, сами поселения превращены в

¹Брошюра И. П. Бларамберга была опубликована в Одессе в 1831 г. на французском языке. На русском языке она была издана в 7-м выпуске «Известий Таврической ученой архивной комиссии» [44].

² Имеется в виду крепость Чембало.

³ Имеется в виду «Повествование о крепости Херсон» из трактата «Об управлении империей» [45, с. 254–257].

греческие города¹. С этого времени до самой своей смерти (64 г. до Р. Х.) Митридат боролся с Римлянами и, наконец, пал пред их владычеством. Пещеры таврические, опустевшие от изгнания Тавро-Скифов, получают скоро новых обитателей, коих следы неизгладимо – **Л. 24 об.** – и резко кидаются в глаза.

Гонения на христиан. С первого гонения на Христиан при императоре Нероне (IX или X года его царствования) начинается распространение их по всей земле. Они бегут от мучений и скрываются в пещерах. Не одну жизнь свою спасают они, скрываясь на высоте гор, в пещерах, но спасают свободу совершения обрядов веры.

По словам позднейших уже писателей, Св. Апостол Андрей, переплыв из Синапа в Херсонес отправился потом проповедовать христианство народам не только Тавро-Скифии, но и большой Скифии². Во многих местах его проповедь нашла отголосок в сердцах этих необразованных племен, но во многих также местах ему пришлось терпеть от упорства язычников.

Те христиане, которые не успевали во время гонений спастись бегством, испытывали все жестокость императорских приказов. Одних казнили, других ссылали – **Л. 25** – в отдаленные части Империи. Вероятно, что Херсонес и Таврида служили местами ссылки. Исторические данные подтверждают слова.

Во-первых, Св. Климент сослан в Херсонес³, во-вторых, при приезде своем он встретил тут более двух тысяч христиан, которых в наказание заставляли тесать и обрабатывать камень. Из жития Св. Климента мы узнаем, что в самом Херсонесе были гонения на Христиан, гонения, принуждавшие их спасаться в пещерах Таврических гор. Следовательно, можно несомненно отнести к первому столетию по Р. Х. распространение Христиан по Таврическому полуострову⁴.

При описании отдельных местностей мы покажем каким образом гонимые Христиане спасались в пещеры Тавро-Скифов; тут они тайно исправляли свои обряды и до тех пор довольствовались храмами, высеченными в скалах, пока вера Христианская не получила – **Л. 25 об.** – покровительства от самого византийского императора.

В половине IV столетия учреждается епархия в Херсонесе⁵, но во внутренности Крыма управление христианскими общинами приняло правильную и законную форму только позднее. Соппротивление, встречаемое со стороны язычников в самом Херсонесе при всех усилиях правительства, должно выказываться гораздо сильнее в отдалении от города. Кроме того, Готы, переселившиеся с Балтийского поморья в пределы Черноморские к концу II века (около 180–215), наводнили почти всю

¹ Сравните с подобным историческим очерком Ф. Дюбуа де Монпере [37, с. 232–233, 244].

² О традиции связывать проповедь Андрея Первозванного с Крымом [См.: 46; 47; 48, с. 46–59].

³ Скорее всего, версия о ссылке Климента Римского в Херсонес имеет в большей степени легендарный характер, нежели отражает исторические реалии [48, с. 60–92; 49; 50].

⁴ В свете современных научных представлений: первые христиане появляются в Крыму, на Боспоре и в Херсоне, не ранее конца III – начала IV вв. В течение IV в. там образуются христианские общины, которые постепенно, особенно с конца IV – начала V вв., становятся все более многочисленными, а о полной победе христианства можно говорить только по отношению к VI в. [См. подр.: 48, с. 5–11].

⁵ Вероятно, в источниках первое упоминание о Херсонской епархии относится к 381 г. [51, с. 355–356].

Тавриду, по преимуществу внутренность самого полуострова¹. В IV столетии король Готов Атанарих начал преследовать своих подданных за приверженность к Христианству. Три гонения 370, 371 и 372 года прославились жестокостью. Эти гонения имели без сомнения, сильный отголосок и в Тавриде². Христиане, уже почти не скрывавшиеся более – **Л. 26** – в пещерах, снова принуждены искать убежище в недрах гор. Прокопий ясно нам говорит, что по удалении Феодориха в Италию многие Готы не последовали за ним и остались в Крыму в приморской области Дора (около 488 г. по Р. Х.)³.

В следующем столетии (VI в.) видим мы замечательное происшествие: Христианская епархия, основанная в V веках в Готии, за Дунаем, переносится в Тавриду и Дори делается местопребыванием Готского епископа⁴. С этого только времени Христианство перестает скрываться в пещерах и основывает опять храмы, коих следы отчасти дошли и до нас.

Из вышесказанного можно теперь заключить, что в I столетии по Р. Х. пещеры Таврические населяются Христианами, спасающимися от гонений. В продолжении почти 6 веков они принуждены в этих же пещерах иметь свои церкви и могут только – **Л. 26 об.** – тайно исполнять богослужения. С перенесением епархии в Дори начинается свободное, открытое исповедование христианства, но связанные преданиями с пещерными церквами, они не только не покидают их, но продолжают даже украшать. Фрески и изваяния служат нам подтверждением этого мнения».

Список использованных источников и литературы

1. Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) / Ю. М. Могаричев // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 5–132.
Mogarichev Yu. M. Peshchernye sooruzheniya srednevekovykh gorodishch Yugo-Zapadnogo Kryma (voprosy klassifikatsii, khronologii, interpretatsii) / Yu. M. Mogarichev // Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol': Tavriya, 1992. – S. 5–132.
2. Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма / Н. Л. Эрнст // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – Симферополь, 1929. – Т. 3 (60). – С. 15–43.
Ernst N. L. Eski-Kermen i peshchernye goroda Kryma / N. L. Ernst // Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii. – Simferopol', 1929. – T. 3 (60). – S. 15–43.

¹ О начальной истории готов в Крыму [См.: 52; 53, с. 218–228; 54, с. 420–470 и др.].

² Источники, подтверждающие такое мнение, отсутствуют.

³ А. С. Уваров руководствуется известным пассажем из произведения Прокопия Кесарийского «О постройках (III, 13–17): «13. Здесь же, на этом побережье есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз когда императору было это угодно. 14. Они достигают численностью населения до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны; гостеприимны они больше всех людей. 15. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. ...» [Цит. по: 55, с. 223–225].

⁴ Это ошибочное мнение, достаточно распространенное в историографии XIX в. В свете современных научных представлений Готская епархия в Крыму возникает, вероятно, в конце VIII – начале IX вв. До этого местные христиане входили в паству епископов Херсона [56; 57, с. 349; 58, с. 177–182; и др.].

3. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья / В. И. Равдоникас // Известия государственной академии истории материальной культуры. Готский сборник / Отв. ред. В. И. Равдоникас. – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 5–106.

Ravdonikas V. I. Peshchernye goroda Kryma i gotskaya problema v svyazi so stadial'nym razvitiem Severnogo Prichernomor'ya / V. I. Ravdonikas // Izvestiya gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury. Gotskiy sbornik / Otv. red. V. I. Ravdonikas. – L., 1932. – T. 12. – Vyp. 1–8. – S. 5–106.

4. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) / А. Г. Герцен. // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Антиква, 2008. – С. 212–256.

Gertsen A.G. Mangup glazami issledovatelej i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX v.) / A. G. Gertsen. // Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol': Antikva, 2008. – S. 212–256.

5. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму / Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Сонат, 2005. – 192 с.

Mogarichev Yu. M. «Peshchernye goroda» v Krymu / Yu. M. Mogarichev. – Simferopol': Sonat, 2005. – 192 s.

6. Герцен А. Г. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Средневековый Херсон X–XI вв. Русский исторический сборник. – М.: Киммерийский центр, 2014. – Вып. 8. – С. 435–484.

Gertsen A.G. Herson i ego okruga v konce X – XI vv. «Peshchernye goroda» / A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarichev // Srednevekovyj Herson X – XI vv. Russkij istoricheskij sbornik. – M.: Kimmerijskij centr, 2014. – Vyp. 8. – S. 435–484.

7. Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма / Е. В. Веймарн // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 163–168.

Vejmarn E.V. «Peshchernye goroda» Kryma / E.V. Vejmarn // Problemy istorii «peshchernyh gorodov» v Krymu / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol': Tavriya, 1992. – S. 163–168

8. Воронин Ю. С. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма / Ю. С. Воронин, В. Н. Даниленко // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1992. – С. 169–182.

Voronin Yu. S. Obstoitel'stva i vremya vozniknoveniya peshchernykh monastyrey Kryma / Yu. S. Voronin, V. N. Danilenko // Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu / Red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Tavriya, 1992. – S. 169–182.

9. Чореф М. Я. «Пещерный» монастырь у Южных ворот Чуфут-Кале. / М. Я. Чореф, К. С. Чореф, М. М. Чореф. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Supplement 2. – Тюмень; Нижневартовск, 2016. – 74 с.

Choref M.Ya. «Peshchernyj» monastyr' u Yuzhnyh vorot Chufut-Kale. / M.Ya. Choref, K.S. Choref, M.M.Choref. Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Supplement 2. – Tyumen'; Nizhnevartovsk, 2016. – 74 s.

10. Тунманн. Крымское ханство / Пер. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской, прим. Н. Л. Эрнста / Тунманн. – Симферополь: Таврия, 1991. – 94 с.

Tunmann. Krymskoe khanstvo / Per. N. L. Ernsta i S. L. Belyavskoy, prim. N. L. Ernsta / Tunmann. – Simferopol': Tavriya, 1991. – 94 s.

11. Путешествие ее императорского величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 г. – СПб. 1786. – 149 с.

Puteshestvie ee imperatorskogo velichestva v poludennyj kraj Rossii predpriemlemoe v 1787 g. - SPb. 1786. – 149 s.

12. Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области по ее местоположению и всем трем царствам природы / К. И. Габлиц. – СПб., 1785. – 108 с.

Gablic K.I. Fizicheskoe opisanie Tavricheskoy oblasti po ee mestopolozheniyu i vsem trem carstvam prirody / K.I. Gablic. – SPb., 1785. – 108 s.

13. Габлиц К. И. Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии из разных древних и средних времен писателей / К. И. Габлиц. – СПб.: Типогр. Медицинской коллегии, 1803. – 52 с.

Gablic K. I Geograficheskie izvestiya sluzhashchie k ob'yasneniyu prezhnego sostoyaniya nyneshnej Tavricheskoj gubernii iz raznyh drevnih i srednih vremen pisatelej / K.I. Gablic. – SPb.: Tipogr. Medicinskoj kollegii, 1803. – 52 s.

14. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Шарль Жильбер Ромм «Путешествие в Крым в 1786 году» / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова. – Симферополь: Бизнес-Информ. – 168 с.

Petrova E.B., Prohorova T.A. Sharl' Zhil'ber Romm «Puteshestvie v Krym v 1786 godu» / E.B. Petrova, T.A. Prohorova. – Simferopol': Biznes-Inform. – 168 s.

15. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды / Ю. А. Кулаковский. – Киев: Стило, 2002. – 226 с.

Kulakovskij Yu.A. Proshloe Tavridy / Yu.A. Kulakovskij. – Kiev: Stilos, 2002. – 226 s.

16. Маркевич А. И. Академик П. С. Паллас. Его жизнь и пребывание в Крыму и ученые труды / А. И. Маркевич. – Симферополь, 1912. – 76 с.

Markevich A.I. Akademik P.S. Pallas. Ego zhizn' i prebyvanie v Krymu i uchenye trudy / A. I. Markevich. – Simferopol', 1912. – 76 s.

17. Петр Симон Паллас Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. – М.: Наука, 1999. – 246 с.

Petr Simon Pallas Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah. – M.: Nauka, 1999. – 246 s.

18. Храпунов Н. И. Бахчисарай и его памятники глазами Эдварда-Даньела Кларка / Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. – Симферополь: КФУ, 2016. – С. 156–189.

Hrapunov N. I. Bahchisaraj i ego pamyatniki glazami Ehdvarda-Dan'ela Klarka / N. I. Hrapunov, N. V. Gin'kut // Materialy k istorii Prichernomor'ya v Novoe vremya. – Simferopol': KFU, 2016. – S. 156–189.

19. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. / E. D. Clarke. – Vol. 2. – London: T. Cadell and W. Davies, 1817. – 524 p.

20. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб., 1823. – 337 с.

Murav'ev-Apostol I.M. Puteshestvie po Tavride v 1820 g. / I. M. Murav'ev-Apostol. – SPb., 1823. – 337 s.

21. Письма Высокоприсвященного Евгения митрополита Киевского Н. Н. Мурзакевичу / Е. Болховитинов // Киевские епархиальные ведомости. – 1868. – № 10. – С. 377–392.

Pis'ma Vysokopriosvyashchennogo Evgeniya mitropolita Kievskogo N.N. Murzakevichu / E. Bolhovitinov // Kievskie eparhial'nye vedomosti. – Kiev, 1868. – № 10. – S. 377–392.

22. Дж. Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году. / Пер. Т. Прохоровой, О. Широкова. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. – 324 с.

Dzh. Uehbster i ego voyazh po Krymu v 1827 godu. / Per. T. Prohorovoj, O. Shirokova. – Simferopol': Biznes-Inform, 2016. – 324 s.

23. Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму / К. Монтандон. – Симферополь: Крымский архив, 1997. – 132 с.

Montandon K. Putevoditel' puteshestvennika po Krymu / K. Montandon. – Simferopol': Krymskij arhiv, 1997. – 132 s.

24. Сестренцевич-Богущ С. История царства Херсонеса Таврийского. Т. 1. История о Таврии / С. Сестренцевич-Богущ. – СПб.: Тип. Шнора, 1806. – 444 с.

Sestrencevich-Bogush S. Istoriya carstva Hersonesa Tavrijskogo. T. 1. Istoriya o Tavrii / S. Sestrencevich-Bogush. – SPb.: Tip. Shnora, 1806. – 444 s.

25. Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет / Мармон. – М., 1840. – Т. 1. – 264 с.

Puteshestvie marshala Marmona, gercoga Raguzskogo v Vengriyu, Transil'vaniyu, Yuzhnuyu Rossiyu, po Krymu i beregam Azovskogo morya, v Konstantinopol', nekotorye chasti Maloj Azii, Siriyu, Palestinu i Egipet / Marmon. – M., 1840. – T. 1. – 264 s.

26. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова. – Симферополь: Бизнес-Информ. – 328 с.

Petrova E.B., Prohorova T. A. Krymskie puteshestviya: N.N. Murzakevich, A.N. Demidov / E.B. Petrova, T. A. Prohorova. – Simferopol': Biznes-Inform. – 328 s.

27. Шишкина О. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. / О. Шишкина. – СПб., 1848. – 307 с.
Shishkina O. Zametki i vospominaniya russkoj puteshestvennicy po Rossii v 1845 g. / O. Shishkina. – SPb., 1848. – 307 s.
28. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду / П. Сумароков. – СПб., 1805. – Ч. 2. – 224 с.
Sumarokov P. Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu / P. Sumarokov. – SPb., 1805. – Ch. 2. – 224 s.
29. Броневский В. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 г. / В. Броневский. – Тула, 1822. – 192 с.
Bronevskij V. Obozrenie Yuzhnogo berega Tavridy v 1815 g. / V. Bronevskij. – Tula, 1822. – 192 s.
30. Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2009. – Т. 15. – С. 656 – 681.
Hrapunov N. I. Puteshestvie po Krymu Stivena Grelleta / N.I. Hrapunov // Materialy po arheologii, istorii i ehtnografii Tavrii. - Simferopol', 2009. - T. XV. - С. 656 – 681.
31. Козен Ф. А. Выписка из письма о Троглодитах / Ф. А. Козен // Журнал путей сообщения. – 1828. – Кн. 12. – С. 13–48.
Kozen F. A. Vypiska iz pis'ma o Trogloditakh / F. A. Kozen // Zhurnal Putey Soobshcheniya. – 1828. – Kn. 12. – S. 13–48.
32. Могаричев Ю. М. О бедном Козене замолвите слово: к истории изучения скальной архитектуры Горного Крыма / Ю. М. Могаричев // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2016. – Т. 2 (68). – № 1. – С. 149–164.
Mogarichev Yu.M. O bednom Kozene zamolvite slovo: k istorii izucheniya skal'noj arhitektury Gornogo Kryma / Yu.M. Mogarichev // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «istoriya. Istoricheskie nauki». – Simferopol', 2016. – T. 2 (68). – № 1. – S. 149 – 164.
33. Прохорова Т. А. Крымские древности в произведениях малоизвестных путешественников первой половины XIX в. (на примере путевых заметок Ж. де Сен-Совера) / Т. А. Прохорова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Севастополь – Тюмень, 2012. – Вып. IV. – С. 103–108.
Prohorova T. A. Krymskie drevnosti v proizvedeniyah maloizvestnykh puteshestvennikov pervoj poloviny XIX v. (na primere putevykh zametok Zh. de Sen-Sovera) / T.A. Prohorova // Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. - Sevastopol'-Tyumen', 2012. - Vyp. IV. – S. 103–108.
34. Андриевский И. С. Развалины Мангупа / И. С. Андриевский // Одесский Альманах на 1840 г. – Одесса, 1839. – С. 535–564.
Andrievskij I.S. Razvaliny Mangupa/ I.S. Andrievskij // Odesskij Al'manah na 1840 g. - Odessa, 1839.– S. 535-564.
35. Кеппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / П. И. Кеппен. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1837. – 308 с.
Keppen P. I. Krymskiy sbornik. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh / P. I. Keppen. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1837. – 308 s.
36. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abhkases, en Colchida en Georgie en Armenia et en Crimee. – Paris, 1843. – V. 6. – 461 p.
37. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым. Пер. Т. М. Фадеевой / Фредерик Дюбуа де Монпере. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
Dyubua de Monpere F. Puteshestvie v Krym. Per. T.M. Fadeevoj. / Frederik Dyubua de Monpere. – Simferopol': Biznes-Inform, 2009. – 328 s.
38. Тункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х – начало 1850-х гг.) // Погибшие святыни: Охраняется государством: Четвертая Российская научно-практическая конференция. – СПб., 1996. – С. 163–181.
Tunkina I. V. A. S. Uvarov i drevnosti Yuzhnoj Rossii (konec 1840-h – nachalo 1850-h gg.) // Pogibshie svyatyni. Ohranyaetsya gosudarstvom. Chetvertaya Rossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. – SPb., 1996. – S. 163–181.

39. Уваров А. С. Рапорт министру уделов / А. С. Уваров // Материалы для биографии и статьи по теории археологии. – СПб., 1910. – Т. 3. – 386 с.
- Uvarov A.S. Raport ministru udelov / A. S. Uvarov // Materialy dlya biografii i stat'i po teorii arheologii. – SPb., 1910. – T. 3. – 386 s.
40. Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма / Н. И. Репников. – Архив ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 10.
- Repnikov N. I. Materialy k arheologicheskoy karte Yugo-Zapadnogo nagor'ya Kryma / N.I. Repnikov. – Arhiv IIMK RAN. F. 10. D. 10.
41. Подосинов А. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший / А. В. Подосинов, М. В. Скржинская. – М.: Индрик, 2010. – 506 с.
- Podosinov A.V., Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponij Mela i Plinij Starshij / A.V. Podosinova, M. V. Skrzhinskaya. – M.: Indrik, 2010. – 506 s.
42. Страбон. География: в 17 кн. / Пер. Г. А. Стратоновского. – М.: Ладомир, 1994. – 944 с.
- Strabon. Geografiya: v 17 kn. / Per. G. A. Stratonovskogo. M.: Ladomir, 1994. – 944 s.
43. Высотская Т. Н. Неаполь – столица государства поздних скифов / Т. Н. Высотская. – Киев: Наукова думка, 1979. – 208 с.
- Vysotskaya T. N. Neapol' – stolica gosudarstva pozdnh skifov / T. N. Vysotskaya. – Kiev: Naukova dumka, 1979. – 208 s.
44. Бларамберг И. П. О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбоном / И. П. Бларамберг // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1889. – С. 56–69.
- Blaramberg I. P. O polozhenii trekh Tavro-Skifskih krepostej, upominaemyh Strabonom / I. P. Blaramberg // Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii. – Simferopol', 1889. – S. 56 – 69.
45. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный. – М.: Наука, 1989. – 496 с.
- Konstantin Bagryanorodnyj Ob upravlenii imperiej / Konstantin Bagryanorodnyj. – M.: Nauka, 1989. – 496 s.
46. Виноградов А. Ю. Апостол Андрей и Черное море: Проблема источниковедения / А. Ю. Виноградов // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. – М., 1999. – С. 348–367.
- Vinogradov A.Yu. Apostol Andrej i Chernoe more: Problema istochnikovedeniya / A.Yu. Vinogradov // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy 1996 - 1997. – M., 1999. – S. 348–367
47. Виноградов А. Ю. Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1 / А. Ю. Виноградов. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. – 158 с.
- Vinogradov A. Yu. Grecheskie predaniya o sv. apostole Andree. T. 1 / A.Yu. Vinogradov. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un.-ta, 2005. – 158 s
48. Могаричев Ю. М. Православные святые средневековой Тавриды. Издание второе, исправленное и дополненное / Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. – 256 с.
- Mogarichev Yu. M. Pravoslavnye svyatyte srednevekovoj Tavridy. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe / Yu. M. Mogarichev. – Simferopol': Biznes-Inform, 2017. – 256 s.
49. Уханова Е. В. Культ св. Климента, папы Римского в истории византийской и древнерусской церкви IX – 1-й половины XI в. / Е. В. Уханова // Aion Slavistica. 5. – Napoli, 1997–1998. – С. 505–570.
- Uhanova E.V. Kul't sv. Klimenta, papy Rimskogo v istorii vizantijskoj i drevnerusskoj cerkvi IX – 1 poloviny XI v. / E. V. Uhanova // Aion Slavistica. 5. – Napoli, 1997 – 1998. – S. 505–570.
50. Уханова Е. В. Обретение мощей Св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. / Е. В. Уханова // Византийский Временник. – 2000. – Т. 59. – С. 116–128.
- Uhanova E. V. Obretenie moshchej Sv. Klimenta, papy Rimskogo, v kontekste vneshnej i vnutrennej politiki Vizantii serediny IX v. / E.V. Uhanova // Vizantijskij Vremennik. – 2000. – T. 59. – S. 116–128
51. Могаричев Ю. М. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, Т. Э. Саргсян, С. Б. Сорочан, А. К. Шапошников // Нартекс. Byzantine Ukrainensis. – Харьков, 2012. – Т. 1. – 416 с.
- Mogarichev Yu. M. Zhitiya episkopov Khersonskikh v kontekste istorii Khersonesa Tavricheskogo / Yu. M. Mogarichev, A. V. Sazanov, T. E. Sargsyan, S. B. Sorochan, A. K. Shaposhnikov // Narteks. Byzantine Ukrainensis. – Khar'kov, 2012. – T. 1. – 416 s.

52. Айбабин А. И. Крым в середине III – начале VI века (период миграций) / А. И. Айбабин // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. – М.: Наука, 2003. – С. 10–26.
- Ajbabin A. I. Krym v seredine III – nachale VI veka (period migracij) / A. I. Ajbabin // Krym, Severo-Vostочное Prichernomor'e i Zakavkaz'e v ehpoхu srednevekov'ya. IV – XIII veka. – М.: Nauka, 2003. – S. 10–26.
53. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма / И. Н. Храпунов. – Симферополь: Доля, 2005. Храпунов I. N. Drevnyaya istoriya Kryma / I.N. Hrapunov. – Simferopol': Dolya, 2005.
54. Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура М. Б. Щукин. – СПб.: Филолог. Факультет СПбГУ, 2005. – 576 с.
- Schukin M. B. Gotskij put'. Goty, Rim i chernyahovskaya kul'tura M.B. Shchukin. – SPb.: Filolog. Fakul'tet SPbGU, 2005. – 576 s.
55. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / Прокопий Кесарийский. – М.: Аргос, 1996. – 302 с.
- Prokopij Kesarijskij. Vojna s gotami. O postrojках / Prokopij Kesarijskij. – М.: Argos, 1996. – 302 s.
56. Герцен А. Г. К вопросу о церковной истории Таврики / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Античная древность и средние века. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1999. Вып. 30. – С. 93–115.
- Gertsen A. G. K voprosu o cerkovnoj istorii Tavriki / A.G. Gertsen, Yu.M. Mogarichev // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj universitet, 1999. Vyp. 30. – S. 93 – 115.
57. Могаричев Ю. М. Крым и Нижнедунайский регион: проблема локализации позднеантичных и раннесредневековых историко-географических областей в российской, советской и украинской историографии / Ю. М. Могаричев // Преслав Сборник. – Велико Търново: Фабер, 2013. – Т. 7. – С. 337–353.
- Mogarichev Yu. M. Krym i Nizhnedunajskij region: problema lokalizacii pozdneantichnyh i rannesrednevekovyh istoriko-geograficheskikh oblastej v rossijskoj, sovetsoj i ukrainskoj istoriografii / Yu. M. Mogarichev // Preslav Sbornik. – Veliko T'rnovo: Faber, 2013. – T. 7. – S. 337–353.
58. Могаричев Ю. М. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода» / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, А. К. Шапошников. – Симферополь: Антика, 2007. – 346 с.
- Mogarichev Yu.M. Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «hazarskogo perioda» / Yu. M. Mogarichev, A. V. Sazanov, A. K. Shaposhnikov - Simferopol': Antikva, 2007. – 346 s.

Mogarichev Y. M. On history of researching mountain south-west Crimea: A.S. Uvarov on origin of Taurida's cliff architecture

The purpose of actual work is publication of A.S. Uvarov's manuscript where the author state his views on origin of cave constrictions of Taurica. The Manuscript is stored in archive of State Historical Museum and constitutes part of unfinished third volume of "Researches of antiquities of Southern Russia and Black Sea coasts". A.S. Uvarov in general goes along the lines of his ancestor- F. Dubois de Montpèreux, but there were also contradictions. His version is more logical structured and historical reliable. The constructors of Crimean caves were Tauri. Tauroscytae appeared when Scythians that was persecuted by Sarmathians escaped to the mountains, seized Tauri fortifications, and in the result mixed with Tauri. A.S. Uvarov confused Tauri and Tauroscytae and he considers them as identical

Keywords: Crimea, Cliff Architecture, A. S. Uvarov, Tauri, Scythians

УДК (015:902:908)(47)Крым; ГРИНЕВИЧ

**«Я СОБИРАЮСЬ ПРИВАТ-ДОЦЕНТСТВОВАТЬ
В ТАВРИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ»:**

К. Э. ГРИНЕВИЧ В КРЫМУ (1919–1921)

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

На основе малоизвестных архивных источников (материалов научных архивов музеев-заповедников: Херсонес Таврический и Восточно-Крымский), а также неизвестных ранее статей из местной периодической печати революционных лет восстановлен насыщенный событиями керченский период жизни одного из крупнейших крымоведов советской эпохи, видного музейного работника всесоюзного масштаба Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970). Вынужденно отлученный от столицы перипетиями фронтов гражданского противостояния, доцент Петроградского университета Гриневич, прожив год в Харькове, обратился к коллеге – директору Музея и раскопок в Херсонесе Л. А. Моисееву с просьбой о возможности работы в Крыму. Желание К. Э. Гриневича читать лекции в Таврическом университете в качестве приват-доцента было реализовано. Он получил искомую должность и читал курсы, периодически приезжая из Керчи. Благодаря протекции Л. А. Моисеева Гриневич занял должность директора Керченского музея древностей и развернул активную работу по охране культурного наследия, пропаганде среди местного населения археологической культуры. Ученый принял самое деятельное участие в организации археологических курсов на базе музея, из которых потом возник Боспорский университет. В Керчи были напечатаны в местных газетах и отдельными изданиями целый ряд его публикаций, которые до настоящего времени оставались неизвестными исследователям творчества ученого и историкам музейного дела, т. к. они не вошли в подготовленные библиографические указатели сочинений К. Э. Гриневича. Эти публикации впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: К. Э. Гриневич, Керченский музей древностей, археологические курсы, охрана объектов культурного наследия.

Исследованию биографии и творчества одной из знаковых фигур крымоведения – Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970) посвящены лишь единичные разработки [1]. В основном биография музейного деятеля только кратко освещена в многочисленных энциклопедических справках и памятных статьях к юбилеям. Малоизученным из-за неизвестного круга источников остается «керченский» период биографии историка. Вместе с тем именно этот период, когда К. Э. Гриневич был директором Керченского музея древностей, по его словам, занимал «этот ответственный и, можно сказать, исторический пост» [2], оказал значительное влияние на его дальнейшую судьбу. Выделим в этой связи небольшое, но содержательное исследование сотрудника Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Лидии Михайловны Лазенковой, в котором на основе материалов научного архива заповедника и наших работ сделана попытка проследить, чем занимался К. Э. Гриневич во время работы во главе музея в Керчи, нарисовать исторический фон той непростой эпохи.

Еще в 1915 году К. Э. Гриневи́ч начал работы в археологической экспедиции на Таманском полуострове под руководством директора Керченского музея древностей Владислава Вячеславовича Шкорпила (1853–1918), который раскапывал курган Малая Близница. Поездки в Крым впоследствии стали ежегодными. Молодой исследователь совместно с В. В. Шкорпилом занимался раскопками на Керченском полуострове, а беспокойным летом 1918 года К. Э. Гриневи́ч впервые посетил Херсонес, где принял участие в исследованиях, проводимых Лаврентием Алексеевичем Моисеевым (1882–1946). В Петроград Гриневи́ч вернуться тогда не смог и остался в Харькове.

24 июля 1919 года Константин Эдуардович писал Л. А. Моисееву из Харькова:
«Глубокоуважаемый Лаврентий Алексеевич.

Как Вы живете, как обстоит дело с раскопками, с музеем? Год моего пребывания и работы в Харькове дал отрицательные для меня результаты: я был настолько обременен разными ненужными для меня работами (только для заработка), что научно не смог заняться: я не написал ни одной работы! Если будет еще один такой год, – я погибну. Ведь дело в том, что в Харькове мне, занимающемуся классическими древностями нашего Юга, нечего делать: ни древностей, ни библиотеки! И вот я решил, и решил серьезно, переехать из Харькова к вам на юг.

Теперь поднимается вопрос о том, а откуда добывать средства к пропитанию? И вот здесь я обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Лаврентий Алексеевич, как к соратнику, с покорнейшей просьбой о содействии. Прежде всего, мне хотелось бы быть полезным Археологической Комиссии, может быть, можно устроиться при ней – в Севастополе ли или в Керчи? Лучше в Севастополе (т. е. Херсонесе) вот почему: я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете, который в 1920 переедет в Севастополь, а пока что можно будет раз в неделю наезжать в Симферополь для чтения курса. Но приват-доцентство – вещь далеко не хлебная! А надежды на лучшее устройство при Университете – нет.

Кроме того, если в Комиссии я никакого места получать не смогу (хотелось бы в Севастополе), может быть, можно позондировать почву в севастопольских гимназиях. Могу преподавать историю, латынь, немецкий язык и русский язык.

Простите, что затрудняю Вас этими докучными своими просьбами – поддержите их. К сожалению, в жизни каждого из нас бывают переходные периоды, когда он должен докучать и беспокоить своих близких...

Премногим обяжете!

Преданный К. Гриневи́ч

Харьков. Конторская, 59.

PS. Во второй половине августа я лично побываю в Севастополе. Разрешите остановиться в одной из пустых комнат дома Археологической Комиссии? У меня нет сейчас в Севастополе никого – ни родных, ни знакомых» [3].

В этих обстоятельствах Л. А. Моисеев решил поспособствовать устройству К. Э. Гриневи́ча директором Керченского музея древностей, тем более что в Керчи ощущался дефицит в компетентных кадрах. Со 2 января 1919 года официальным директором значился местный табачный фабрикант Петр Константинович

Месаксуди (1875–1952), руководство которого имело формальный характер. В апреле 1919 года семья Месаксуди на специально зафрактованном пароходе выехала из Керчи во Францию. Музей остался без руководителя, хотя фактически этим занималась вдова В. В. Шкорпила – Лидия Харлампиевна [4, с. 21–22].

Л. А. Моисеев обратился в Управление народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России с ходатайством о назначении К. Э. Гриневича директором музея в Керчи. Эту идею горячо поддержала Лидия Харлампиевна Шкорпил, которая активно противодействовала возможности занятия этой должности преподавателем местной гимназии Юлием Юльевичем Марти (1874–1959), к которому испытывала неприкрытую антипатию. Специальным приказом приват-доцент Петроградского университета К. Э. Гриневич 6 ноября 1919 года был назначен на должность директора Керченского музея древностей. Лаврентий Алексеевич отписал в Харьков о положительном решении вопроса о трудоустройстве К. Э. Гриневича и интересовался, согласен ли он работать не в Херсонесе, а именно в Керчи. При этом Моисеев оговаривал возможность не выселять вдову В. В. Шкорпила – Лидию Харлампиевну из ее квартиры при Музее, констатируя, что в здании найдутся иные жилые помещения для комфортного размещения нового директора. Руководитель музея и раскопок в Херсонесе просил К. Э. Гриневича поспособствовать началу возвращения эвакуированных в начале Первой мировой войны в Харьков фондов Херсонесского музея.

24 августа 1919 года К. Э. Гриневич, проинформированный Л. А. Моисеевым о новом назначении, отвечал в Севастополь:

«Глубокоуважаемый Лаврентий Алексеевич!

Не без волнения прочел Ваше письмо – примите искреннюю благодарность за дружественную помощь – значит мне открылась прекрасная возможность научно, на месте, работать в любимой области! – это ли не земное счастье! Большое Вам спасибо за поддержку и хлопоты – буду всемерно стараться оправдать Ваше доверие.

Буду ждать Вашу официальную бумагу о назначении, а что касается утверждения – что посоветуете сделать? Не съездить ли к министру в Ростов? Или может быть Вы, как Председатель Комиссии, пошлете ему мои биографические сведения и список трудов, если понадобится? Премного обяжете, и будет, думаю, проще.

С величайшей готовностью займусь реэвакуацией херсонесских древностей. Они до последнего времени были целы и невредимы. Но, конечно, я еще раз наведу к ним.

С квартирой и вдовой В. В. Шкорпила – я думаю, дело уладится – я человек сговорчивый и мы полюбовно сговоримся и относительно должности и относительно квартиры. Мне, так как я живу с мамой, желательно иметь две комнаты при музее, что вероятно будет. Мне было бы крайне желательно съездить к Вам и взять у Вас сведения об управлении Музеем – Вы понимаете, что бы быть au courant дела и дело исполнять точно, энергично и как следует. Таким образом, отвечая на Ваше письмо в общем – я должен сказать, что не только согласен

принять поручаемый мне ответственный и, можно сказать, исторический пост, но крайне признателен и благодарен за оказываемую мне честь. При сем прилагаю краткие биографические сведения и список печатных трудов.

Глубоко преданный К. Гриневич» [5].

Лаконичные строчки «Отчета по управлению Керченским музеем древностей в период с 16 ноября по 31 декабря 1919 г.» повествуют нам о первых мероприятиях нового директора: «Прибыв в Керчь, я произвел подробный осмотр вверенного имущества <...> древние памятники на месте, хотя подробной инвентарной проверки по описям произвести не удалось в виду распыления памятников по отделениям Музея. Помещение, занимаемое Музеем, хотя и небольшое, но вполне отвечающее своему назначению» [6]. Директор привел описание состояния здания музея на горе Митридат, Царского и Мелек-Чесменского курганов. Он отметил необходимость ремонтных и укрепительных работ, вызванных бомбардировками Керчи в годы Первой мировой войны и событиями гражданских противостояний весной 1919 года, когда белогвардейцы осаждали Аджимушкайские каменоломни, где базировался «красный» партизанский отряд. Директор сделал акцент на плохом состоянии росписи Мелек-Чесменского кургана, которая «повреждается и осыпается» [7]. В отчете имеется информация и о мероприятиях по консервации объектов: «Мною приняты меры в виде установки временных деревянных подпор, которые прослужат до весны» [8]. Из этого документа становится известным и о том, чем занимался сам К. Э. Гриневич в своей повседневной работе: «Состоящая при Музее древностей библиотека историко-археологического содержания приводится мною в порядок с составлением исправленного каталога и точной нумерации полок и шкафов. Кроме того, мною написан и на днях выйдет из печати краткий историко-археологический спутник по Керченскому Музею Древностей, содержащий научно-популярное введение и краткий каталог музея» [9].

Такое издание объемом 16 страниц увидело свет в 1919 году. В предисловии К. Э. Гриневич отметил: «Большая нужда в печатном каталоге чувствуется уже давно. Дирекция Музея занята теперь подготовкой издания систематического каталога всех хранящихся древностей, в первую очередь, отдела расписных ваз и памятников статуарной пластики. Тем не менее, мы решили выпустить этот краткий археологический спутник по нашему Музею, в уверенности, что для широкой публики он временно заменит систематический каталог хранящихся памятников» [10]. Отмечая, что «мы являемся современниками великой исторической эпохи. На наших глазах сшиблись в кровавой схватке почти все народы земного шара, на наших глазах великие мировые державы разлетались как карточные домики и на их обломках создавались другие», автор пояснял: «Поэтому мы должны особенно интересоваться историей – наукой о прошлом и ее верной спутницей – археологией». Как свидетельствует указатель, все древние памятники, находившиеся в ведении дирекции Керченского музея древностей, располагались как в главном здании, так и в отделении музея на горе Митридат (древнегреческие надгробия, «рукописный каталог которых хранится у сторожа», коллекция греческой и римской посуды, терракоты и бусы), в Царском кургане (эпиграфические памятники, надгробные статуи, обломки усыпальниц, храмов и

домов) и отделении музея в Мелек-Чесменском кургане, который только в 1918 году перешел в ведение дирекции, а до того принадлежал Одесскому обществу истории и древностей (эпиграфические памятники, с каталогом и переводом содержания которых мог познакомить хранитель этого объекта Ю. Ю. Марти) [11].

Из документов К. Э. Гриневича этого периода, отложившихся в архиве Восточно-Крымского историко-культурного заповедника, интересен и его отчет о поездке в ноябре 1919 года на Тамань с целью ознакомления с состоянием раскопок. Впечатление у археолога осталось «безотрадное». Он отметил, что все раскопки расхищаются кладоискателями. Директор предложил сохранять в Тамани «агентуру» Керченского музея древностей, для содержания которой он разработал и отправил в Ростов-на-Дону подробную докладную записку и проектную смету расходов, на которую так и не получил ответа [12].

В сложные времена гражданского лихолетья, частой сменяемости власти, обесценивания денежных знаков, когда активизировались работы по кладоискательству в окрестностях Керчи, молодой директор музея понимал, что бороться с таким явлением можно только опираясь на местное население – актив подвижников краеведения. С этой целью он решил создать при музее историко-археологическое общество. 1 декабря 1919 года состоялось заседание инициативной группы и Константин Эдуардович занялся подготовкой документов для регистрации этой общественной организации в Симферопольском областном суде. Проект устава Общества был составлен им на основе учредительных документов Одесского общества истории древностей и Русского археологического общества. Для привлечения к работе по охране исторического наследия Керчи и окрестностей населения им было подготовлено летучее издание – листовка «Общество и Музей», которое было расклеено в городе:

«Мы живем в Керчи, Древнегреческой колонии, впоследствии столице некогда могучего Босфорского царства, которое известно всему образованному миру замечательными древностями. Найденные памятники изучали и изучают, но только все это остается достоянием тесного круга интересующихся этими памятниками специалистов-ученых. В толще широкой публики современных жителей этих, богатых находками, мест интерес к древностям был и есть очень слаб. Всегда, правда, находились десятка два-три страстных любителей – из среды интеллигентного общества, да человек сто из среды крестьян, которые видели в древностях средство к обогащению и тайно занимались варварским разграблением древних могил. Этим, собственно говоря, и ограничивался интерес местных жителей к старине края. Ученый интерес к ним проявлялся не в Керчи, а в крупных центрах, как например, в Петрограде, в Москве, Одессе, Симферополе. Но теперь, в связи с условиями переживаемого времени, необходимо другое отношение на местах к памятникам древности. Необходимо, чтобы все поняли, что эти памятники выходят по своему значению за пределы времени и места, принадлежат частным лицам только случайно и временно, а на самом деле принадлежат государству и Науке, которая строит на них свои выводы. Чем глубже в обывательскую среду проникает идея, что памятник древности есть научное достояние всего человечества, а, прежде всего, того государства, в пределах которого он найден, и

что для понимания этих памятников необходимы проверено точные знания обстоятельств их находки, – тогда у нас будет совсем иное отношение к этим памятникам. Сейчас мы переживаем эпоху гражданской междоусобной войны, когда вся страна сделалась ареной сражения, в которых гибнут не только люди, но и предметы. Кроме того, в эту эпоху смуты обычно сильно бывают развиты грабежи, а также хищнические кладоискательства, что мы сейчас и наблюдаем в Керчи и на Таманском полуострове. Положить предел всему этому может только свет просвещения, которых откроет глаза невежд на значение памятников. Ведь надо понять, что не всякое раскапывание могил есть преступное кладоискательство. Могилы раскапываются с целью узнать, какие люди, когда и как здесь жили, как они смотрели на свою судьбу за гробом и т. д. Для получения этих знаний о прошлом необходимо знать не только содержимое могил, но и устройство самой гробницы. При хищнической раскопке, когда ищутся только ценные, в обычном значении, вещи, погребение для Науки обесценивается, а равно и находки в нем. Поэтому, если кто желает производить раскопки, пусть обращается к Дирекции Керченского Музея еще до начала раскопок и в присутствии специалиста от музея может свободно раскапывать. Все самочинные кладоискательства будут строго преследоваться привлечением виновных в административном порядке. С целью пропаганды в обществе историко-археологических сведений Дирекция Музея организывает по воскресеньям осмотр Музея под руководством специалиста, где будут даваемы лекционные объяснения научно-популярного характера. Для частной публики начало объяснений будет в 11 часов по воскресным дням, для групповых осмотров Музея, для учебных заведений под руководством специалиста в часы – по предварительному соглашению. Музей открыт ежедневно от 9 до 2-х часов дня (угол Мещанской и Магистратской). Вход бесплатный с предложением лекций и групповых осмотров музея» [13].

С целью пропаганды необходимости охраны культурного наследия директор музея задумал организацию специальных трехмесячных историко-археологических курсов. Он считал, что в Керчи необходимо открыть Археологический институт наподобие существовавших в досоветское время в Санкт-Петербурге и Москве. Курсы же, по его мнению, должны были стать первой ступенькой к открытию такого института [14]. Они были торжественно открыты 19 января 1920 года при музее. Учредителям довольно скоро стало понятно, что только исторической тематикой не соберешь достаточного количества слушателей, тем более что курсы носили коммерческий характер. В столь сложное время в Керчи, как и в других крымских городах, оказалось много представителей научной интеллигенции, профессоров различных вузов, спасавшихся тут от сложностей революционного времени. Эти научные кадры группировались вокруг музея – единственного в Керчи известного на всю страну культурного центра.

К. Э. Гриневиц неоднократно выступал с публикациями в местной периодической печати, где рассказывал о работе культурно-просветительских курсов. Эти небольшие газетные заметки, подписанные «К. Г.», до настоящего времени оставались неизвестными исследователям творчества ученого. Они не включены ни в один из опубликованных списков трудов К. Э. Гриневица. Из этих

публикаций становится известным, что читались лекции не только историко-археологического содержания. Чтобы привлечь больше слушателей, много внимания уделялось актуальным и злободневным на тот момент проблемам государственности, социальным юридическим институтам. Так, профессор Н. И. Палеенко прочитал лекцию «Формы государственного правления», Б. В. Попов – «Индивидуализм и социализм в праве» [15]. Не все темы одинаково с интересом воспринимались публикой, так в другой заметке К. Э. Гриневич сетовал, что лекции профессора Б. В. Попова – одного из учредителей народных курсов – привлекают мало людей [16].

Константин Эдуардович имел опыт чтения лекций в Петроградском университете. Реализовалось и его желание получить должность приват-доцента в Таврическом университете. По договоренности с руководством историко-филологического факультета он читал лекции блоками, специально приезжая на несколько дней из далекой от Симферополя Керчи. Естественным было стремление ученого к организации аналогичного вуза непосредственно в Керчи.

В содержательной статье «Насущные задачи просвещения» К. Э. Гриневич остановился на предпосылках, способствовавших созданию Боспорского университета в Керчи. Эпиграфом к статье стала строчка А. С. Пушкина «На попрание ума нельзя нам отступать». Автор статьи отмечал: «Новые условия военно-революционного времени, эпохи лихорадочного строительства новой жизни, требуют все новых и новых рассадников народного просвещения, не только низшего и среднего, но и высшего и внешкольного! Необходимо приноровиться к этим новым требованиям, властно диктуемым условиями момента.

В связи с политической бурей расстроился транспорт, стало невозможным посылать своих детей учиться в большие университетские города, как это было раньше. Поэтому, согласно пословице, если «Магомет не идет к горе, то гора должна идти к Магомету», – сильнее стала чувствоваться необходимость иметь университет в более мелких провинциальных городах, ибо жизнь не ждет, образование детям давать надо, а кроме того государственные интересы страны властно требуют создания все новых и новых культурных работников.

Эти же причины стали побудительными при создании Боспорского университета в Керчи. В самом деле: выпуск за выпуском все средние учебные заведения Керчи дают большое число будущих культурных работников, но только немногие могут поехать в Симферополь для продолжения образования. Большинство же по соображениям финансовым и домашнего характера должны оставаться дома, в Керчи и пропускать год за годом за пустой домашней работой, не говорящей ни уму, ни сердцу» [17]. Автор сообщает, что 1 марта 1920 года в Керчи уже открыт коммерческий экономический факультет, «как отвечающий данному моменту». Отдел народного просвещения окончательно разрешил открытие «Общественного городского Боспорского университета», занятия в котором начинаются с сентября.

На работавших под руководством К. Э. Гриневича при музее курсах также активно сотрудничали сотрудник музея Юлий Юльевич Марти, директор Кременчугской гимназии (родной брат жены Ю. Ю. Марти) В. М. Гуссов, профессор Университета Св. Владимира Митрофан Викторович Довнар-

Запольский. Но наиболее активничал сам Константин Эдуардович. Из 141 лекции, заявленной на курсах, он прочитал 64: «Введение в археологию», «Классическая археология», «История античного искусства», «Древности Боспорского царства», «История Боспорского царства в связи с греческими колониями на Юге России» и др.

Интересную информацию о состоянии работы курсов предоставляет нам отдел «Хроника» издававшейся в это время в Керчи газеты «Русское дело». Так, 22 сентября 1920 года сообщалось, что «на открываемых в конце сентября при Керченском музее древностей археологических курсах директор музея К. Э. Гриневиц прочел “Курс истории античного искусства”» [18]. 27 сентября газета писала о лекции К. Э. Гриневица на тему «Что такое искусство» [19]. 3 октября сообщалось об открытии 4 октября в 11 часов «после молебна» второго цикла археологических курсов: «Вступительную речь директор музея К. Э. Гриневиц посвятит подробному выяснению целей и задач курсов, а так же намеченной программе предстоящей работы с указанием применений чтения лекций и практических занятий по истории античного искусства и археологии. Курсы будут сопровождаться интересными световыми картинками» [20]. 7 октября населению города извещалось, что «после длительного перерыва возобновляются в помещении “Гранд-Вио” культурно-просветительские лекции. 10 октября П. М. Федотов прочтет лекцию на тему “Начало Русского государства и его историческая роль в первые века своего существования”. 11 октября приват-доцент К. Э. Гриневиц прочтет лекцию на тему “Археологические достопримечательности Керчи” После лекции будет устроена экскурсия на развалины» [21].

В связи с тем, что курсы могли существовать только на принципах самоокупаемости и создавались исключительно для поддержания ученых, оказавшихся в Керчи, созданный Совет археологических курсов принял решение взимать плату со слушателей в размере 500 рублей. При этом учащиеся-гимназисты и студенты Боспорского университета оплачивали 350 рублей. Так как деньги были не у всех, то значительная часть посетителей занималась на курсах в долг. От оплаты освобождались и гости, бесплатно посещавшие курсы. Из 20060 рублей собранных денег 920 ушло на открытие курсов, 560 – на керосин для освещения. Каждый лектор получал за лекционный час от 50 до 90 рублей. Предполагалось издание конспектов в виде отдельных брошюр [22]. Собрания проходили три раза в неделю, затем перешли на двухразовое чтение лекций. Слушателями были люди разного уровня подготовки и материальных возможностей. Часто это были супруги, которые приходили с детьми [23].

К. Э. Гриневиц на посту директора заботился и о производстве коммерческих изданий, которые музей печатал с целью продаж. Так, на французском языке К. Э. Гриневицем был составлен и напечатан путеводитель по музею, который кроме исторического очерка о древнем Пантикапее включал описание экспозиции, посвященной Боспорскому царству [24]. Русскоязычную версию данного материала, расширенную и значительно дополненную, выявила научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» Т. А. Прохорова в научном архиве этого учреждения. В фонде

Л. А. Моисеева хранится дело с перепиской музеев Керчи и Херсонеса. Архивная единица сформирована в 1975 году, несмотря на недатированность ряда документов. В этом деле имеется черновая рукопись, озаглавленная «Пантикапей» – комментированный конспект статьи из «Большой энциклопедии: словаря общедоступных сведений по всем отраслям знания», изданной под редакцией С. Н. Южакова. Несмотря на то, что составителями дела авторство приписано Л. А. Моисееву, Т. А. Прохорова справедливо полагает, что автором документа является К. Э. Гриневич. Очевидно, данный конспект был подготовлен К. Э. Гриневичем во время работы над обстоятельной статьей по истории столицы боспорского царства, которую Константин Эдуардович планировал издать в виде отдельной книги, состоящей из пяти разделов. В ней планировалось продемонстрировать значение археологических открытий для разработки истории юга страны. Второй раздел должен был заключать характеристику древней истории Пантикапея. Третий – давал характеристику археологическим памятникам; четвертый – посвящался описанию типов погребений. Пятый раздел должен был дать характеристику и индексы всех stel из фондов музея и включал краткий каталог Музея Мелек-Чесменского кургана [25]. Сводный каталог терракот, подготовленный К. Э. Гриневичем для этого издания, сохранился в научном архиве Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» [26]. Согласно данным «Жизнеописания директора Херсонеса Константина Эдуардовича Гриневича» [27] и списка научных трудов К. Э. Гриневича за 1927 год [28], работу над расширенным изданием путеводителя по керченским древностям К. Э. Гриневич продолжал на протяжении всей первой половины 20-х годов XX века. Она насчитывала 150 рукописных листов и планировалась к печати к началу работы Конференции археологов СССР в Керчи в 1926 году. Однако издать труд не удалось, хотя исследование способствовало бы введению в научный оборот ряда ценных сведений по истории изучения Керченского региона в начале XX века [29].

Последние из выявленных сообщений в разделе «Хроника» газеты «Русское дело» свидетельствуют, что «директор Керченского музея древностей, приват-доцент Таврического университета К. Э. Гриневич оставляет преподавание в Боспорском университете, где он занимал кафедру всеобщей истории» [30].

С установление советской власти на полуострове приходит время политических репрессий и жестокого голода 1921 года. К. Э. Гриневич, воспользовавшись восстановлением регулярного железнодорожного сообщения с центром, берет отпуск и фактически сбегает в Петроград, бросив Керченский музей древностей на произвол судьбы.

В рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН нами выявлена содержательная переписка сотрудника Керченского музея (в последующем – директора) Юлия Юльевича Марти (1874–1959) с руководством Государственной академии материальной культуры в Петрограде. Письма проливают свет не только на историю музея в то сложное время, но и на отдельные страницы биографии К. Э. Гриневича. Ю. Ю. Марти общал в столицу 15 октября 1921 года о состоянии дел в музее: «Положение служителей

бедственное, жалование было по 1 мая. Т. к. трехмесячный отпуск Гриневича истек, он, видимо, решил остаться на жительство в Петрограде, я просил бы утвердить меня директором. Я получил историко-филологическое образование, окончил Историко-филологический институт по классическому отделению в 1897 году. Археологией занимаюсь с 1904 года. Тогда занял должность директора Мелек-Чесменского кургана» [31]. А вот строки из переписки того же Ю. Ю. Марти уже с самим К. Э. Гриневичем, находившемся в Петрограде. 19 августа 1921 года Ю. Ю. Марти, понимая, что директор не собирается возвращаться на свое официальное место работы, написал ему: «Если Вам удастся остаться в Петрограде, прошу ходатайствовать перед АИМК о назначении меня заведующим» [32]. Продолжая тему ужасного положения научных сотрудников музея, Ю. Ю. Марти сообщал тому же адресату в 1922 году: «Керчане один за другим бегут из Керчи. Становится как-то жутко в ожидании новой зимы. Кто уцелеет, а кто и нет. Борьба становится все тяжелее, а сил все меньше» [33].

Так закончилась «керченская эпопея» К. Э. Гриневича 1919–1921 годов – сложное, противоречивое время, когда ученый, не оглядываясь на обстоятельства, смог заявить как свои стойкие крымоведческие интересы, так и умение выживать в тяжелых условиях постоянной смены властей и краха экономики и финансов.

Список использованных источников и литературы

1. Латышева В. А. К. Э. Гриневич как археолог // Древности, 2004: Харьковский историко-археологический ежегодник: материалы, статьи, публикации, история археологии, рецензии / Харьковское историко-археологическое об-во. – Харьков, 2004. – С. 284–294.
Latysheva V. A. K. E. Grinevich kak arheolog // Drevnosti, 2004: Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik: materialy, stat'i, publikacii, istoriya arheologii, recenzii / Har'kovskoe istoriko-arheologicheskoe ob-vo.– Har'kov, 2004.– S. 284–294.
2. Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», д. 148, л. 101.
Nauchnyj arhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij», d. 148, l. 101.
3. Там же, л. 86–86 об.
Ibid, l. 86–86 ob.
4. Лазенкова Л. М. К. Э. Гриневич и Керченский музей древностей // Научный сборник Керченского заповедника / Керченский историко-культурный заповедник. – Керчь, 2006.– Вып. 1: К 180-летию Керченского музея древностей. – С. 20–33.
Lazenkova L. M. K. E. Grinevich i Kerchenskij muzej drevnostej // Nauchnyj sbornik Kerchenskogo zapovednika / Kerchenskij istoriko-kul'turnyj zapovednik.– Kerch', 2006.– Vyp. 1: K 180-letiyu Kerchenskogo muzeya drevnostej.– S. 20–33.
5. Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», д. 148, л. 101.
Nauchnyj arhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij», d. 148, l. 101.
6. Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, оп. 5, д. 109, т. 2, л. 22.
Arhiv Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika, op. 5, d. 109, t. 2, l. 22.
7. Там же, л. 23.
Ibid, l. 23.
8. Там же.
Ibid.
9. Там же.

Ibid.

10. Гриневич К. Э. Краткий археологический спутник по Керченскому музею древностей: вместо каталога / Керченский музей древностей. – Керчь, [1919]. – 16 с.

Grinevich K. E. Kratkij arheologicheskij sputnik po Kerchenskomu muzeyu drevnostej: vmesto kataloga / Kerchenskij muzej drevnostej. – Kerch', [1919]. – 16 s.

11. Там же. – С. 12.

Ibid, S. 23.

12. Лазенкова Л. М. Указ. соч. – С. 22–23.

Lazenkova L. M. Op. cit. – S. 22–23.

13. Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, оп. 5, д. 109, т. 2, л. 44–45.

Arhiv Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika, op. 5, d. 109, t. 2, l. 44–45.

14. Гриневич К. Керченские археологические курсы // Голос жизни. – Керчь, 1920. – № 1. – 1 января.

Grinevich K. Kerchenskie arheologicheskie kursy // Golos zhizni. – Kerch', 1920. – № 1. – 1 yanvarya.

15. [Гриневич К. Э.] Еще о курсах... // Русское дело. – Керчь, 1920. – № 56. – 13(26) августа. – С. 3. – Изд. под псевд.: К. Г.

[Grinevich K. E.] Eshche o kursah... // Russkoe delo. – Kerch', 1920. – № 56. – 13(26) avgusta. – S. 3. – Izd. pod psevd.: K. G.

16. [Гриневич К. Э.] Керченские культурно-просветительные курсы // Русское дело. – Керчь, 1920. – № 53. – 9(22) августа. – С. 3. – Изд. под псевд.: К. Г.

[Grinevich K. E.] Kerchenskie kul'turno-prosvetitel'nye kursy // Russkoe delo. – Kerch', 1920. – № 53. – 9(22) avgusta. – S. 3. – Izd. pod psevd.: K. G.

17. Гриневич К. Э. Насущные задачи просвещения // Русское дело. – Керчь, 1920. – № 46. – 31 июля (13 августа). – С. 2.

Grinevich K. E. Nasushchnye zadachi prosveshcheniya // Russkoe delo. – Kerch', 1920. – № 46. – 31 iyulya (13 avgusta). – S. 2.

18. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920. – № 87. – 22 сент. (5 окт.).

Hronika // Russkoe delo. – Kerch', 1920. – № 87. – 22 sent. (5 okt.).

19. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920. – № 92. – 27 сент. (10 окт.).

Hronika // Russkoe delo. – Kerch', 1920. – № 92. – 27 sent. (10 okt.).

20. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920. – № 97. – 3(16) окт.

Hronika // Russkoe delo. – Kerch', 1920. – № 97. – 3(16) okt.

21. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920. – № 100. – 7(20) окт.

Hronika // Russkoe delo. – Kerch', 1920. – № 100. – 7(20) okt.

22. Лазенкова Л. М. Указ. соч. – С. 26.

Lazenkova L. M. Op. cit. – S. 26.

23. Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, оп. 5, д. 109, т. 2, л. 70–75.

Arhiv Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika, op. 5, d. 109, t. 2, l. 70–75.

24. Grinévitsh C. L'Archéologie classique de Panticapée: introduction aux études archéologiques de Kertch. – Kertch, 1920. – 16 s. – (Серия: «Edition du Musée des antiquites de Kertch»; № 2).

25. Прохорова Т. А. Материалы по подготовке К. Э. Гриневичем работы «Древности Пантикапея»: по архивным документам Херсонесского музея-заповедника // Таврические студии. – 2016. – № 10. – С. 150–153.

Prohorova T. A. Materialy po podgotovke K. E. Grinevichem raboty «Drevnosti Pantikapeya»: po arhivnym dokumentam Hersonesskogo muzeya-zapovednika // Tavricheskie studii. – 2016. – № 10. – S. 150–153.

26. Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», ф. 1, д. 454.

Nauchnyj arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij», f. 1, d. 454.

27. Там же, ф. 1, д. 250, л. 66–67.

Ibid, f. 1, d. 250, l. 66–67.

28. Там же, ф. 1, д. 454.

Ibid, f. 1, d. 454.

29. Прохорова Т. А. Из истории взаимоотношений Херсонесского и Керченского музеев в 20-е гг. XX в.: статья К. Э. Гриневича «Пантикапей» // XVII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: исследователи и исследования / НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. – Керчь, 2016. – С. 389–396.

Prohorova T. A. Iz istorii vzaimootnoshenij Hersonesskogo i Kerchenskogo muzeev v 20-e gg. XX v.: stat'ya K. E. Grinevicha «Pantikapej» // XVII Bosporskie chteniya: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya: issledovateli i issledovaniya / NIC istorii i arheologii Kryma Krymskogo federal'nogo un-ta im. V. I. Vernadskogo. – Kerch', 2016. – С. 389–396.

30. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920. – № 116. – 27 окт. (9 нояб.).

Hronika // Russkoe delo. – Kerch', 1920. – № 116. – 27 okt. (9 noyab.).

31. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 53–54.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1921 g.), d. 70, l. 53–54.

32. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 48–49.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1921 g.), d. 70, l. 48–49.

33. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1922 г.), д. 59, л. 7.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1922 g.), d. 59, l. 7.

Nepomnyashchiy A. A. «I'm going to privat-docent in Taurida University»: K. E. Grinevich in Crimea (1919–1921)

The eventful Kerch period of the life of one of the largest Crimean scholars of the Soviet era, a prominent museum worker of the all-Union scale, Konstantin Eduardovich Grinevich (1891–1970), on the basis of little-known archival sources (materials of scientific archives of museums-reserves of Tauric Chersonese and East Crimean) and previously unknown articles from the local periodicals of the revolutionary years was restored. Grinevich, an associate professor of the Petrograd University, who was forcibly excommunicated from the capital by peripeteians of the fronts of civil confrontation, having lived a year in Kharkov, and then appealed to his colleague, the Director of the Museum and excavations in Khersones, L. A. Moiseyev, asking about the possibility of working in the Crimea. K. E. Grinevich's desire to lecture at the Taurida University as a privat-docent was realized. He received the required post and read courses, periodically coming from Kerch. Grinevich thanks to the patronage of L. A. Moiseev took the post of director of the Kerch Museum of Antiquities and launched an active work on the protection of cultural heritage and propaganda among the local population of archaeological culture. The scientist took the most active part in the organization of archaeological courses on the basis of the museum, of them later Bosporan University was established. In Kerch were printed in local newspapers and a number of separate editions of his publications, which until now remained unknown to the researchers of the creativity of the scientist and historians of the museum business, since they were not included in the prepared bibliographies of K. E. Grinevich's scientific works. These publications for the first time in scientific circulation were introduced.

Keywords: K. E. Grinevich, Kerch Museum of Antiquities, Archaeological courses, protection of cultural heritage.

УДК 94(47)КРЫМ"1917"

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ В 1917 Г.

Павленко А. П.

*Российский государственный
профессионально-педагогический университет, Екатеринбург
Pavlenko-09@yandex.ru*

В статье рассматривается история севастопольской организации Российской социал-демократической рабочей партии (объединенной) в 1917 г. Описываются лидеры организации, ее численность и степень влияния, работа меньшевиков в органах власти и их участие в выборах кампаниях (выборы в Учредительное собрание, Севастопольский совет и городскую думу). Источниковую базу исследования составляют воспоминания, материалы периодической печати и делопроизводственные документы. Делается вывод, что севастопольская организация меньшевиков играла заметную политическую роль в жизни города в 1917 г. В ее рядах был ряд заметных лидеров (Н. А. Борисов, Н. Л. Канторович, М. А. Пескин, А. К. Соболев и др.), ее члены входили во все значительные выборные органы власти и занимали важные посты. Весной – летом 1917 г. РСДРП (объединенная) была второй политической силой в городе. Однако затем меньшевики сдали свои политические позиции, их удалось потеснить и большевикам, и националистам. В то же время социальная база партии в Севастополе была ограничена (главным образом, рабочим классом), организация меньшевиков, вопреки сложившемуся в историографии мнению, была относительно немногочисленной.

Ключевые слова: революция 1917 г., Севастополь, Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная), меньшевики, Черноморский флот.

Социал-демократы-меньшевики были одной из ведущих политических сил в ходе революции 1917 г. Их партийные организации имелись во многих городах, в т. ч. в главной базе Черноморского флота – Севастополе. К истории севастопольской организации этой партии ранее обращался ряд историков (С. С. Хесин, В. И. Королев, А. Г. и В. Г. Зарубины, В. В. Крестьянников) [14, 15, 16, 17, 42], в работах многих авторов есть упоминания о ней в разных аспектах, причем в советской историографии, как правило, негативные по смыслу [См. например, 2, 9, 38, 43]. Однако более-менее целостная и подробная картина истории севастопольских меньшевиков в 1917 г. еще не создана.

Впервые социал-демократическая организация в Севастополе была создана еще в 1900 г. [14, с. 24; 15, с. 151]. Во время революционных событий 1917 г. произошло возрождение севастопольской организации РСДРП. Ее первое собрание состоялось 28 марта 1917 г. Источник так описывает его ход: «После произведенной записи членов партии был избран временный комитет, председателем которого избран Я. Рубинов, секретарем Г. Песков¹» [18, с. 2].

Характерной особенностью Севастополя стало то, что из объединенной организации РСДРП очень быстро выделились в отдельный комитет большевики. Один из их лидеров, Ю. П. Гавен, писал: «Первая самостоятельная большевистская организация образовалась в Севастополе в конце апреля 1917 года, главным

¹ Возможно, ошибка, не исключено, что речь идет о М. А. Пескине.

образом, из моряков Черноморского флота и рабочих... Слабая и численно, и агитпропагандистскими силами, большевистская организация, тем не менее, довольно определенно отмежеввалась от севастопольской социал-демократической организации, которая все же продолжала называться “объединенной”, не имея в своих рядах ни одного большевика» [10, с. 7]. По воспоминаниям матроса-большевика А. П. Платонова, поводом для раскола во второй половине апреля 1917 г. послужил демонстративный отказ одного из руководителей севастопольских социал-демократов М. А. Пескина от обсуждения «апрельских тезисов» В. И. Ленина. После этого большевистски настроенные эсдеки ушли с заседания. В итоге в первых числах мая 1917 г. они создали временный комитет партии большевиков [30, с. 58–59]. Раннее разделение умеренных и радикальных социал-демократов отличало Севастополь от остальных крымских городов, в которых это произошло значительно позднее [См. подробнее: 10, с. 8–11].

Максимальная численность севастопольских меньшевиков, согласно авторам опубликованных в СССР мемуаров, была весьма значительной: Ю. П. Гавен писал о 4–5 тыс. членов меньшевистской организации, ему вторил А. П. Платонов – 5 тыс. [10, с. 8; 25, с. 57]. Эти сведения прочно вошли в советскую историографию, встречаются и в современных исследованиях [2, с. 19; 3, с. 77; 9, с. 19; 12, с. 28, 100; 14, с. 121; 38, с. 312; 39, с. 26; 42, с. 196; 43, с. 39]. Однако мы полагаем, что это очень сильно завышенные данные. В мае 1917 г. на Всероссийской конференции меньшевиков делегат от Севастополя представлял 1000 членов городской организации [17, с. 181]. Историк С. С. Хесин со ссылкой на материалы съезда партии меньшевиков (август 1917 г.) писал, что на момент съезда в Севастополе было 500 меньшевиков [42, с. 315]. Чем объяснить двукратное падение численности организации РСДРП (объединенной)? В источниках не фиксируются сведения о столь массовом выходе членов организации в течение лета 1917 г. Можно предположить, что сведения о количестве севастопольских меньшевиков, представленные на партийной конференции в мае, оказались по каким-то причинам завышены. В пользу этого свидетельствует генеральный комиссар Черноморского флота – меньшевик Н. А. Борисов, который указал в мемуарах, что численность их организации никогда не превышала 300–400 чел. [35, л. 5]. Эти данные коррелируют с расчетами историка В. И. Королева. Он определил численность севастопольских меньшевиков в 500 чел. в мае 1917 г., 600 – в ноябре 1917 г., 200 – в январе 1918 г. [16, с. 89]. Думается, что сведения мемуаров Н. А. Борисова и исследования В. И. Королева наиболее близки к действительности.

Социальной опорой меньшевиков в Севастополе были, прежде всего, рабочие. Описывая политическую обстановку в городе в начале лета 1917 г., Н. А. Борисов отметил: «За меньшевиками, как за самой левой группой, шли рабочие порта, среди которых было много правых социал-демократов. Но вообще, влияние меньшевистской организации в то время было очень невелико, а среди матросов [их] были только единицы...» [35, л. 2 об]. Бывший комиссар в мемуарах еще раз обратился к этой теме: «Социал-демократическая организация в Севастополе насчитывала в своих рядах довольно много старых социал-демократов рабочих-подпольщиков, работавших, главным образом, в порту. Это были сознательные и

стойкие рабочие (Михайлов, Ляшко, Прокопьев, Романовы и др.). Многие из них состояли в рядах социал-демократической партии еще до 1905 года. Организация была не велика и влияние ее более или менее сказывалось только в порту» [35, л. 10 об]. А. П. Платонов отмечал, что «свою работу меньшевики вели среди членов профессиональных союзов, моряков торгового флота, техников и десятников, шоферов, ремесленников и торгово-промышленных служащих» [25, с. 57]. О сильном влиянии меньшевиков именно среди профсоюзов и рабочих портового завода писал и Ю. П. Гавен, связывая это с социальным составом рабочего класса Севастополя [11, с. 9].

В начале июля 1917 г. пресса информировала, что в Севастополе начали работать два социал-демократических клуба, открытых портовым комитетом РСДРП(о). В клубах проводились лекции и беседы, работали бесплатные библиотеки-читальни. Вход был открыт не только для членов партии [41]. Это еще один показатель того, какое внимание меньшевики уделяли распространению своих идей в рабочей среде.

Одним из каналов проникновения социал-демократических идей в матросскую среду стали лекции, читаемые для моряков в начале революции с просветительной целью. На них периодически поднимались темы, связанные с социал-демократией. В Машинной школе Черноморского флота 25 апреля 1917 г. учитель Г. Лавров прочитал лекцию «О наделе землей крестьян и рабочего люда, согласно программам разных партий», а 7 мая с докладом «Что такое социал-демократическая республика» выступил прапорщик Печулевич. В Черноморском флотском экипаже 23 апреля по 5 мая в числе прочитанных докладов значилась лекция летчика-наблюдателя подпоручика Сегалы «Социал-демократическая партия» [22, с. 422–424; 27, л. 600, 620 об, 639].

Меньшевики были представлены в выборных органах власти Севастополя в 1917 г. В начале марта был создан Центральный военный исполнительный комитет. Он был сформирован по корпоративному принципу из представителей матросов, солдат, офицеров, кондукторов и рабочих, партийных фракций в комитете не было. Среди рабочих делегатов в его состав вошли отдельные меньшевики, например вышеупомянутый рабочий Михайлов, который с первых дней функционирования комитета довольно активно в нем работал [28, л. 10, 21]. Параллельно ЦВИК был создан Совет рабочих депутатов. Мемуарист В. К. Жуков отметил значительную роль меньшевиков в его появлении [13, с. 34]. В Севастополе был сформирован и третий совет – Солдатских депутатов. Два последних учреждения вскоре слились в одно. По воспоминаниям все того же В. К. Жукова, Советом солдатских и рабочих депутатов активно руководили меньшевики [13, с. 34].

27–30 марта 1917 г. ЦВИК и Совет солдатских и рабочих депутатов объединились [28, л. 55–56, 65]. Созданный выборный орган играл исключительно важную роль в политической жизни Черноморского флота и Причерноморья. Первый состав совета (конец марта – июль 1917 г.) еще не делился по партийным фракциям. Но в его составе был ряд меньшевиков: Н. Л. Канторович, матрос Бундов, рабочий Ляшко и другие. Н. Л. Канторович был почетным членом президиума Совета [13, с. 71]. Ляшко в момент объединения Совета и ЦВИК вошел

в состав агитационного бюро и редакционной комиссии [29, л. 38 об, 40]. В июне 1917 г. матрос Бундов вместе с эсером И. Ю. Бакалом был отправлен от исполкома Совета делегатами в столицу «с просьбой ходатайствовать об освобождении от наказания черноморцев за незаконное смещение Колчака» [13, с. 70] (имеется в виду уход вице-адмирала А. В. Колчака с должности командующего флотом 7 июня 1917 г.). Членами редакционно-просветительной комиссии, издававшей «Известия Севастопольского совета», были два меньшевика: редактор М. А. Пескин и помощник редактора Н. Е. Лещинский [30, л. 12 об, 15].

Во втором составе Севастопольского совета, который приступил к работе 11 июля 1917 г., уже сформировались политические фракции. Всего в его состав входили 390–395 депутатов. Из них большинство составляли эсеры (263 чел.), меньшевики имели 22 делегата. Выборы в исполком проводились пропорционально числу депутатов от каждой партии. В исполнительный комитет от меньшевиков вошли двое – Бундов и Латышев (из 35 членов исполкома), в комиссии Совета – 12 (из 210). Бундов был избран кандидатом в товарищи председателя Совета [40]. Он же поехал делегатом от Севастопольского совета на Демократическое совещание [42, с. 388]. Вышеупомянутый первый председатель временного комитета эсдеков Я. Рубинов вошел в состав просветительной комиссии Совета [4]. М. А. Пескин и Н. Е. Лещинский были кооптированы как необходимые специалисты [1] для редактирования газеты.

В середине октября 1917 г. прошли очередные перевыборы Совета. Всего на первом заседании присутствовало 444 депутата, из них от меньшевиков – 40 (по сравнению с прежним Советом, они даже расширили свое представительство). В комиссиях и исполкоме они получили право на 11 мест. Как и в предыдущем Совете, в исполнительный комитет от эсдеков-меньшевиков вошли два представителя. Это были капитан К. М. Богдановский и матрос Бундов. Следственно-юридическую комиссию возглавил меньшевик прапорщик Юргенс [5; 6; 7] (в воспоминаниях генерал-майора Ф. П. Рерберга ошибочно назван большевиком [37, с. 60]). И вновь в Совет вошли кооптированные специалисты – члены культурно-просветительной комиссии М. А. Пескин и Н. Е. Лещинский [19].

После получения сведений о победе Октябрьского вооруженного восстания и прихода большевиков к власти в столице Севастопольский совет объявил о том, что берет власть в городе в свои руки. При этом он не признавал советского правительства. В Севастополе обострилась политическая борьба, среди участников которой были и меньшевики. Местные большевики стремились к установлению своей власти в Севастополе, однако в ход событий вмешалось стихийное выступление матросов-черноморцев. В ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. они начали самосуды над офицерами, по городу прокатилась волна арестов. Помимо офицеров, в тот день матросами были арестованы и политические деятели: эсеры С. О. Бялыницкий-Бируля и А. С. Пампулов, меньшевик Бундов. По словам В. К. Жукова, они избежали расправы только благодаря заступничеству своих партийных организаций [13, с. 103].

Севастопольский совет, в котором большинство составляли умеренные социалисты, в глазах радикально настроенной части матросов и солдат потерял

авторитет. Показательный случай описывает В. К. Жуков: «...в 12 часов ночи 15 декабря, когда фактически начались расстрелы у Малахова кургана, исполком в составе эсеров и эсдеков (так как большевики вышли из его состава еще 12 декабря) обсуждал меры по борьбе с начавшейся анархией. После долгих споров, кому идти с агитацией к матросам, была, наконец, в порядке баллотировки выбрана группа около пяти человек, во главе с лидером фракции эсдеков Л. Н. Канторовичем. Когда делегация исполкома на автомобиле прибыла к Малахову кургану, матросы уже сделали свое дело и готовились укладывать трупы на грузовой автомобиль, чтобы перевезти их на Госпитальную пристань, а оттуда баржей вывезти в море. Делегация обратилась к матросам с просьбой оставить трупы на месте до утра, для опознания и погребения родственниками, на что получила ответ: “Только вас не доставало, становитесь в ряд или уходите обратно подобру-поздорову”. Делегации исполкома ничего другого не оставалось, как повернуть автомобиль обратно» [13, с. 103].

Н. А. Борисов оставил воспоминания о своих действиях во время декабрьских событий. «Помню, во время декабрьских самосудов я был в Симферополе. Из Севастополя приехали на автомобиле товарищи (Соболев и Пескин) предупредить меня, чтобы я не возвращался в Севастополь. Однако я в тот же день вернулся с ними в Севастополь и на другой день выступил против самосудов на дредноуте “Воля”. Выступил успешно – матросы заявили, что ни одного офицера сами не тронут и не дадут это делать другим. Во избежание самосуда они не позволяли своим офицерам съезжать на берег» [35, л. 13–13 об].

В ночь на 16 декабря власть в городе взял военно-революционный комитет, состоящий из большевиков и левых эсеров, была установлена советская власть. Через несколько дней прошли выборы в Севастопольский совет. Из 235 делегатов большевики получили 87 мест. Меньшевики сумели провести в выборное учреждение 6 депутатов [38, с. 337].

Летом 1917 г. в революционной России прошла волна выборов в местные органы власти. В рамках этой кампании в июле 1917 г. в Севастополе состоялись выборы в городскую думу. Всего в них приняло участие 50744 избирателя, из них 24837 гражданских и 25907 военных. Уверенную победу одержали эсеры. Меньшевики, как и другие блоки и партии, выступили достаточно скромно. Они заняли второе место с большим отставанием от лидера, набрав всего 2511 голосов (1702 – в городе и только 809 – среди военных), получив право занять три места в думе [36]. Гласными Севастопольской городской думы стали Н. А. Борисов, Н. Л. Канторович и рабочий Михайлов [35, л. 10 об]. Отметим, что В. К. Жуков вспоминал: «...Так как в думу прошли почти одни эсеры и только три кандидата социал-демократов (объединенных), то организация, не желая брать на себя ответственность за линию поведения думы, отказалась дать в управу своих членов. Борисов же был введен туда не как член организации, а персонально» [13, с. 71]. Сам Н. А. Борисов об этом факте в своих мемуарах не упоминает.

В соседней с Севастополем Балаклаве картина была несколько отличной. На выборах городского самоуправления выступил объединенный социалистический

блок (эсеры и меньшевики), набравший большинство голосов и получивший в думе 13 мест из 21 [26].

Еще одной крупной избирательной кампанией, проходившей в Севастополе, стали выборы в Учредительное собрание. Экипажи кораблей Черноморского флота вместе с береговыми частями и портовыми рабочими были выделены в отдельный Черноморско-флотский избирательный округ. Две третьих его избирателей были зарегистрированы в Севастополе. Всего на регистрацию были поданы документы 10 кандидатов, до выборов дошли всего пятеро. Среди кандидатов было сразу трое меньшевиков. Под номером два был зарегистрирован кандидатский список Центрального комитета Черноморского флота и Севастопольского отдела Союза моряков и речников торгового флота. Их кандидатом был штурман дальнего плавания Михаил Николаевич Ермолин (стоял на позициях меньшевиков-интернационалистов [21]). Севастопольская организация РСДРП(о) выставила Николая Лазаревича Канторовича (кандидатский список номер четыре) [31, л. 6 об.]. За выдвижение этой кандидатуры поставили подписи 115 человек (как военных, так и гражданских). Среди подписавшихся было много рабочих [33, л. 38, 39, 41]. М. Н. Ермолин и Н. Л. Канторович участвовали в выборах.

Кроме них «от группы избирателей гор. Севастополя» был выдвинут социал-демократ-интернационалист Наум Ефремович Лещинский. Документы для его регистрации были поданы 16 октября 1917 г., но окружная избирательная комиссия обнаружила в них ряд неточностей, а 20 октября Н. Е. Лещинский подал заявление о снятии его кандидатуры «ввиду болезни» [31, л. 8 об–9, 13; 32, л. 7]. Налицо одновременное участие оборонцев и интернационалистов в выборах, конкуренция разных течений меньшевиков в рамках одной кампании. Объясняется это тем, что с сентября 1917 г. в Крыму оба этих направления отмежевались друг от друга [14, с. 122].

Таблица 1.

Результаты выборов в Учредительное собрание по Черноморско-флотскому округу и Севастопольскому району [31, л. 40 об, 42 об; 32, л. 10 об.].

	Избирательный округ в целом		Севастопольский избирательный район	
	голоса	%	голоса	%
Участвовало в выборах	56086	100	39198	100
И. И. Фундаминский (ПСР)	22257	39,7	17118	43,7
К. П. Величко (УПСР)	12395	23,0	9611	24,5
Н. И. Островская (РСДРП(б))	10786	19,2	7054	18,0
М. Н. Ермолин	4775	8,5	1610	4,1
Н. Л. Канторович	1943	3,5	1159	3,0
Недействительные голоса	3430	6,1	2646	6,7
Из них за А. В. Колчака	1952	3,5	1597	4,1

В целом и М. Н. Ермолин, и особенно Н. Л. Канторович добились скромных результатов, серьезно уступив своим конкурентам как в Севастополе, так и в целом по избирательному округу (см. табл. 1). Интересно отметить, что Н. Л. Канторович набрал голосов примерно столько же, сколько было у А. В. Колчака (кандидатуры, которая была не допущена до выборов, но за нее велось протестное голосование).

В 1917 г. в севастопольской организации РСДРП(о) видную роль играли несколько политиков. Прежде всего, выделим неоднократно ранее упомянутого Н. Л. Канторовича – врача по профессии, участника социал-демократического движения еще с конца XIX в., одного из руководителей Севастопольского восстания 1905 г. После его подавления Н. Л. Канторович был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением, которое он отбывал в Шлиссельбургской крепости. Заключенный был освобожден революцией 1917 г. и, вернувшись в родной город, продолжил вести активную политическую жизнь. По своим взглядам Н. Л. Канторович был правым меньшевиком-оборонцем [14, с. 85]. Офицер А. И. Верховский оставил такое описание этого политика: «Канторовичу было около сорока лет, и среди молодежи, сгруппировавшейся вокруг Совета, он со своей полуседой бородой и морщинами на лбу казался патриархом. Его авторитет был огромен...» [8, с. 188]. Поэтому, по воспоминаниям В. К. Жукова, «уважаемый всеми шлиссельбуржец» занял посты почетного председателя севастопольской организации РСДРП(о) и почетного члена президиума исполкома Севастопольского совета, был избран делегатом на I Всероссийский съезд Советов [13, с. 71]. Н. А. Борисов также вспоминал о нем: «Формально, лидером организации являлся Канторович, имевший громадную популярность в городе. ... Этот честный и довольно революционно настроенный товарищ, однако, не являлся ярким политическим работником, не имел своей линии и организацией не руководил» [35, л. 11].

Другим видным лидером меньшевиков был редактор газеты «Известия Севастопольского совета» М. А. Пескин. Н. А. Борисов, сравнивая его с Н. Л. Канторовичем, писал: «Гораздо определеннее и тверже был Пескин, постепенно из интернационалиста превратившийся в ярого оборонца...» [35, л. 11]. Член Севастопольского совета и редколлегии «Известий...» М. М. Заславская вспоминала о М. А. Пескине: весной – в начале лета 1917 г. «он пользовался большим авторитетом среди товарищей и, несмотря на некоторые недостатки его речи, ему все-таки дружно хлопали при его выступлениях. И даже тогда, когда настроение масс было направлено в противоположную сторону, отношение к Пескину было довольно хорошим» [34, л. 2–2 об]. Иной, негативный, даже уничижительный, взгляд на эту личность сложился у В. К. Жукова: «Плохо владевший русской речью, говоривший с еврейским акцентом, отчего очень проигрывал у антисемитски настроенных матросов-украинцев» [13, с. 70–71].

О взглядах М. А. Пескина позволяет составить представление его выступление на заседании Севастопольского совета 17 октября 1917 г., когда обсуждался вопрос о предстоящем II Всероссийском съезде Советов. М. А. Пескин выступил против передачи власти советам, т. к. это приведет к тому, что нарушится единство революционной демократии, а советы будут поставлены «против огромного

большинства народа». Съезд советов он назвал «высшим органом революции», который должен не брать власть, а сплотить «расстроенные силы демократии». Это позволит оказывать давление на Временное правительство, заставляя его исполнить все, что нужно «в интересах революции» [20, с. 144].

В. К. Жуков называет «видным лидером» севастопольских меньшевиков моряка А. К. Соболева (в источнике он назван гардемарин), занимавшего летом 1917 г. пост председателя комитета. Причем мемуарист пишет, что личность А. К. Соболева не пользовалась в городе большой популярностью: «...его, как моряка, недолюбливали рабочие-меньшевики, а как меньшевика – не любили матросы». [13, с. 70]. По взглядам он был оборонцем, поддерживая в этом направлении М. А. Пескина [35, л. 11]. На съезде социал-демократов (меньшевиков) в августе 1917 г. А. К. Соболев был единственным делегатом-моряком [42, с. 315].

Еще одним влиятельным политиком-меньшевиком в городе Севастополе был приезжий Н. А. Борисов – генеральный комиссар Черноморского флота, а после отставки с этого поста – помощник генкомиссара. Свою деятельность в 1917 г. в Крыму он отразил в неопубликованных мемуарах [см. подробнее: 23]. Во время своего пребывания в Севастополе Н. А. Борисов был по политическим взглядам меньшевиком-интернационалистом, членом РСДРП(о), хотя ранее он стоял на большевистских позициях [35, л. 1 об, 4 об]. Впервые он посетил Севастополь в составе правительственной комиссии, приехавшей расследовать обстоятельства выступления моряков Черноморского флота против А. В. Колчака. Члены этой комиссии, Н. А. Борисов и эсер И. И. Фундаминский (Бунаков) привлекли к себе особое внимание севастопольских эсдеков и эсеров. «В глазах местных организаций они являлись выразителями политики центральных органов и, кроме того, привлекали тем, что за короткое пребывание в Севастополе, в качестве членов правительственной комиссии, успели приобрести известный авторитет популярность среди черноморцев как представители центра и как красноречивые ораторы» – вспоминал В. К. Жуков. По мнению этого мемуариста, Н. А. Борисов уже с первых дней своего пребывания в Севастополе фактически возглавлял организацию социал-демократов объединенных [13, с. 70]. Сам Н. А. Борисов этого в воспоминаниях не отражает. Вернувшись 13 июля 1917 г. в Севастополь в качестве комиссара, он совмещал работу на этом посту с политической деятельностью. Противостояние с командным составом и ряд интриг привели к его отставке. Место комиссара занял вышеупомянутый И. И. Фундаминский, Н. А. Борисов стал его помощником и, по собственному признанию, «получил большую возможность заняться чисто партийной работой» [35, л. 10 об].

В. К. Жуков указывал, что «во флоте Н. А. Борисов повел также умелую политику, примкнув своевременно к левым течениям. Чуждый техническим и военным интересам флота, он все же приобрел популярность среди матросских масс, сумев подойти к их запросам» [13, с. 71]. Сам бывший комиссар, говоря о своей компетентности в военно-морских делах, откровенно написал: «Сам я никогда моряком не был и только по окончании университета 3 мес. прослужил в автомобильной роте в Ревеле» [35, л. 11 об].

Севастопольская организация РСДРП(о) имела свою газету «Прибой». Издание стояло на позициях «более-менее ортодоксального меньшевизма» [14, с. 122]. У них также была возможность использовать официальный орган совета. В течение примерно полугода редактором «Известий Севастопольского совета» был М. А. Пескин. Члены редакции вспоминали о том, что он использовал свое положение в политических целях. М. М. Заславская: «Как редактор, он постоянно помещал статьи, взгляды которых были характерны для меньшевистской организации» [34, л. 2]. В. К. Жуков обвинил М. А. Пескина в том, что он искажал даже те немногочисленные материалы, которые большевики передавали для публикации, а иногда просто отправлял их в редакционную корзину. Закончилось это для редактора плохо – команда эсминца «Гаджибей», «не нашедшая своей резолюции в газете, едва не расправилась самосудом с Пескиным, после чего он официально выбыл из редакции» [13, с. 108]. На страницах «Известий Севастопольского совета» нашли свое отражение следы этого конфликта. 21 ноября в газете появилось сообщение о преследовании редактора, а 26 ноября было опубликовано письмо М. А. Пескина (датированное 23 ноября): «Разрешите донести до сведений читателей, что я выбыл из состава редакции...» [24].

Для изучения политической направленности «Известий Севастопольского совета» нами был использован тематический контент-анализ. Единицей анализа была выбрана газетная статья (исключены из подсчета объявления о митингах и собраниях). Исследование охватило период с июля по ноябрь 1917 г. Был произведен подсчет информационных единиц, посвященных меньшевикам, материалы были разделены на две подгруппы (выражение позитивного или негативного отношения). Использовалась выборка – изучался каждый нечетный номер с июля по ноябрь 1917 г. Всего изучен 61 номер. В выборочную совокупность попало разное количество выпусков газеты за каждый месяц, поэтому наряду с абсолютным показателем частоты упоминаний мы использовали относительный – среднее количество статей в каждом номере в месяц.

Таблица 2.

Отношение к партии меньшевиков на страницах «Известий Севастопольского совета», июль – ноябрь 1917 г.

месяц	июль		август		сентябрь		октябрь		ноябрь	
кол-во номеров	13		12		11		13		12	
показатели	А	С	А	С	А	С	А	С	А	С
положительное	25	1,92	1	0,08	2	0,18	16	1,23	15	1,25
отрицательное	0	0	0	0	0	0	1	0,08	12	1,0

А – абсолютный показатель (частота упоминаний)

С – среднее количество посвященных меньшевикам статей в номере

Проведенное исследование показывает, что существует два пика публикации в газете меньшевистских материалов. Июль 1917 г. – выборы в гордуму Севастополя,

во время которых организация объединенных эсдеков использовала газету для агитации. Октябрь – ноябрь 1917 г. – приход к власти советского правительства, выборы в Учредительное собрание, обострение политической борьбы в Севастополе. Отметим, что в ноябре, помимо позитивных материалов, выделяется и рост критического контента в адрес меньшевиков. В то же время за август – сентябрь материалов, относящихся непосредственно к меньшевикам, практически нет.

Таким образом, меньшевистская тематика на страницах «Известий Севастопольского совета» была весьма представительна в отдельные периоды, что связано и с той ролью, которую умеренные социал-демократы играли в совете, и с действиями главного редактора. В то же время, глядя на результаты контент-анализа, нельзя сказать, что М. А. Пескин чрезмерно злоупотреблял своими должностными полномочиями, как может показаться из сведений процитированных выше мемуаров.

В советской историографии при описании политической обстановки в Севастополе в 1917 г. зачастую деятельность эсеров и меньшевиков не разграничивалась. Уместно в этой связи задать вопрос – а так ли были едины позиции двух этих партийных организаций в Севастополе в 1917 г., учитывая разницу в их программах и идеологиях, тактике действий, социальной опоре? Мемуары Н. А. Борисова позволяют ответить на этот вопрос. Бывший комиссар писал, что «севастопольские меньшевики резко отмежевывались от эсеров и высмеивали головокружительный рост их организации. ... Только в последующей борьбе с большевиками создался блок эсеров и меньшевиков». Из анализа сведений мемуаров следует, что еще одним фактором, позволившим сформировать «единый фронт», стало сближение политических позиций севастопольских эсеров и объединенных эсдеков. Настроения социалистов-революционеров качнулись влево (весной 1917 г. они «были необычайно правонастроены»), организация меньшевиков, напротив, поправила. Временем складывания блока Н. А. Борисов называет вторую половину лета 1917 г. [35, л. 2, 5, 10 об–11 об]

Сами севастопольские меньшевики придерживались разных политических направлений. В рядах организации была группа оборонцев (во главе с М. А. Пескиным и А. К. Соболевым). Интернационалистом являлся Н. А. Борисов. На крайне левом фланге организации были те ее члены, взгляды которых соответствовали такому течению, как межрайонцы. К их числу относился один из немногих севастопольских офицеров-меньшевиков – начальник Качинской воздухоплавательной школы капитан К. М. Богдановский, а также рабочий Ляшко [35, л. 11]. На заседании Севастопольского совета 17 октября, где обсуждали посылку делегатов на II Всероссийский съезд Советов, К. М. Богдановский выступал от имени меньшинства фракции социал-демократов (объединенных), предложивших свою резолюцию, отличную от мнения большинства коллег по фракции [20, с. 145]. Стоит отметить, что твердого единства среди севастопольских меньшевиков не наблюдалось. Разные течения иногда действовали сепаратно. Но общую тенденцию развития политического лица организации объединенных эсдеков во второй половине 1917 г. Н. А. Борисов обрисовал таким словами: «Постепенно организация становилась все правее и правее» [35, л. 11 об].

Подводя итоги, отметим, что организация РСДРП(о) играла заметную политическую роль в жизни Севастополя в 1917 г. В ее рядах был ряд заметных лидеров, ее члены входили во все значительные выборные органы власти и занимали важные посты. Весной – летом революционного года РСДРП(о) была второй политической силой в городе, уступая по влиятельности только эсерам. Однако затем меньшевиков удалось потеснить и большевикам, и националистам. В то же время социальная база партии в Севастополе была ограничена, парторганизация была относительно немногочисленной. Сведения советских авторов об очень большой численности меньшевиков и их исключительном влиянии представляются преувеличенными.

Список использованных источников и литературы

1. 5 кооптированных членов-специалистов (в Совет) // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 3 августа. № 64. С. 3.
- 5 kooptirovannyh chlenov-specialistov (v Sovet) // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 3 avgusta. № 64. S. 3.
2. Болгари П. П., Любчиков М. А. Под красными вымпелами. Об участии моряков-черноморцев в борьбе за победу и укрепление власти Советов на Украине. Киев: Политиздат Украины, 1976. 176 с.
- Bolgari P. P., Ljubchikov M. A. Pod krasnymi vypnelami. Ob uchastii morjakov-chernomorcev v bor'be za pobedu i ukreplenie vlasti Sovetov na Ukraine. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1976. 176 s.
3. Бунегин М. Ф. Революция и Гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь: Крымгосиздат, 1927. 336 с.
- Bunegin M. F. Revoljucija i Grazhdanskaja vojna v Krymu (1917–1920 gg.). Simferopol': Krymgosizdat, 1927. 336 s.
4. В Совете военных и рабочих депутатов // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 15 июля. № 48. С. 2.
- V Sovete voennyh i rabochih deputatov // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 15 ijulja. № 48. S. 2.
5. В Совете военных и рабочих депутатов // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 18 октября. № 125. С. 2.
- V Sovete voennyh i rabochih deputatov // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 18 oktjabrja. № 125. S. 2.
6. В Совете военных и рабочих депутатов // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 19 октября. № 126. С. 3.
- V Sovete voennyh i rabochih deputatov // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 19 oktjabrja. № 126. S. 3.
7. В Совете военных и рабочих депутатов // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 22 октября. № 129. С. 3.
- V Sovete voennyh i rabochih deputatov // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 22 oktjabrja. № 129. S. 3.
8. Верховский А. И. На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. 448 с.
- Verhovskij A. I. Na trudnom perevale. M.: Voenizdat, 1959. 448 s.
9. Волошинов Л. И. Октябрь в Крыму и Северной Таврии. Симферополь: Крымиздат, 1960. 136 с.
- Voloshinov L. I. Oktjabr' v Krymu i Severnoj Tavrii. Simferopol': Krymizdat, 1960. 136 s.
10. Гавен Ю. Возникновение крымской организации Р.К.П. (большевиков) // Революция в Крыму. Симферополь: издание испарта, 1923. № 2. С. 5–15.
- Gaven Ju. Vozniknovenie krymskoj organizacii R.K.P. (bol'shevikov) // Revoljucija v Krymu. Simferopol': izdanie istparta, 1923. № 2. S. 5–15.
11. Гавен Ю. Октябрь в Крыму // Революция в Крыму. Симферополь: Крымиздат, 1922. № 1. С. 5–24.
- Gaven Ju. Oktjabr' v Krymu // Revoljucija v Krymu. Simferopol': Krymizdat, 1922. № 1. S. 5–24.
12. Гречанюк Н. М., Попов П. И. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь: Крымиздат, 1957. 136 с.

- Grechanjuk N. M., Popov P. I. Morjaki Chernomorskogo flota v bor'be za vlast' Sovetov. Simferopol': Krymizdat, 1957. 136 s.
13. Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М.: Молодая Гвардия, 1931. 304 с.
- Zhukov V. K. Chernomorskij flot v revoljucii 1917–1918 gg. M.: Molodaja Gvardija, 1931. 304 s.
14. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: АнтикВА, 2008. 728 с.
- Zarubin A. G., Zarubin V. G. Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu. Simferopol': AntikvA, 2008. 728 s.
15. Королев В. И. Первые шаги крымской социал-демократии: типичное и особенное // Историческое наследие Крыма. 2007. № 19. С. 151–154.
- Koroljov V. I. Pervye shagi krymskoj social-demokratii: tipichnoe i osobennoe // Istoricheskoe nasledie Kryma. 2007. № 19. S. 151–154.
16. Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. Симферополь: Таврия, 2002. 192 с.
- Koroljov V. I. Politicheskie partii Ukrainy i Kryma. Istorija i sovremennost'. Simferopol': Tavrija, 2002. 192 s.
17. Крестьянников В. В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое: научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 177–199.
- Krest'jannikov V. V. Demokratizacija Chernomorskogo flota v 1917 g. i sobytija 23 fevralja 1918 g. v Sevastopole // Sevastopol': vzgljad v proshloe: nauchnye stat'i sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja. Sevastopol': ChP Aref'ev, 2006. S. 177–199.
18. Крымский вестник. 1917. 31 марта. № 80.
- Krymskij vestnik. 1917. 31 marta. № 80.
19. Культурно-просветительная комиссия // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 25 октября. № 131. С. 3.
- Kul'turno-prosvetitel'naja komissija // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 25 oktjabrja. № 131. S. 3.
20. Материалы по истории революции в Крыму // Революция в Крыму. Симферополь: издание испарта, 1923. № 2. С. 143–153.
- Materialy po istorii revoljucii v Krymu // Revoljucija v Krymu. Simferopol': izdanie istparta, 1923. № 2. S. 143–153.
21. О кандидатуре Ермолина // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 22 октября. № 129. С. 4.
- O kandidature Ermolina // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 22 oktjabrja. № 129. S. 4.
22. Павленко А. П. Борьба за умы личного состава в 1917 г.: лекции офицеров Черноморского флота для матросов и солдат (документы РГАВМФ) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. Вып. 15. С. 420–430.
- Pavlenko A. P. Bor'ba za umy lichnogo sostava v 1917 g.: lekcii oficerov Chernomorskogo flota dlja matrosov i soldat (dokumenty RGAVMF) // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2015. Vyp. 15. S. 420–430.
23. Павленко А. П. Мемуары комиссара Н. А. Борисова как источник по истории Черноморского флота в 1917 г. // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв. Материалы международной научной конференции. Саратов: ИЦ «Амирит», 2016. С. 34–39.
- Pavlenko A. P. Memuary komissara N.A. Borisova kak istochnik po istorii Chernomorskogo flota v 1917 g. // Rossiya – SSSR – RF v uslovijah reform i revoljucij. XX–XXI vv. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Saratov: IC «Amirit», 2016. S. 34–39.
24. Письмо // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 26 ноября. № 157. С. 4.
- Pis'mo // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 26 nojabrja. № 157. S. 4.
25. Платонов А. П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л.: Редакционно-издательский отдел морского ведомства, 1925. 96 с.

Platonov A. P. Chernomorskiy flot v revoljucii 1917 g. i admiral Kolchak. L.: Redakcionno-izdatel'skij otдел morskogo vedomstva, 1925. 96 s.

26. Победа социалистов в Балаклаве // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 18 июля. № 50. С. 3.

Pobeda socialistov v Balaklave // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 18 ijulja. № 50. S. 3.

27. РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 921.

RGAVMF. F. 609. Op. 2. D. 921.

28. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 10.

RGAVMF. F. R-181. Op. 1. D. 10.

29. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15.

RGAVMF. F. R-181. Op. 1. D. 15.

30. РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 32.

RGAVMF. F. R-181. Op. 1. D. 32.

31. РГАВМФ. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 1.

RGAVMF. F. R-2110. Op. 1. D. 1.

32. РГАВМФ. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 2.

RGAVMF. F. R-2110. Op. 1. D. 2.

33. РГАВМФ. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 13.

RGAVMF. F. R-2110. Op. 1. D. 13.

34. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 497.

RGASPI. F. 70. Op. 3. D. 497.

35. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 795.

RGASPI. F. 70. Op. 3. D. 795.

36. Результаты голосования в городскую думу // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 19 июля. № 51. С. 4.

Rezul'taty golosovaniya v gorodskuju dumu // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 19 ijulja. № 51. S. 4.

37. Рерберг Ф. П. Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте / Публ. А. В. Ганина // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 59–65.

Rerberg F. P. Vice-admiral Kolchak na Chernomorskom flote / Publ. A. V. Ganina // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2008. № 12. S. 59–65.

38. Семин Г. И. Севастополь. Исторический очерк. М.: Воениздат, 1955. 552 с.

Semin G. I. Sevastopol'. Istoricheskij ocherk. M.: Voenizdat, 1955. 552 s.

39. Сирченко И. Т. Выполняя приказ В. И. Ленина... (потопление Черноморского флота в 1918 г.). М.: Мысль, 1979. 280 с.

Sirchenko I. T. Vypolnjaja prikaz V. I. Lenina... (potoplenie Chernomorskogo flota v 1918 g.). M.: Mysl', 1979. 280 s.

40. Совет военных и рабочих депутатов // Известия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. 1917. 13 июля. № 46. С. 4.

Sovet voennyh i rabochih deputatov // Izvestija Sevastopol'skogo soveta voennyh i rabochih deputatov. 1917. 13 ijulja. № 46. S. 4.

41. Социал-демократические клубы // Известия Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 4 июля. № 38. С. 4.

Social-demokraticheskie kluby // Izvestija Sevastopol'skogo soveta deputatov armii, flota i rabochih. 1917. 4 ijulja. № 38. S. 4.

42. Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М.: Наука, 1971. 488 с.

Hesin S. S. Oktjabr'skaja revoljucija i flot. M.: Nauka, 1971. 488 s.

43. Широков В. А. Бурям навстречу. Киев: Изд-во политической литературы, 1987. 196 с.

Shirokov V. A. Burjam navstrechu. Kiev: Izd-vo politicheskoy literatury, 1987. 196 s.

Pavlenko A. P. The Sevastopol Mensheviks in 1917.

The article considers the history of the Sevastopol organization of the Russian Social-Democratic Labor Party (united) in 1917. Describes the leaders of the organization, its strength and degree of influence, the work of the Mensheviks in the authorities and their participation in election campaigns (elections to the Constituent Assembly, the Sevastopol Council and the City Duma). The source base of the research is made up of memoirs, materials of periodicals and clerical document. It is concluded that the Sevastopol organization of the Mensheviks played an important political role in the life of the city in 1917. In its ranks there were a number of notable

leaders (N. A. Borisov, N. L. Kantorovich, M. A. Peskin, A. K. Sobolev, and others), its members were included in all significant elective authorities and held important posts. During the spring and summer of 1917, the RSDLP (United) was the second political force in the city. However, later the Mensheviks surrendered their political positions, they were succeeded in pressing both the Bolsheviks and the nationalists. At the same time, the social base of the party in Sevastopol was limited (mainly by the working class), the organization of the Mensheviks, contrary to the opinion prevailing in historiography, was relatively small.

Keywords: Revolution of 1917, Sevastopol, Russian Social-Democratic Labor Party (united), Mensheviks, Black Sea Navy.

УДК 94 (47)“18-19”[411.16]

**ПРОБЛЕМА ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМОВ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ТАВРИДА»)¹**

Прохоров Д. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,

Симферополь, Российская Федерация

E-mail: prohorov1da@yandex.ru

Рассмотрены вопросы, связанные с формированием в российском обществе конца XIX – начала XX века общественного мнения относительно проблемы еврейских погромов и отношения к самим евреям, освещением этих процессов в официальной прессе, а также принятием властями мер в сфере еврейского законодательства. Некоторые из документов ранее не попадали в поле зрения специалистов и впервые вводятся в научный оборот. В частности, выяснено, что проблема еврейских погромов, происходивших в южных губерниях Российской империи в начале 1880-х гг. и в 1905 г., нашла свое отражение на страницах периодической печати Таврической губернии. В этот же период наиболее заметной становится и поляризация общественного мнения. Например, в «Тавриде», одной из первых частных газет, издававшихся в регионе, были размещены статьи и заметки представителей интеллектуальной элиты губернии, в которых широко освещался данный вопрос, подвергались острой критике действия центральных органов власти по предупреждению беспорядков и, напротив, подчеркивалась роль местного губернского начальства по недопущению еврейских погромов. Публицистические произведения корреспондентов «Тавриды» являются ценным источником по изучению указанной темы.

Ключевые слова: евреи, еврейские погромы, антисемитизм, Таврическая губерния, периодическая печать.

История еврейских погромов, происходивших на Юге России в конце XIX – начале XX вв., получила освещение в публикациях И. С. Клейнершехта, В. И. Королева, В. В. Шполянского, В. В. Голубенко, А. М. Буровского, В. Г. Зарубина, В. Н. Кудряшева, А. А. Кохана, А. Безарова, М. Аронсона и др. [1–11]. В трудах вышеперечисленных авторов на основе архивных данных и многочисленных документальных свидетельств реконструированы многие эпизоды антиеврейских выступлений, вылившихся в итоге в погромное движение. Тем не менее некоторые аспекты данной проблемы остались вне поля зрения исследователей. Целью предлагаемой статьи является анализ материалов периодической печати Таврической губернии, которые связаны с формированием в российском обществе конца XIX – начала XX в. общественного мнения о евреях, а также освещение в них резонансных событий, вызванных ростом ксенофобской реакции и антиеврейских настроений в российском социуме на рубеже веков. Часть из этих материалов вводится в научный оборот впервые.

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

Кризис внутренней политики в отношении еврейского населения России, а также последовавшее в 1881 г. убийство народовольцами императора Александра II привели к тому, что по южным и юго-западным регионам страны прокатилась массовая волна погромов. Вызваны они были недовольством местного населения еврейским присутствием, а также распространявшимися слухами о том, что убийство царя якобы было инспирировано евреями. Антиеврейские настроения подогревались высказываниями ряда официальных лиц (например, министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и др.), а также публикациями некоторых органов периодической печати различных направлений, утверждавших, что погромы происходят из-за «вредной» экономической деятельности евреев.

Например, во всеподданнейшем докладе от 21 августа 1881 г. графа Н. П. Игнатьева (утвержденном императором Александром III на следующий день, 22 августа 1881 г.) министр, в частности, заявил, что «главная причина столь несвойственного русскому народу движения <погромов> заключается в обстоятельствах, имеющих исключительно экономический характер». Свою позицию Н. П. Игнатьев аргументировал тем, что, по его убеждению, «евреи за последние 20 лет мало-помалу захватили в свои руки не только торговлю и промыслы, но приобрели посредством купли и арендования значительную поземельную собственность, причем благодаря своей сплоченности и солидарности они, за немногими исключениями, направили все свои усилия не к увеличению производительных сил государства, а к эксплуатации коренных жителей и преимущественно беднейших классов населения, чем и вызвали с его стороны протест, высказавшийся в прискорбной форме – в насилиях». Этот документ фактически стал началом пересмотра законодательства о евреях с последующим его ужесточением и принятием против еврейского населения России репрессивных мер [12, с. 292].

Тем не менее администрация на местах старались по мере сил предотвращать конфликты, возникавшие на этнической и религиозной почве. После еврейских погромов, которые произошли в городах Юга России, на страницах газет, печатавшихся в Таврической губернии, был опубликован приказ таврического генерал-губернатора А. А. Кавелина о недопустимости преследования лиц еврейской национальности по этническому признаку. «Всем верноподданным государя, – говорилось в этом документе, – следует помнить, что для русского царя равно дорог русский, еврей, немец или татарин; все они подданные одного царя, все они жители России, и все пользуются одинаковым покровительством закона <...> Всякое насилие против евреев или кого бы то ни было преследуется законом самым строгим образом, так как никому не предоставлено законом права распоряжаться по своему усмотрению, а тем менее прибегать к саморасправству и насилию» [13]. А. А. Кавелиным предписывалось на сельских и мещанских сходах разъяснять населению губернии смысл данного приказа. В мае 1881 г. в симферопольской газете «Таврида» (редактором которой состоял известный караимский просветитель И. И. Казас, а издателем – мелитопольский купец еврей С. М. Спиро) было напечатано обращение протоиерея С. Кучеревского, произнесенное им на собрании 51-го Литовского пехотного полка, расквартированного в Симферополе, с призывом

о поддержании порядка и о недопущении еврейских погромов. В частности, православный священнослужитель, обращаясь к присутствовавшим, констатировал, что сложившаяся критическая ситуация в Киевской, Черниговской, Полтавской и Херсонской губерниях не могла не вызывать тревогу, особенно в связи с активно циркулировавшими слухами о готовящемся еврейском погроме в Симферополе. С. Кучеровский с горечью замечал, что начавшиеся «неистовства и грабеж еврейского имущества, к совершению которого подстрекателями простого народа являются такие же темные личности, как и в совершении Цареубийства», нарушили мирное течение жизни в регионе, что в итоге привело к человеческим жертвам. «Нельзя без грустного чувства слышать и читать рассказы очевидцев о дикостях и неистовстве жалкой ослепленной толпы, опозорившей пред лицом всего образованного света доброе русское имя теми буйными сценами, которые произошли на юге Богохранимой России», – заметил протоиерей. По его личному убеждению, в создавшейся ситуации «звери дикие не ведут между собою такой ожесточенной вражды, какую вздумал вести подстрекаемый богоотступниками, всегда прежде добрый, ласковый, гостеприимный, простой народ русский со своими же соотечественниками». О серьезности угрозы погромов и их предполагаемом масштабе могут свидетельствовать слова, сказанные протоиереем в заключении проповеди. В связи с потенциальной опасностью антиеврейских беспорядков в Таврической губернии С. Кучеровский обращался к военным служащим с призывом не допустить погромов, напомнив о безусловном повиновении начальству, «хотя бы это сопряжено было с пожертвованием даже и собственной жизни» [14].

Еврейские погромы, происходившие в Елизаветграде и Киеве (отметим, что власти смогли подавить вспыхнувшие беспорядки лишь в 1882 г.), серьезно обеспокоили еврейское население Мелитопольского уезда, которое тоже едва не стало жертвой погромщиков. За несколько дней до православного праздника Троицы, отмечавшегося 3 мая 1881 г., по городу распространился слух о том, что «будут бить жидов». Как сообщала пресса, из некоторых населенных пунктов округа «понаехали бабы и девки к готовившейся дешевой распродаже мануфактурных изделий», а из близлежащих деревень даже явилось около тысячи человек поглазеть на происходящее, однако полиция пресекла их попытку проникнуть в город [15]. Некоторые предусмотрительные жители даже вынуждены были покинуть город вместе со своими семьями и имуществом, чтобы избежать опасности. Среди горожан имели хождение так называемые подметные письма, в которых утверждалось, что погром якобы начнется в субботу, 3 мая. Тем не менее меры, предпринятые местной полицией, позволили взять ситуацию в городе под контроль: по распоряжению полицмейстера были закрыты все увеселительные, торговые и питейные заведения. На улицах были размещены пикеты, состоявшие из полицейских и нижних воинских чинов; «к 2–3 часам дня на улицах появилась масса разного народа, стоявшего кучками <...> малейший шум где-либо привлекал к месту происшествия огромную толпу народа, к счастью, трезвого и потому спокойного» [15]. Помимо всего прочего, известие о прибытии из губернской столицы двух рот солдат заметно охладило пыл потенциальных погромщиков. Хотя

4 мая в городе все же произошло несколько небольших стычек, они не смогли послужить поводом для более масштабных беспорядков.

В июне 1881 г. в «Тавриде» было опубликовано письмо члена мелитопольской еврейской общины Моисея Лившица, в которой автор от имени евреев-жителей местечка Васильевки Мелитопольского уезда выражал «искреннюю благодарность и вечную признательность» православному причту в лице священнослужителей о. Гавриила Хорошилова и о. Ивана Станиславского за спасение от вероятного погрома. Как сообщал М. Лившиц, представители православного духовенства «путем слова и увещаний в церкви и вне оной удержали народ от того гнусного преступления, насилия и грабежа, совершившегося вокруг нас над нашими единоверцами», и подчеркнул, что их спасители по достоинству носят звание духовных отцов и пастырей церкви [16].

Однако не всем евреям Таврической губернии удалось избежать опасности. О катастрофических последствиях погрома в Орехове читателям крымских газет стало известно в июне 1881 г. Антиеврейские беспорядки начались в ночь с 4 на 5 мая 1881 г. и продолжились до полудня следующего дня. Ночному нападению в своих домах подверглись более 120 семей евреев, члены которых после бесчинств грабителей остались без крова, хлеба и одежды. В ходе беспорядков, учиненных в городе, «грабители расхитили имущество, уничтожили все до последней нитки; что только попадало им в руки, уничтожалось или увозилось; дома разорили так, что буквально камня на камне не оставили; были даже посягательства на личность». Спасавшиеся от погрома евреи были вынуждены искать защиты у городских властей, которым удалось разместить пострадавших в сараях и под навесами городской управы. Городская дума Орехова смогла выделить лишь 250 руб. на помощь обездоленным людям; еще 600 руб. было собрано жителями Токмака [17]. Тем не менее этой суммы было явно недостаточно, поэтому на страницах газет печатались призывы об оказании помощи людям, попавшим в беду.

Так, газетой «Таврида» было опубликовано «Воззвание», адресованное учащейся еврейской молодежи Таврической губернии с тем, чтобы ее представители организовывали спектакли, концерты, литературные вечера, а средства от их проведения передавали пострадавшим от еврейских погромов в Елизаветграде, Мелитополе, Орехове и других городах Юга России. «Русская, Моисеева закона, молодежь Таврической губернии! – говорилось в тексте воззвания. – Обращаемся к вам, силам лучшего еврейского будущего, зная хорошо, что все вы отзоветесь на призыв к благородному делу всем усердием, и, всякий на своем месте, будете собирать пожертвования в пользу обездоленных евреев, хотя сколько-нибудь помочь в их неимоверной беде» [17].

Любопытно то, как комментировали корреспонденты крымских газет те слухи, которые возникали относительно вероятности еврейских погромов в других городах губернии. Например, один из них был убежден, что «в Ялте нет и никогда не было людей, способных на такой безрассудный и ничем не вызываемый “подвиг”». Тем не менее обеспокоенные возможными беспорядками многие представители еврейской общины Ялты стали спешно приобретать в оружейных магазинах револьверы для самозащиты, несмотря на все уверения полиции о недопущении

возможного «избиения евреев» (хотя очевидно, что подобный необдуманный шаг мог спровоцировать еще более кровавые столкновения). Упорная молва все же твердила, что погром начнется 9 мая 1881 г. Очевидцы сообщали, что в этот день город неожиданно наполнился неизвестными лицами, приехавшими в Ялту под видом чернорабочих, причем внимание общественности и полиции акцентировалось на явно недоброжелательных намерениях прибывших. В свою очередь, местные полицейские чины держали ситуацию под контролем. Когда несколько человек из числа визитеров направились в винный магазин известного в Крыму купеческого семейства Бухштаб (родоначальник династии купец 2-й гильдии А. И. Бухштаб торговал винами из подвалов графа С. М. Воронцова), то хозяин сразу догадался о цели посещения непрошенными гостями и превентивно, «радушным образом предложил им несколько штофов водки и кое-чего для закуски», после чего полицейский пристав сумел увести мужчин из магазина, причем так «повел дело, что подобные визиты больше не повторялись» [18].

Хотя императора Александра III и министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева проблема погромов беспокоила, однако радикальных мер в этом направлении не предпринималось. Был лишь издан циркуляр, в котором всем губернаторам ставилась задача по предотвращению беспорядков. В 1881 г. циркуляром начальника Главного управления по делам печати (ГУДП) князя П. П. Вяземского цензорам местных газет предписывалось изымать из печати те материалы, в которых критиковались действия правительства, предпринимавшиеся властями в связи с еврейскими погромами [19, л. 1, 2], но тем не менее в прессе то и дело появлялись статьи, посвященные этой злободневной проблеме. Например, в мае 1881 г. в «Тавриде» была опубликована статья под заголовком «Кое-что об избиении евреев». Ее автор – общественный деятель и краевед А. Г. Завадовский был возмущен бездействием властей и полиции во время погромов и подчеркивал, что «еврейский народ составляет нацию, исповедующую религию, называемую Ветхим Заветом, вовсе не чуждым христианской религии». При этом автор делал вывод о том, что «наш простой народ этого не знает, он знает еврея под именем “жида”, который мучил Христа; к этому еще примешана нелепая басня, что богатая жидовка подкупила злодеев убить нашего Царя» и что якобы само правительство приказало «избивать и грабить жидов» [20]. Проблему частично могло решить прямое вмешательство высшей администрации, однако хотя император Александр III и принял в 1881 г. депутацию еврейских представителей, тем не менее выступить с публичным осуждением погромов он отказался.

Представители прогрессивно настроенной общественности, указывая на недопустимость погромов, отмечали, что «народная злоба и ожесточение, возникшие на почве экономических отношений, до тех пор не перестанут волновать общественное мнение, пока не будут совершенно устранены вызывающие их причины»; «за неприятием необходимых в этом отношении мероприятий процесс нарастания народного недовольства <...> выразится в чем-нибудь несравненно более грандиозном, чем все еврейские погромы, бывшие до сих пор» [21]. Наконец 22 августа 1881 г. императором Александром III было опубликовано «Высочайшее повеление», в котором говорилось о «ненормальном отношении между коренным

населением некоторых губерний и евреями». Документом предписывалось создать в губерниях «черты оседлости» – особые комиссии из представителей местных сословий и обществ под председательством губернаторов для изучения экономической деятельности евреев [8, с. 44]. В начале 1880-х гг. в ряде губерний (Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Харьковской, Черниговской и в Одесском градоначальстве) были организованы Комиссии по еврейскому вопросу, организацию которых инициировали в рамках деятельности «Высшей Комиссии для пересмотра действующих о евреях в империи законов», созданной в феврале 1883 г.

Одной из задач комиссий являлся сбор сведений о «нравственной и экономической деятельности евреев, вредно влияющей на быт коренного населения». Помимо всего прочего, членами комиссий были собраны статистические сведения о еврейском населении страны. Например, в Симферополе по данным, представленным симферопольским городским головой для Таврической комиссии по еврейскому вопросу, в 1880 г. в городах губернии проживало 15 787 мужчин и женщин еврейской национальности: в Перекопе и Армянском Базаре их насчитывалось 602 чел., в Керчи – 3136, в Симферополе – 2709; в Мелитополе – 2021, в Карасубазаре – 1618, в Орехове – 1058, в Феодосии – 541, в Бердянске – 1725; в остальных городах их число составляло от 13 до 786 чел. [22, с. 536]. При этом так называемых иностранных евреев (т. е. тех, кто имел иное, не российское подданство) насчитывалось 443 чел. Всего же в Таврической губернии проживало 25 083 еврея, из которых 7590 чел. имели определенные занятия, а остальные 17 493 чел., «исключая детей и неспособных к деятельности, помогали своим соплеменникам эксплуатировать коренное население»; среди основных занятий упоминалось ростовщичество, содержание публичных домов и питейная торговля (из 970 шинков и кабаков евреям принадлежало 690) [22, с. 526; 7, с. 40].

Тем не менее выявить более серьезные «преступления» евреев против русских жителей комиссии так и не смогли, при том что члены Таврической по еврейскому вопросу комиссии признавали факт недовольства населения экономической деятельностью евреев, однако даже ростовщичество, каким бы разорительным оно не являлось для населения губернии, не было признано самостоятельным видом эксплуатации ни в городах, ни в селах. «Религия и нравственность не нарушается евреями через услужение <христиан>», а «пьянству и распутству евреи не научат», – констатировали в своем заключении члены комиссии [22, с. 512, 514, 517]. В декабре 1888 г. Таврическая комиссия по еврейскому вопросу, выполнив свои функции, была распущена.

Авторы публицистических материалов, размещавшихся в органах периодической печати, справедливо замечали, что обвинять одних только евреев в эксплуатации и содержании питейных заведений нельзя. «Если содержание кабаков так безнравственно и опасно, – замечал один из корреспондентов “Тавриды”, – то при этой возможности, не чуждой никакой нации, является необходимость уничтожения кабаков повсеместно», а за отдельные недобросовестные поступки единиц обвинять всю нацию – по меньшей мере несправедливо [20]. «Оглянитесь

вокруг себя, – вопрошал другой автор. – Что вы видите? В самых коренных русских местностях, в восточной полосе России, где евреев нет, эксплуатация идет тем же порядком, если не хуже: те же кабаки, с тем же спаиванием русского мужика» [23]. То же касалось обвинений евреев в хищениях в сферах промышленности и торговли, а в качестве примера приводилась ситуация в российской провинции. «Припомните хорошенько обыкновенного нашего провинциального купчика: каков он собою? <...> Теория у него одна: как-нибудь сбыть все скверное, негодное, пользуясь незнанием покупателя, его доверием или просто наглым обманом» [23]. Негативное отношение к евреям было вызвано, по мнению корреспондентов крымских газет, прежде всего невежеством, этнической и религиозной нетерпимостью: «наибольшее презрение <к евреям> встречаешь в тех местностях, в тех обществах и, наконец, в тех субъектах, которые наименее знают еврея»; неуважение и неприязнь к этой нации, доходившие до крайних проявлений жестокости и злобы, основывалось на «предрассудках, дикой лжи и безобразных рассказах» [24].

На фоне ужесточения антисемитской политики и пропаганды, продолжившейся при императоре Николае II, в конце 1890-х – начале 1900-х гг. в России вновь произошли погромы, в том числе в самой Таврической губернии. Например, одним из проявлений ксенофобии и нетерпимости в обществе стали еврейские погромы в Мелитополе в апреле 1905 г., в Екатеринославе 20 июля 1905 г., в Керчи 31 июля 1905 г., в Симферополе в апреле и октябре 1905 г., одесский погром в октябре 1905 г., в ходе которого погибло более 300 евреев и т. д. [4, с. 148; 5, с. 168, 169; 26, с. 63; 3, с. 177–182; 25; 27]. Последствия этих беспорядков еще длительное время испытывало на себе все еврейское население региона.

3 мая 1882 г. правительством были разработаны «Временные правила» для евреев, которые создавались на основе рекомендаций губернских комиссий 1881 г. По «Временным правилам» евреям запрещалось: а) селиться в сельской местности, т. е. вне городов и местечек в черте оседлости; б) приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов и арендовать земельные угодья; в) торговать в воскресенье и в христианские праздники. Ограничения, распространявшиеся на пятнадцать губерний черты оседлости, не коснулись Царства Польского. И хотя эти правила назывались «временными», действовали они вплоть до 1917 г. [28, с. 181].

Таким образом, можно констатировать, что определенное место в органах периодической печати (как реакционного, так и либерального толка) было отведено проблеме еврейских погромов, происходивших в южных губерниях Российской империи в начале 1880-х гг. и в 1905 г.; в этот же период наиболее заметной становится и поляризация общественного мнения. Во многих российских печатных изданиях прогрессивной направленности антиеврейские настроения получают негативную оценку, а действия властей подвергаются резкой критике. Одним из таких передовых печатных органов в Таврической губернии стала газета «Таврида», издававшаяся И. И. Казасом и С. М. Спиро. По мнению А. Безарова, еврейские погромы поставили ассимилированную элиту российского еврейства (русско-еврейскую интеллигенцию) перед необходимостью выбора: либо измениться самим, либо погибнуть [2, с. 86]. Выходом в сложившейся ситуации для евреев стала необходимость революционных преобразований, которые позволили бы им сохранить свою этническую и конфессиональную идентичность. Именно в этой связи еврейский национализм (сионизм), а также участие евреев в российском революционном

**ПРОБЛЕМА ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМОВ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX ВЕКА)**

движении стали вполне прогнозируемым ответом в парадигме «свой – чужой», тем самым инициировав новые модели поведения русско-еврейской интеллигенции в условиях социально-экономического и политического кризиса в Российской империи в конце XIX в.

Список использованных источников и литературы

1. Буровский А. М. Еврейские погромы: скорбь по двойным стандартам / А. Буровский. – М: Яуза-пресс, 2011. – 316, [2] с.
Burovskij A. M. Evrejskie pogromy: skorb' po dvojnym standartam / A. Burovskij. – М: Jauza-press, 2011. – 316, [2] s.
2. Безаров А. Еврейские погромы 1881–1882 гг. в Российской империи и кризис революционного народничества // Труды по еврейской истории и культуре: Материалы XXI Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; [редкол.: Мочалова В. В. (отв. ред.) и др.]. Академическая серия: Вып. 50. – М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2014. – С. 86–96.
Bezarov A. Evrejskie pogromy 1881–1882 gg. v Rossijskoj imperii i krizis revolyucionnogo narodnichestva // Trudy po evrejskoj istorii i kulture: Materialy XXI Ezhegodnoj Mezhdunarodnoj Mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike / Centr nauchnyh rabotnikov i prepodavatelej iudaiki v vuzah «Sjefer»; [redkol.: Mochalova V. V. (otv. red.) i dr.]. Akademicheskaja serija: Vyp. 50. – М.: Centr nauchnyh rabotnikov i prepodavatelej iudaiki v vuzah «Sjefer», 2014. – S. 86–96.
3. Зарубин В. Г. Караимская община и еврейский погром в Симферополе в 1905 году // Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. Том II. Научные труды по иудаике. Под ред. Мочаловой В. В. и др. – М.: Центр науч. работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер», 2013. – С. 177–182.
Zarubin V. G. Karaimskaja obshhina i evrejskij pogrom v Simferopole v 1905 godu // Materialy XX Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike. Tom II. Nauchnye trudy po iudaike. Pod red. Mochalovoj V. V. i dr. – М.: Centr nauch. rabotnikov i prepodavatelej iudaiki v VUZah «Sjefer», 2013. – S. 177–182.
4. Клейнершехт И. С. Дело об октябрьском погроме в Симферополе. Судебный отчет. – Симферополь, 1907. – 131 с.
Klejnersheht I. S. Delo ob oktjabr'skom pogrome v Simferopole. Sudebnyj otchet. – Simferopol', 1907. – 131 s.
5. Королев В. И. Еврейский погром 1905 года в Симферополе // Культура народов Причерноморья. – 2004. – Т. 3. – С. 168–169.
Korolev V. I. Evrejskij pogrom 1905 goda v Simferopole // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2004. – T. 3. – S. 168–169.
6. Кудряшев В. Н. «Черный передел», «Народная воля» и еврейский вопрос: реакция русского народничества на еврейские погромы 1881 года // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 92–96.
Kudrjashev V. N. «Chernyj peredel», «Narodnaja volja» i evrejskij vopros: reakcija russkogo narodnichestva na evrejskie pogromy 1881 goda // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 349. – S. 92–96.
7. Шполянский В. В. Правовое положение евреев в Таврической губернии во второй половине XIX в. // Евреи Крыма: очерки истории. – Симферополь; Иерусалим, 1997. – С. 38–43.
Shpoljanskij V. V. Pravovoe polozhenie evreev v Tavricheskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX v. // Evrei Kryma: ocherki istorii. – Simferopol'; Ierusalim, 1997. – S. 38–43.
8. Шполянский В. В. О деятельности Комиссии по еврейскому вопросу в Крыму в 1881–1882 гг. // Евреи Крыма: очерки истории. – Симферополь; Иерусалим, 1997. – С. 48–51.
Shpoljanskij V. V. O dejatel'nosti Komissii po evrejskomu voprosu v Krymu v 1881–1882 gg. // Evrei Kryma: ocherki istorii. – Simferopol'; Ierusalim, 1997. – S. 48–51.
9. Голубенко В. В. О еврейских погромах // Евреи Крыма: очерки истории. – Симферополь; Иерусалим, 1997. – С. 67–70.
Golubenko V. V. O evrejskih pogromah // Evrei Kryma: ocherki istorii. – Simferopol'; Ierusalim, 1997. – S. 67–70.

10. Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921) / [И. Майкл Аронсон и др.]; под ред. Д. Клиера и Ш. Ламброзы; пер. с англ. В. Ванникова. – М.: Книжники, 2016. – 397, [1] с.
Pogromy v rossijskoj istorii Novogo vremeni (1881–1921) / [I. Majkl Aronson i dr.]; pod red. D. Kliera i Sh. Lambrozy; per. s angl. V. Vannikova. – М.: Knizhniki, 2016. – 397, [1] s.
11. Кохан А. А. Еврейские погромы 1905 года в Крыму и полиция // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 97. – С. 106–113.
Kohan A. A. Evrejskie pogromy 1905 goda v Krymu i policija // Kul'tura narodov Pri-chernomor'ja. – 2006. – № 97. – S. 106–113.
12. Гессен Ю. Жизнь евреев в России. – М.: Захаров, 2014. – 336 с.
Gessen Ju. Zhizn' evreev v Rossii. – М.: Zaharov, 2014. – 336 s.
13. Приказ г.[осподина] Таврического губернатора // Таврида. – 1881. – № 36. – 7 мая.
Prikaz g.[ospodina] Tavricheskogo gubernatora // Tavrida. – 1881. – № 36. – 7 maja.
14. Кучеревский [С.]. Слово, сказанное 17 мая в полковой церкви 51-го Литовского пехотного полка в Симферополе // Таврида. – 1881. – № 40. – 21 мая.
Kucherevskij [S.]. Slovo, skazannoe 17 maja v polkovoj cerkvi 51-go Litovskogo pehotnogo polka v Simferopole // Tavrida. – 1881. – № 40. – 21 maja.
15. Нам пишут. Из Мелитополя // Таврида. – 1881. – № 37. – 10 мая.
Nam pishut. Iz Melitopolja // Tavrida. – 1881. – № 37. – 10 maja.
16. Лившиц М. Письмо в редакцию // Таврида. – 1881. – № 46. – 11 июня.
Livshic M. Pis'mo v redakciju // Tavrida. – 1881. – № 46. – 11 ijunja.
17. Номо. Воззвание // Таврида. – 1881. – № 44. – 4 июня.
Nomo. Vozzvanie // Tavrida. – 1881. – № 44. – 4 ijunja.
18. Нам пишут. Из Ялты // Таврида. – 1881. – № 40. – 21 мая.
Nam pishut. Iz Jalty // Tavrida. – 1881. – № 40. – 21 maja.
19. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27564.
GARK. F. 26. Op. 1. D. 27564.
20. [Завадовский А. Г.] Кое-что об избении евреев // Таврида. – 1881. – № 42. – 28 мая. (издано под псевдонимом А. З.).
[Zavadovskij A. G.] Koe-chto ob izbienii evreev // Tavrida. – 1881. – № 42. – 28 maja. (izdano pod psevdonomim A. Z.).
21. [Казас И. И.] Народное недовольство против евреев... // Таврида. – 1881. – № 72. – 10 сентября.
[Kazas I.I.] Narodnoe nedovol'stvo protiv evreev... // Tavrida. – 1881. – № 72. – 10 sentjabrja.
22. Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу Ч. 2: Харьковская, Екатеринославская, Киевская, Таврическая, Волынская, Бессарабская, Полтавская, Херсонская, с Одесским градоначальством, и Подольская. – СПб., 1884. – X, 1242. – 127 с.
Trudy gubernskih komissij po evrejskomu voprosu Ch. 2: Har'kovskaja, Ekaterinoslavskaja, Kievskaja, Tavricheskaja, Volynskaja, Bessarabskaja, Poltavskaja, Hersonskaja, s Odesskim gradonachal'stvom, i Podol'skaja. – SPb., 1884. – X, 1242, 127 s.
23. Щира В. По поводу обвинений евреев в эксплуатации // Таврида. – 1881. – № 51. – 28 июня
Shhira V. Po povodu obvinenij evreev v jekspluatácii // Tavrida. – 1881. – № 51. – 28 ijunja.
24. Щира. Почему я презираю еврея? // Таврида. – 1881. – № 51. – 28 июня.
Shhira. Pochemu ja preziraju evreja? // Tavrida. – 1881. – № 51. – 28 ijunja.
25. [Зеленский Е. О.] Еврейские погромы. – [Женева]: изд. [и] тип. рев.-соц. группы «Свобода», 1903. – 64 с.
[Zelenskij E. O.] Evrejskie pogromy. – [Zheneva]: izd. [i] tip. rev.-soc. gruppy «Svoboda», 1903. – 64 s.
26. Одесский погром и самооборона; Изд-ие Западного Центрального комитета ПОАЛЭ-ЦИОН; impr. Ch. Noblet. – Paris, 1906. – [2], IV, 7–94 с.
Odesskij pogrom i samooborona; Izd-ie Zapadnogo Central'nogo komiteta POALE-CION; impr. Ch. Noblet. – Paris, 1906. – [2], IV, 7–94 s.
27. Еврейский погром в Екатеринославле. – [Б.м., 1905]. – 31 с.
Evrejskij pogrom v Ekaterinoslavle. – [B.m., 1905]. – 31 s.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – СПб., 1886. – Т. 2. 1882. – 1144 с.
Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3. – SPb., 1886. – T. 2. – 1882. – 1144 s.

Prokhorov D.A. The problem of Jewish «pogroms» in the Russian Empire and public opinion (on the material of the newspaper «Taurida»)

The article deals with issues related to the formation in the Russian society of the end of the 19th and the beginning of the 20th of public opinion on the problem of Jewish «pogroms» (an organized massacre of a particular ethnic group, in particular that of Jews in Russia), and attitudes toward the Jews themselves, the reflection of these processes in the official press, and the adoption by the authorities of measures in the field of Jewish legislation. Some of the documents previously did not fall into the field of view of specialists and were first introduced into scientific circulation. A certain place in the press (both reactionary and liberal) was assigned to Jewish «pogroms» that took place in the southern provinces of the Russian Empire in the late nineteenth and in 1905's. In the same period, the polarization of public opinion was most noticeable. In many progressive publications, «anti-Jewish» sentiments were given a negative evaluation, and the actions of the authorities were sharply criticized. One of such advanced printed organs in the Taurida governorate was the newspaper «Taurida».

The way out for the Jews in this situation was the need for revolutionary changes that would have allowed them to preserve their ethnic and confessional identity. It was in this connection that Jewish nationalism (Zionism), as well as the participation of Jews in the Russian revolutionary movement, became a fully predictable response in the «own–alien» paradigm, thereby initiating new models of the behavior of the Russian-Jewish intellectuals in the conditions of the socio-economic and political crisis in the Russian Empire in the late nineteenth.

Keywords: Jews, Jewish «pogroms», anti-Semitism, Taurida governorate, periodical press.

УДК 930/904:72.033–032.548(1–924.71)

ОБ ОДНОМ МАЛЕНЬКОМ ЮБИЛЕЕ: ИЗУЧЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО МРАМОРА В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

Хрушкова Л. Г.

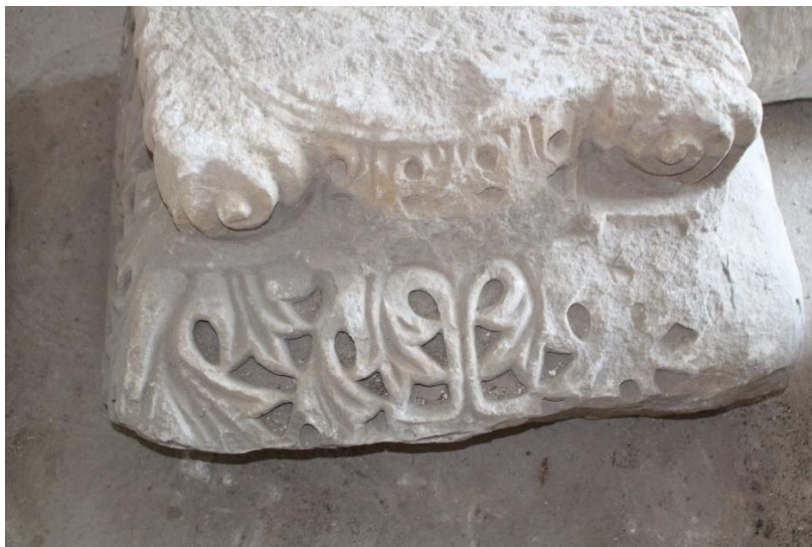
*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
E-mail: khrushkovaL@list.ru*

Обширная коллекция византийского мрамора, привезенного в Херсонес из мастерских на о. Проконнес, до сих пор остается недостаточно изученной. В 2017 г. исполнилось 90 лет публикации статьи Н. В. Измайловой (1890–1942) о группе ионических капителей-импостов, которые в последние десятилетия XIX в. были обнаружены раскопками епископской (т. н. Уваровской) базилики в Херсонесе. Эту редкую и малочисленную группу капителей Н. В. Измайлова отнесла ко второй половине V в. Как показали позднейшие исследования, предложенная дата согласуется с особенностями архитектуры епископской базилики. Вскоре, в 1929 г., появилась первая публикация студента Ленинградского университета А. Л. Якобсона (1906–1984) об одной коринфской капители с тонким зубчатым аканфом из коллекции Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Позже Якобсон станет одним из самых крупных исследователей византийского Херсона и всего Крыма. Его этюд о ранневизантийских капителях (часть монографии «Раннесредневековый Херсонес», 1959) и сейчас остается самой важной работой, опубликованной на эту тему на русском языке. Статьи Н. В. Измайловой и А. Л. Якобсона появились в трудный момент истории византийских исследований в СССР, в сталинскую эпоху. Начиная с 1927 г. византийские исследования были сильно ограничены. Издание журнала «Византийский временник» прекратилось на 20 лет. С середины 30-х гг. XX века трудности и ограничения перешли в открытые репрессии против византистов. Обобщающие труды Якобсона о византийском Херсоне появились после смерти Сталина в 50-е гг.

Ключевые слова: Крым, Херсонес, ранневизантийские капители, Проконнес, мрамор, византистика в СССР, сталинская эпоха.

Эта заметка посвящена одному неприметному юбилею. В 2017 г. исполнилось 90 лет со времени выхода в свет небольшой статьи Н. В. Измайловой о нескольких капителях из Херсонеса Таврического. Наталия Васильевна Измайлова (1890–1942) – ленинградский историк искусства, византист. Ее судьба отмечена знаками суровой эпохи. В 1912 г. Измайлова окончила Петербургский женский педагогический институт и продолжила образование в Сорбонне. С началом Первой мировой войны она вернулась на родину, в 1915 г. получила диплом Санкт-Петербургского университета, а вскоре ушла на фронт сестрой милосердия. В 1919 г. Измайлова начала работать в Российской академии истории материальной культуры (РАИМК, позже – Государственная академия истории материальной культуры, сейчас – Институт истории материальной культуры), совмещая ее с работой в Эрмитаже. Ей удалось опубликовать всего лишь две работы. Первая из них посвящена византийским печатям из РАИМК (1925 г.), вторая – капителям [6, с. 121–125]. Она была уволена из ГАИМК и Эрмитажа почти одновременно – в 1930 и 1931 гг. – «по сокращению штатов». По окончании краткосрочных библиотечных курсов стала работать в Государственной публичной библиотеке (сейчас –

Российская национальная библиотека). Скончалась Н. В. Измайлова во время блокады Ленинграда [3].



*Рис. 1. Херсонес. Ионическая капитель – импост из епископской базилики.
Мрамор, оборотная сторона (фото Л. Г. Хрушковой)*



Рис. 2. Херсонес. Ионическая капитель – импост из епископской базилики, боковая сторона. Мрамор (фото Л. Г. Хрушковой)

«Капители Измайловой»

Статья Измайловой о капителях была опубликована в Праге. После кончины Никодима Павловича Кондакова (1824–1925) [28, s. 751–754] его коллеги и ученики организовали «Семинарий Кондакова», печатным органом которого стало издание «*Seminarium Kondakovianum*. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова». В течение 1927–1940 гг. вышло 11 томов сборника. Это издание стало единственным в своем роде опытом: в нем сотрудничали исследователи, покинувшие Россию, ученые, ставшие советскими (не все по собственной воле), и византилисты Западной Европы. Первый том вышел весной 1927 г., в нем участвовали 22 русских ученых, из них половина – из СССР [2, с. 768–782].

Из многих десятков византийских капителей Измайлова избрала одну особую группу. Эти капители найдены при раскопках епископской (Уваровской) базилики. Обнаруженные в разные годы разными археологами, они оказались в разных городах. Одна из них находилась во дворе Херсонесского музея¹, там на нее и обратила внимание Измайлова (рис. 1, 2). Другая хранилась в Историческом музее в Москве. Еще две – в Одесском историческом музее. Все они принадлежат к типу ионических импостных капителей, или, по старой терминологии, «ионическо-византийских капителей». Интерес Измайловой к этим капителям можно объяснить их сложным и своеобразным декором, в котором необычно сочетаются разные типы аканфа: широколистный и тонкий зубчатый [15, с. 351–355; 32, р. 55–61].

В отличие от массы херсонесских капителей, «уваровская группа» не является заурядной стандартной продукцией. Первый исследователь архитектуры и мраморного декора ранневизантийских церквей Херсонеса Александр Львович Бертье-Делагард (1842–1920) [26, s. 168–169] настойчиво подчеркивал «архитектурное невежество и безграмотность» строителей этих базилик, крайнюю дешевизну «грубоватого и шаблонного мрамора», «этого мнимо роскошного материала», который, как и напольные мозаики, обладал «весьма слабым художественным значением» [4, с. 11–12]. Но даже и этот автор, полностью отрицавший ценность мрамора, обратил внимание на то, что две капители – особенные. Они обнаружены в 1876 г. при раскопках комплекса Уваровской базилики Одесским обществом истории и древностей и увезены в Одессу. Бертье-Делагард даже выразил непривычное для читателя его работ сожаление: «Очень небольшая часть найденного в этом храме хранится в Одессе, в музее... Особенно жаль капителей, среди которых были такие, подобных которым более не находили» [4, с. 16] (рис. 3). Случай перемещения в Одессу капителей – очень редкий. Обычно в Одессу из Херсонеса передавали материалы античной эпохи, а византийские находки, которые считались тогда менее ценными, оставляли на месте. Впрочем, в Одессе этими необычными капителями никто не заинтересовался, им пришлось ждать публикации более полувека. Четвертую капитель из этой группы в 1892 г. обнаружил К. К. Косцюшко-Валюжинич (1847–1907) во время раскопок

¹ Сейчас находится в хранилище Государственного археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Пользуюсь случаем выразить благодарность Ларисе Васильевне Седиковой за содействие в изучении византийских мраморов Херсонеса.

Уваровского комплекса и в ноябре 1895 г. передал ее в Исторический музей. Для московского экземпляра публикация Измайловой тоже стала первой (рис. 4).

Статья Измайловой написана в лучших традициях петербургского византиноведения. Это исследовательская миниатюра, в которой сжатая форма – в статье всего пять страниц – сочетается с полнотой содержания и широкой эрудицией. Капители датированы второй четвертью V в. на основании анализа эволюции аканфа в позднеантичное время («мелкозубчатый аканф чрезвычайно типичен для V в.») и близких аналогий. В частности, Измайлова верно отметила «разительное сходство» капителей из Херсонеса с импостом пилястры из базилики Св. Иоанна Предтечи Студийского монастыря (Имрахор) в Константинополе. Этот памятник сейчас точно датируется 453 г. (в то время его относили к 463 г.). И в наши дни остается актуальным наблюдение Измайловой о том, что этот вид капители «довольно редок, и каждое его появление заслуживает быть отмеченным»; «группа эта немногочисленна», такие капители бытовали «в течение очень краткого хронологического промежутка». Приведем сходное мнение современного исследователя, итальянского историка искусства Клаудии Барзанти (†2017). Она отмечает, что такие капители производились в единственной мастерской Константинополя около середины V в., прототипом для всей серии служили импосты из Студийской базилики. Капитель этого типа из константинопольской цистерны № 9 «принадлежит к хорошо известной типологии, документированной ограниченным числом экземпляров» [20, р. 156–159; 21, р. 1493] (рис. 5). На лицевой стороне импоста капителей из Уваровской базилики в центре изображен крест, вписанный в овал. Он выполнен в сложной ажурной технике: крест полностью отделен от фона и удерживается благодаря тому, что соединен сокружающими его листьями аканфа. На «уваровских» капителях, как и на большинстве других дошедших до нас экземплярах, этот хрупкий элемент утрачен. Представление об этой технике дают сохранившиеся образцы, например капитель из базилики Св. Димитрия в Фессалониках [24, taf. 34, no. 548] (рис. 6). Благодаря архивному рисунку М. И. Скубетова, Измайлова установила, что капитель, хранящаяся в Херсонесском музее, происходит из Уваровского комплекса. Кроме того, к той же группе капителей Измайлова справедливо отнесла экземпляр из Партенит, который опубликован Н. И. Репниковым [12, с. 394–395].

Измайловой в ее работе помогал крупнейший византинист, ученик Н. П. Кондакова – Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939) [25, р. 53–54]. В то время он был единственным в нашей стране знатоком ранневизантийской архитектурной пластики. Измайлова отмечает: «Среди богатых материалов по Херсонесу, собранных Д. В. Айналовым и любезно предоставленных им мне для просмотра, имеются две фотографии» с пометкой «Одесский музей, 1876 г.». Она выражает «глубокую благодарность за разрешение воспользоваться его материалом и издать эти два памятника» [6, с. 122]. Несомненно, досье Айналова по Херсонесу было весьма обширным. Впервые он обследовал Херсонес вскоре после окончания университета, в начале 90-х гг. XIX в. Уже тогда он начал составлять каталог коллекции византийских мраморов, но эта работа не была завершена. Айналов вернулся в Херсонес после более чем десятилетнего перерыва, когда по инициативе Прасковьи Сергеевны Уваровой (1840–1924) напишет первую и до сих пор единственную книгу о ранневизантийских базиликах Херсонеса.



Рис. 3. Херсонес. Ионическая капитель – импост из епископской базилики. Одесский исторический музей. Мрамор (по: Измайлова Н. В., 1927, табл. 7, 2)

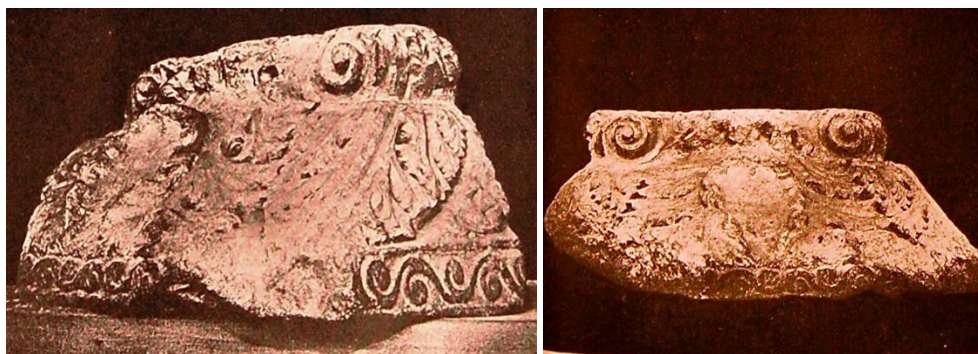


Рис. 4. Херсонес. Ионическая капитель – импост из епископской базилики. Государственный исторический музей. Мрамор (по: Измайлова Н. В., 1927, табл. 7, 4)

Книга Айналова о Херсонесе не была закончена, а упомянутый в ней каталог мраморов остался несбывшимся обещанием, о чем неизменно сожалели позднейшие авторы [14, с. 1, 18–19; 33, р. 859, 864]. В архиве Российской академии наук хранится недатированная рукопись Айналова. Это каталог из 43 предметов, но не византийских, а античных: «Мраморы Херсонесского музея. Антиki греческие и римские» [1, с. 296]. В 20-х гг. Айналов параллельно с работой в Эрмитаже состоял в ГАИМKe членом Отделения раннехристианского и византийского искусства и археологии и председателем Крымской комиссии. В 1922 г. он сделал доклад «Мраморы Херсонеса» [1, с. 283, 196]. В своей автобиографии Айналов пишет: «Составил описание мраморов Херсонеса, до сих пор неизданное... Обширный же научно обработанный каталог мраморов, готовый к печати, находится в моем портфеле». К сожалению, этот каталог никогда не был найден [1, с. 278].



*Рис. 5. Константинополь. Коринфская капитель и импост из цистерны № 9.
Мрамор (по: Barsanti С., 2013, fig. 9)*



*Рис. 6. Фессалоники. Ионическая капитель – импост из базилики св. Димитрия.
Мрамор (по: Kautzsch R., 1936, Taf. 34, No. 548)*

К концу 20-х гг. в стране изменилась политическая обстановка. Идеологические руководители считали, что византистика с ее традиционным интересом к вопросам христианской истории и культуры мало интересна марксизму. В мае 1927 г. Айналов обратился к Федору Ивановичу Успенскому (1845–1928), редактору журнала «Византийский временник», с предложением создать отдел библиографии и рецензий «в том виде, как это было в прежнее время». До Октябрьской революции Айналов опубликовал в этом журнале десятки рецензий, причем не только на книги, но и на статьи, в том числе на множество зарубежных изданий. Но «прежнее время» уже было невозвратным, идея Айналова оказалась совсем нехотана. Византийские исследования в СССР сворачивались, связи с европейскими учеными слабели, а вскоре закрыли и сам «Византийский временник». Том журнала за 1927 г., вышедший в 1928 г., стал последним перед паузой длиной в 20 лет. Советских византистов не было на II Международном византийском конгрессе в Белграде в 1927 г. – они не получили разрешения на участие в нем, несмотря на все обращения к советским властям просьбы западных ученых. Для советских византистов началась долгая полоса «невъездов» за границу. С конца 20-х гг. уже не было возможности изучать византийские памятники на месте, в частности в Малой Азии, в Стамбуле, в Греции, что очень тяжело сказалось на историко-архитектурных исследованиях в нашей стране [30, s. 264–272; 13, с. 660–663].

В 1928 г. вышел второй том *Seminarium Kondakovianum*, посвященный памяти безвременно скончавшегося петербургского историка искусства и археолога Якова Ивановича Смирнова (1869–1918) [29, s. 1172–1173] (рис. 7). В нем участвовало десять авторов из России. Как это бывало в советские времена, обычное научное издание неожиданно стало политическим событием. В некрологе, посвященном Смирнову, Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) назвал 1918 год началом «лихолетья», а Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952) – своим другом. Определение новой в истории человечества советской эры как лихолетья вызвало большое недовольство властей. Еще более раздражающим было упоминание эмигранта Ростовцева, который, действительно, занимал активную антисоветскую позицию. О смерти своего друга Я. И. Смирнова Ростовцев написал в статье под названием «Поминки (Памяти загубленных друзей и коллег)»: «Я. И. Смирнов – первая жертва большевистского голодного режима... Он жил как подвижник и умер как аскет» [7, с. 237]. Эмигрантские издания в Советском Союзе читали очень внимательно. Жебелева обвинили в «политических выпадах против СССР», и началась кампания против него и в его лице – против «старой» научной интеллигенции, которая еще не вся и не полностью разделяла марксистские идеи и вкусы.

Ленинградская и московская организации научных работников единогласно постановили исключить Жебелева из числа академиков и «выразить осуждение всем ленинградским научным работникам», принявшим участие в сборнике *Seminarium Kondakovianum*, публикация которого «приносит явный вред СССР». На заседании Президиума Академии наук постановили: «Считать, что участие советских ученых, а следовательно, и сотрудников АН СССР в каких-либо эмигрантских изданиях недопустимо» [10, с. 102–104]. Авторы сборника, среди которых были Айналов и

его ученики – историки искусства Н. П. Сычев и Л.А. Мацулевич, – вынуждены были написать заявления о том, что они ничего не знали о содержании сборника [1, с. 289–291]. «Дело Жебелева» стало сигналом, предупреждением власти о том, что интеллигенция должна быть послушной. Через несколько лет начнутся открытые репрессии. В этих условиях Н. В. Измайлова не могла продолжать свои византийские занятия. Не византийская ли тематика, ставшая неблагонадежной, послужила причиной ее увольнения из Эрмитажа и Академии истории материальной культуры? Тогда же византийская тема исчезла из работ Айналова.



Рис. 7. Я. И. Смирнов (по: *Рукописное наследие русских византистов* / под ред. И. П. Медведева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. С. 446)

Тем не менее небольшая публикация Измайловой осталась в истории отечественной византийской археологии. Впервые была индивидуализирована редкая группа ионических капителей с импостом, которые можно было бы назвать «капителями Измайловой». Якобсон в своей книге отсылает читателя к ее статье, не добавляя ничего нового [19, с. 140, 142, рис. 50]. Статью Измайловой знали и западноевропейские авторы обобщающих работ, не владевшие русским языком: Рудольф Кауч, Клаудиа Барзанте, Василика Веми [24, s. 170, no 550, 551; 20, p. 156, note 280; 34, p. 75, note 242].

«Младенческая работа»

Два года спустя после публикации статьи Измайловой вышла из печати первая научная работа Анатолия Леопольдовича Якобсона (1906–1984). Небольшая статья – в ней всего четыре страницы – «Византийская капитель VI в. из Херсонеса» появилась в университетском сборнике ленинградских «студентов-выдвиженцев» [18]. На языке той эпохи «выдвиженцы» – это студенты из скромных семей, которые своей хорошей учебой заслуживали поощрения. На пожелтевшей

обложке отдельного оттиска, который хранится в Научной библиотеке ИИМК, рукою автора написано: «Глубокоуважаемому Николаю Ивановичу Репникову – А. Л. Яковсон, 27. XII. 1931. Не судите строго – работа младенческая»¹. Когда автор писал свою первую статью, ему было немногим более 20 лет.

Внимание начинающего археолога привлекла неизданная капитель, единственная в коллекции херсонесского мрамора. Это коринфская капитель с двумя рядами тонкого зубчатого аканфа, каждый лист которой заключен в слегка удлиненную «арочку» (рис. 8). Яковсон вслед за Н. П. Кондаковым и Йозефом Стриговским (1862–1941) описывает аканф этой капители как «зубчатый, дикий аканф, пришедший из Сирии и Малой Азии». Он правомерно сопоставляет его с аканфом «так называемых феодосианских капителей Херсонеса», которые тогда были, «к сожалению, не изданы». Добавим, что несколько «так называемых феодосианских капителей» еще не были и открыты. Через несколько лет они будут обнаружены раскопками Григория Дмитриевича Белова (1898–1979) в комплексе «базилики 1935 г.».



*Рис. 8. Херсонес. Коринфская капитель с тонким зубчатым аканфом.
Мрамор (фото Л. Г. Хрушковой)*

¹ Библиотека ИИМК, Санкт-Петербург. Пользуюсь случаем поблагодарить Льва Михайловича Всевиова, который отыскал этот ветхий оттиск с автографом Яковсона в фонде Репникова (Ф. Р–66).

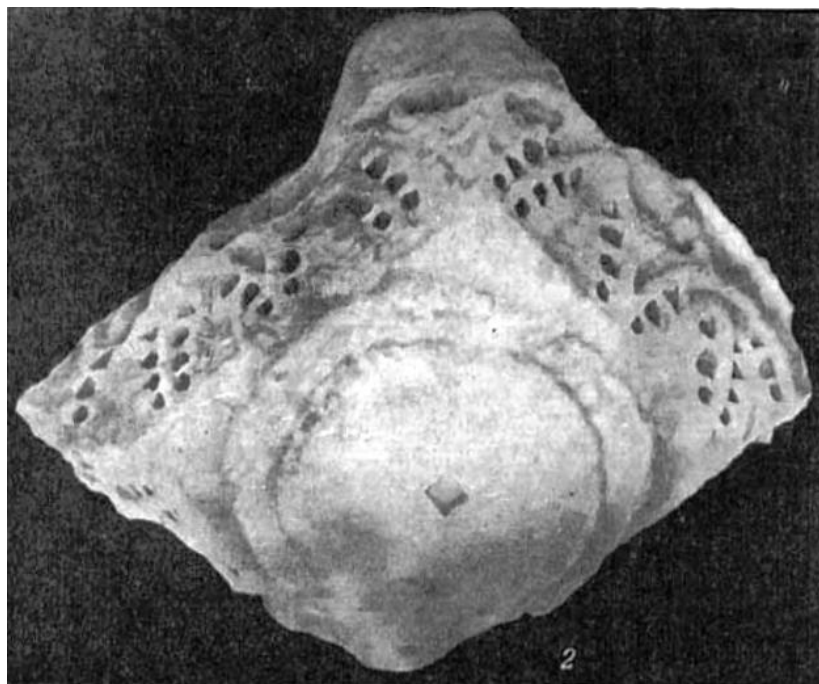


Рис. 9. Херсонес. Импостная капитель. Мрамор (по: Якобсон А. Л., 1959, рис. 47, 2)

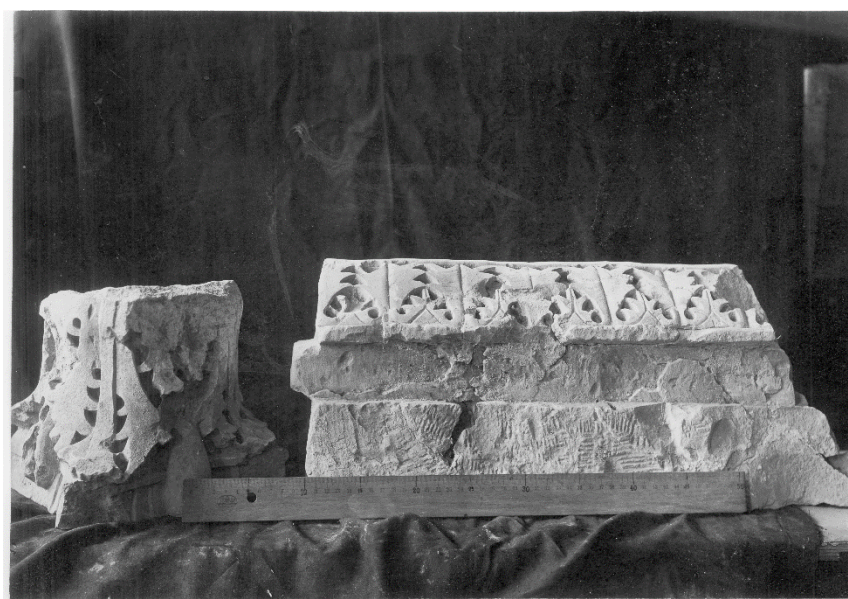


Рис. 10. Мангун. Капитель и фрагмент фриза (?). Известняк
(Рукописный отдел Научного архива ИИМК, ф. 35, 1938, д. 235, л. 182)

А. Л. Якобсон сосредоточил внимание на эволюции позднеантичного аканфа, «а вместе с ним, в сущности, и всего византийского декоративного искусства». В херсонесской капители аканф превращается «в своего рода орнамент. Натурализм феодосианской капители исчез совершенно». Якобсон относит капитель из Херсонеса к VI в., отмечая, что она, «в сущности, уникальна». Он упоминает еще одну утраченную капитель из Херсонеса, известную по фотографии. Стиль этой капители отражает завершение, «некий конечный момент развития этого рода декорации, прошедшей путь от еще живой натуралистической формы уже к вполне условно трактованной: лист превратился в ячейку орнаментального пояса, один над другим окружающего капитель».

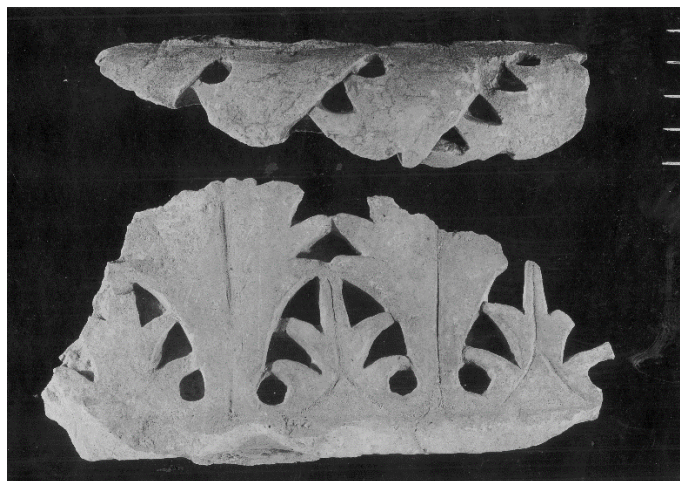
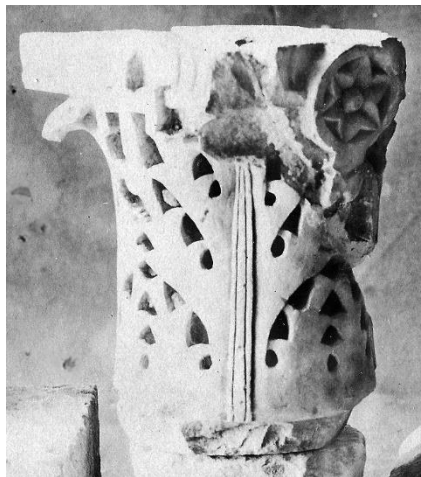


Рис. 11. Мангун. Архитектурные детали. Известняк (Рукописный архив ИИМК, ф. 35, 1938, д. 235, л. 183)

Научным руководителем или консультантом студента Якобсона мог быть Д. В. Айналов. Из всех русских византинистов конца XIX – первых десятилетий XX в. Айналов, знаток херсонесского мрамора, широко применял методы тонкого стилистического анализа. Именно наблюдения над стилем аканфа послужили основой для выводов статьи Якобсона. Самое вероятное, что Айналов и показал Якобсону фотографию утраченной капители, которая нашлась среди его обширных херсонесских материалов. Очевидно, что уже к 20-м гг. прошлого века коллекция мраморов Херсонеса понесла потери.

Оценивая статью студента Якобсона сейчас, мы видим, что она отнюдь не была «младенческой». Эволюция аканфа, согласно современным представлениям, в значительной мере определила изменения стиля архитектурного декора в позднеантичную эпоху. Якобсон точно употребляет типологическое определение композитной капители с тонким зубчатым аканфом, принятое и сейчас: «так называемая феодосианская капитель». Это определение сейчас стало нормативным в значительной мере благодаря широко известной обобщающей монографии

Рудольфа Кауча [24, с. 115–152; 11, с. 177–179]. Якобсон справедливо обратил внимание на необычность этой изящной капители «с арочками», которая существенно отличается от массовой проконнесской продукции, поступавшей в Херсонес.



*Рис. 12. Мангун. Четырехлистная капитель из раскопок А. И. Маркевича.
Известия (по: Смірнов Р. П., 2010, с. 95)*



*Рис. 13. Константинополь. Композитная капитель с тонким зубчатым аканфом
из базилики Студийского монастыря.
Мрамор (по: Kautzsch R., 1936, Taf. 17, No. 434)*

Якобсон закончил свою статью в сентябре 1928 г., а в следующем месяце началось «дело Жебелева», эффективная акция устрашения интеллигенции. Молодой автор, едва сделавший первый шаг на своем профессиональном пути, сразу попал в крайне суровый для византийских исследований климат. Не случайно его первая статья, которая стала удачным началом, не нашла продолжения в ближайшие годы. Начиная с 1935 г., Якобсон участвует в экспедиции Белова, которая на протяжении многих лет изучала Северный район Херсонеса. Эти раскопки открыли важную серию капителей разных типов, которые украшали «базилику 1935 г.», в том числе и три т. н. феодосианские капители V в. В 1938 г. Мария Александровна Тиханова (1898–1981) выявила во время раскопок Мангупской базилики элементы декора из проконнесского мрамора и местные подражания им [9, с. 334–389]. Якобсон на Мангупе вел обмеры базилики и хорошо знал эти находки.



*Рис. 14. Херсонес. Композитная капитель с тонким зубчатым аканфом.
Мрамор (фото Л. Г. Хрушковой)*

Таким образом, в 30-е гг., помимо старой коллекции мраморов Херсонеса, благодаря раскопкам накапливался новый материал, который специально интересовал Якобсона. Но он вернется к византийскому мрамору только десятилетия спустя, в монографии 1959 г. А за это время произойдут большие изменения в политическом климате страны. Прежде всего радикально изменится политика Сталина по отношению к Русской православной церкви. В 1943 г. будет восстановлено патриаршество, через несколько лет – вновь разрешена византистика, в 1947 г. возобновлен журнал «Византийский временник» [13, с. 657–672; 31, с. 134–143]. В этой новой обстановке, сразу после смерти Сталина,

в 1953 г. выйдет первая монография Якобсона о Херсонесе – «Средневековый Херсонес», а через несколько лет и вторая – «Раннесредневековый Херсонес», которая станет, вероятно, самой читаемой книгой по истории города. И в ней читатель встретит «старых знакомых», о которых много лет ничего не было слышно: «капители Измайловой» и капители «с арочками».



*Рис. 15. Херсонес. Композитная капитель с тонким зубчатым аканфом.
Мрамор (фото Л. Г. Хрушковой)*



*Рис. 16. Мангуп. Четырехлиственная капитель с тонким зубчатым аканфом.
Мрамор (по: Смірнов Р. П., 2010, с. 94)*

В монографии 1959 г. Якобсон вернется к коринфской капители «с арочками», указывая более широкий круг аналогий и, конечно, уже опираясь на исследование Кауча [19, с. 136, рис. 47]. Здесь он публикует утраченную капитель, упомянутую 30 лет назад (рис. 9). Это импост, возможно, с утраченной верхней частью. Сохранился один ряд аканфа, по два листа на каждой грани, с полулистьями на углах. Капитель существенно отличается от коринфской капители с листьями в «арочках»: на этом импосте видим дальнейшую эволюцию аканфа или, точнее, его деградацию. Здесь листья изображены в виде нерасчлененной треугольной лопасти, слитой с плоскостью; по краям листьев сверлом высечены треугольные и прямоугольные отверстия; рисунок несимметричный, нерегулярный, спутанный, в особенности в изображении угловых полулистьев. И сама «арочка», повторяя форму листа, приобрела подтреугольную форму. Едва ли мастер капители уже имел представление об аканфовом листе. Здесь геометризованный лист создает абстрактный узор, образованный ритмом отверстий. Его действительно можно считать конечной фазой эволюции аканфа, как в свое время думал Якобсон.



*Рис. 17. Иерусалим. Композитная капитель с тонким зубчатым аканфом.
Мрамор (по: Kautzsch R., 1936, Taf. 27, No. 447)*

Местные мастера, высекавшие капители из известняка, копировали упрощенные формы зубчатого аканфа, при этом упрощая их еще более. Трактовку аканфа, очень сходную с описанным импостом, видим в деталях декора из Мангупской базилики. Тиханова обнаружила малую четырехлистную капитель,

карниз и другие детали, выполненные из известняка. Она уверенно датировала их VI в., в чем можно не сомневаться [9, рис. 39 а, в, г, 42] (рис. 10, 11). На этих деталях видим близкую к мраморному импосту из Херсонеса стилистическую манеру: плоские, неотогнутые, обобщенно-геометрической формы листья, уже мало похожие на аканф, украшены по краям дырочками различных форм. Несмотря на большую простоту исполнения, резчику удалось добиться главного: создать впечатление ажурности, пестроты, эффекта света и тени, напоминающие мраморные т. н. феодосианские капители с тонким зубчатым аканфом. Известна еще одна небольшая четырехлистная капитель из известняка, хранящаяся в Бахчисарайском музее-заповеднике [17, рис. 10]. Стиль ее исполнения так близок к капители из раскопок Тихановой, что ее можно считать происходящей из Мангупа и выполненной «мангупским мастером». Раскопки А. И. Маркевича на Мангупе обнаружили еще одну малую четырехлистную капитель из известняка, очень похожую на капители из раскопок Тихановой и из Бахчисарайского музея (рис. 12).



*Рис. 18. Иерусалим. Коринфская капитель с тонким зубчатым аканфом.
Мрамор (no: Kautzsch R., 1936, Taf. 27, No. 449)*

Благодаря книге Якобсона коллекция мрамора из Херсонеса стала известна западному читателю. Клаудиа Барзанти, которая была одним из лучших знатоков византийского мраморного декора, включила Херсонес в свою обзорную работу о мраморах в понтийском регионе. Не имея возможности осмотреть мраморы на месте, она воспроизвела до двух десятков капителей из Херсонеса, в их числе и обе

капители «с арочками» [20, р. 148, fig. 73]. Работа Барзанти вышла 60 лет спустя после статьи Якобсона. В ней приведено множество аналогий для капителей всех типов, однако не для капители «с арочками». Это действительно редкая форма, что и подчеркнул в свое время юноша Якобсон. К херсонесскому экземпляру очень близка фрагментированная капитель, найденная в 1982 г. во дворе библиотеки комплекса Топкапы-Сарай в Стамбуле. Нижний ряд этой капители составляют семидольные листья тонкого зубчатого аканфа, заключенные в двойную овальную рамочку, слегка отогнутую и отстающую от корпуса [20, fig. 72]. Эта форма несомненно константинопольского происхождения.



*Рис. 19. Херсонес. Коринфская капитель с тонким зубчатым аканфом.
Гос. Эрмитаж. Мрамор (фото Л. Г. Хрушковой)*

Обе капители «с арочками» Якобсон датировал VI в. Для импоста с очень упрощенным листом аканфа эта дата вполне приемлема. Однако коринфская капитель, где видим четко вырезанный ажурный лист тонкого зубчатого аканфа, более ранняя, она относится скорее к последним десятилетиям V в. У нее пятидольный лист тонкого зубчатого аканфа вырезан четко и детально. Трактровка аканфа здесь действительно близка к аканфу т. н. феодосианских капителей. Листья отогнуты, поэтому в нижнем ряду аканфа «арочка» выступает вперед, как бы прикрывая лист. Поскольку корпус капители круглый, ее углы на переходе к квадратному основанию абак оформлены листиками плюща, которые хорошо видны снизу. Абак с выступающими шишками на середине каждой стороны украшен мотивом чешуек [11, с. 186–187, рис. 9].

Для датировки важно отметить, что наша капитель «с арочками» генетически тесно связана с композитными капителями с тонким зубчатым аканфом («феодосианскими»). Мотив «арочек» восходит к форме т. н. «двойного» листа тонкого зубчатого аканфа, которую видим на композитных капителях, отличающихся особой тщательностью и тонкостью исполнения. Лучшим образцом этой изысканной формы являются капители нартекса церкви Студийского монастыря 453 г. У них каждый лист аканфа в обоих рядах окружен дополнительным рядом мелких листиков, четко отделенных рядом круглых дырочек. Эти листики образуют своеобразный бордюр, окружающий семидольный лист аканфа с мелкими зубцами. Создается впечатление двух листьев, наложенных один на другой, эта форма и получила название «двойного листа». Кауч особо отмечает «новый стиль» капителей Студия [24, s. 135, taf. 27, no. 434] (рис. 13).

Тенденция к геометризации листа аканфа постепенно превращает бордюр «двойного листа» в удлиненную «арочку», в рамку, дважды обводящую лист. Этой особенностью и отличается «капитель Якобсона». В Херсонесе есть композитные капители с «двойным листом» тонкого зубчатого аканфа, хотя здесь этот лист не столь ажурный и пышный, как на студийских капителях. В экспозиции Херсонесского музея-заповедника находятся две композитных капители из «базилики 1935 г.». У обеих в верхнем ряду помещен ряд пятидольных листьев тонкого зубчатого аканфа, окруженных мелкими листиками. Капители датируются второй половиной V в. [11, с. 180–183] (рис. 14, 15). Того же времени фрагментированная четырехлистная капитель с двумя рядами аканфа, происходящая из Мангула (сейчас – в коллекции Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского). Верхний ряд этой капители утрачен, а в нижнем расположены «двойные» листья аканфа, у которых центр ясно отделен от бордюра мелких листиков [8, с. 94] (рис. 16).

Приведем примеры сходных капителей с двумя рядами тонкого зубчатого аканфа в «арочках» как у «капители Якобсона». Капители колонок окна в апсиде церкви Св. Димитрия в Фессалониках являются обычным композитом [24, taf. 27, no. 443]; у капители из Иерусалима под абаком помещены маленькие фигурки орлов [24, taf. 27, no. 449, s. 138–139] (рис. 17). Особенно выразителен другой пример константинопольского импорта в Иерусалим. У этой капители в верхнем ряду расположены «двойные листья» аканфа, а в нижнем – такие же семидольные листья тонкого зубчатого аканфа, но окруженные «арочками» [24, taf. 27, no. 447, s. 138] (рис. 18). Это сосуществование разных форм листа аканфа на одном изделии, несомненно, указывает на то, что наша капитель «с арочками» относится к тому же времени, что и стандартные композитные капители с тонким зубчатым аканфом. Всю серию коринфских капителей с тонким зубчатым аканфом, включая капители «с арочками», Кауч датировал временем между 460 и 490 гг. [24, s. 139].

К капители «с арочками» из Херсонесского музея добавим недавно опубликованную небольшую капитель колонки алтарной преграды, которая хранится в Эрмитаже (рис. 19). Ее обнаружил Г. Д. Белов в 1978 г. в Северном районе Херсонеса, недалеко от базилики 1935 г. У капители отбит верх, в нижнем ряду расположено шесть пятидольных листьев «в арочках»; нижний диаметр

составляет 23,5 см [11, с. 182, рис. 10]. Как и на «капители Якобсона», отогнутые и слегка заостренные вверху листья аканфа обведены двойным ободком. Она датируется тем же временем – последними десятилетиями V в. Эти две капители, одинаковые по стилю, но разных модулей, относились к одному декоративному ансамблю.

«Капитель Измайловой» и «капитель Якобсона» в наши дни

Какое отражение нашли опубликованные А. Л. Якобсоном и Н. В. Измайловой капители в археологии Херсонеса последнего десятилетия?

К сожалению, в крымской историографии последних лет статья Измайловой оказалась почти забытой. Так, по мнению И. А. Завадской, Измайлова отнесла Уваровскую базилику к V в. на основании капителей [23, р. 17]. В действительности же Измайлова присоединяется к мнению Косцюшко-Валюжинича о датировке базилики концом VI – началом VII в. А. Бернацкому содержание статьи Измайловой осталось неизвестным. Он не указывает место находки капители Херсонесского музея, не упоминает обоснованную Измайловой дату и не приводит публикации Измайловой и Якобсона, в которых капитель опубликована [22, s. 193, tabl. 93, 129/973].

В каталоге херсонесского мрамора А. Бернацкого коринфская капитель «с арочками» ошибочно включена в группу композитных капителей с тонким зубчатым аканфом. Но она не может быть композитной, потому что у нее отсутствует ионический элемент. Бернацкий относит капитель к «композиционно-феодосианским» (*kompozytowe-teodozjańskie*), используя устаревший термин конца XIX в., – это та же «*das theodosianische Komposit kapitell*» Йозефа Стриговского. В другом месте книги Бернацкого та же капитель названа «коринфско-феодосианской с ажурными волютами» (*kapitel koryncki-teodozjański za żurowymi wolutami*) [22, s. 41, 282, tabl. 65], однако у этой капители нет волют.

Значительная часть капителей Херсонеса объединяется в однородные серии. Это свидетельствует против мнения А. Л. Бертье-Делагарда о том, что в Херсонес везли мрамор устаревший, вышедший из моды в столице, случайные вещи, кое-как набранные из старых построек. Уровень стандартизации херсонесских мраморов, напротив, говорит о том, что ансамбли мраморного декора заказывали для вновь строящихся церквей, которые не были отделены друг от друга значительным хронологическим промежутком.

Список использованных источников и литературы

1. Анфертьева А. Н. Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив / А. Н. Анфертьева // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. – С. 259–312.
Anfert'eva A. N. D. V. Aynalov: Zhizn', tvorvchestvo, arkhiv / A. N. Anfert'eva // Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge / Pod red. I. P. Medvedeva. – Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Dmitriy Bulanin», 1995. – S. 259–312.
2. Басаргина Е. Ю. Археологический институт им. Н. П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*): по материалам архивов Праги / Е. Ю. Басаргина // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2004. – С. 766–811.

- Basargina E. Yu. Arkheologicheskiy institutim. N. P. Kondakova (Seminarium Kondakovianum). Po materialam arkhivov Pragi / E. Yu. Basargina // Mir russkoy vizantinistiki : Materialy arkhivov Sankt-Peterburga / Pod red. I. P. Medvedeva. – Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Dmitriy Bulanin», 2004. – S. 766–811.
3. Башурова О. А. Наталья Васильевна Измайлова: [Электронный ресурс] // URL: www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1013. – Дата обращения: 19. 11. 2017.
- Bashurova O. A. Natal'ya Vasil'evna Izmaylova : [Elektronnyy resurs] // URL: www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1013. – Data obrashcheniya : 19. 11. 2017.
4. Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России: Раскопки Херсонеса / А. Л. Бертье-Делагард // Материалы по археологии России. – 1893. – № 12. – С. 1–75.
- Bert'e-Delagard A. L. Drevnosti Yuzhnoy Rossii : Raskopki Khersonesa / A. L. Bert'e-Delagard // Materialy po arkheologii Rossii. – 1893. – № 12. – S. 1–75.
5. Жебелев С. А. Яков Иванович Смирнов / С. А. Жебелев // *Seminarium Kondakovianum*. – 1928. – 2. – С. 1–16.
- Zhebelev S. A. Yakov Ivanovich Smirnov / S. A. Zhebelev // *Seminarium Kondakovianum*. – 1928. – 2. – S. 1–16.
6. Измайлова Н. В. Византийская капитель в Херсонесском музее / Н. В. Измайлова // *Seminarium Kondakovianum*. – 1927. – № 1. – С. 121–125.
- Izmailova N. V. Vizantiyskaya kapitel' v Khersonesskom muzeem / N. V. Izmailova // *Seminarium Kondakovianum*. – 1927. – № 1. – S. 121–125.
7. Ростовцев М. И. Поминки (памяти загубленных друзей и коллег) / Ростовцев М. И. // *Современные записки*. – 1920. – № 2. – С. 235–241.
- Rostovtsev M. I. Pominki (pamyati zagublennykh друзей i kolleg) / M. I. Rostovtsev // *Sovremennye zapiski*. – 1920. – № 2. – S. 235–241.
8. Смирнов Р. Скульптура та архітектурний декор (IV – перша половина XVI ст.) / Р. Смирнов // *Історія українського мистецтва : У 5 т. / Гол. ред. Г. Скрипник ; За ред. Л. Ганзенко та ін. – Київ : НАН України; ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2010. – С. 87–112.*
- Smirnov R. Skul'ptura ta arkhitekturniy dekor (IV – persha polovina XVI st.) / R. Smirnov // *Istoriya ukrains'kogo mistetstva : U 5 t. / Gol. ped. G. Skripnik ; Pid red. L. Ganzenko ta in. – Kiiv : NAN Ukraïni ; IMFE im. M. T. Ril's'kogo, 2010. – S. 87–112.*
9. Тиханова М. А. Мангуп: Отчеты (раскопки 1938 г.): Базилика / М. А. Тиханова // *Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп) / Отв. ред. Е. Ч. Скржинская. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 334–389. (Материалы и исследования по археологии СССР, 34.)*
- Tikhanova M. A. Mangup :Otchety (raskopki 1938 g.) :Bazilika/ M. A. Tikhanova// *Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup) / Otv. red. E. Ch. Skrzhinskaya. – Moskva ; Leningrad : Izdatel'stvo AN SSSR, 1953. – S. 334–389. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 34.)*
10. Тункина И. В. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук / И. В. Тункина // *Скифский роман / Ред. Г. М. Бонгард-Левин. – Москва: РОССПЭН, 1997. – С. 84–124.*
- Tunkina I. V. M. I. Rostovtsev i Rossiyskaya Akademiya nauk / I. V. Tunkina // *Skifskiy roman / Red. G. M. Bongard-Levin. – Moskva: ROSSPEN, 1997. – S. 84–124.*
11. Хрушкова Л. Г. Проконнесский мрамор в Херсонесе Таврическом: Капители с тонким зубчатым аканфом / Л. Г. Хрушкова // *ВВ. – 2011. – № 70. – С. 174–191.*
- Khrushkova L. G. Prokonnesskij mramor v Khersonese Tavricheskom: Kapiteli s tonkim zubchatym akanfom / L. G. Khrushkova // *VV. – 2011. – № 70. – S. 174–191.*
12. Хрушкова Л. Г. Базилика в Партенитах (Южный Крым): Мог ли быть в ней похоронен епископ Иоанн Готский? / Л. Г. Хрушкова // *Климентовский сборник : Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011) / Под ред. Т. Ю. Яшаевой. – Севастополь: Телескоп, 2013. – С. 384–408.*
- Khrushkova L. G. Bazilika v Partenitakh (Yuzhnyy Krym): Mog li byt v nej pokhoronen episkop Ioann Gotskiy? / L. G. Khrushkova // *Klimentovskiy sbornik : Materialy VI Mezhdunarodnoy konferentsii «Tserkovnaya arkheologiya: Khersones – gorod svyatogo Klimenta» (Sevastopol, 2011) / Podred. T. Yu. Yashaevoy. – Sevastopol: Teleskop, 2013. – S. 384–408.*

13. Хрушкова Л. Г. Христианская, церковная и византийская археология: Историография XV – начала XXI в. / Л. Г. Хрушкова // Введение в историю Церкви: Ч. 2. Обзор историографии по общей истории Церкви / Под ред. В. В. Симонова. – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 446–686.
Khrushkova L. G. Khristianskaya, tserkovnaya i vizantiiskaya arkheologiya: Istoriografiya XV – nachala XXI v. / L. G. Khrushkova // Vvedenie v istoriyu tserkvi : Ch. 2. Obzor istoriografii po obshche istorii tserkvi / Pod. red. V. V. Simonova. – Sankt-Peterburg: Aleteya, 2015. – S. 446–686.
14. Хрушкова Л. Г. Византийская архитектура Херсонеса Таврического: история изучения, методы и результаты / Л. Г. Хрушкова // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2016. – № 6, 1. – С. 9–46.
Khrushkova L. G. Vizantiyskaya arkhitektura Khersonesa Tavricheskogo: istoriya izucheniya, metody i rezul'taty / L. G. Khrushkova // Voprosy vseobshchey istorii arkhitektury. – 2016. – № 6, 1. – S. 9–46.
15. Хрушкова Л. Г. Епископская базилика Херсонеса Таврического: методы изучения, результаты, современный взгляд / Л. Г. Хрушкова // Владимирский сборник: Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения» / Отв. ред. В. В. Майко и Т. Ю. Яшаева. – Калининград: ИД «РОС-ДООАФК», 2016. – С. 327–435.
Khrushkova L. G. Episkopskaya bazilika Khersonesa Tavricheskogo : metody izucheniya, rezul'taty, sovremennyy vzglyad / L. G. Khrushkova // Vladimirskiy sbornik : Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy «I i II Svyato-Vladimirskie chteniya» / Otiv. red. V. V. Mayko i T. Yu. Yashaeva. – Kalinigrad : Izdatel'skiy dom «ROS-DOAFK», 2016. – S. 327–435.
16. Хрушкова Л. Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма / Л. Г. Хрушкова // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского, серия «Исторические науки». 2016. – 2 (68), 2. – С. 137–162.
Khrushkova L. G. Rannevizantiyskie kap ugie element arkhitekturnogo dekora iz Yugo-Zapadnogo Kryma / L. G. iteli i dr Khrushkova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo, seriya «Istoricheskienauki». 2016. – 2 (68), 2. – S. 137–162.
17. Хрушкова Л. Г. Ранневизантийский архитектурный декор (история изучения и современное состояние) / Л. Г. Хрушкова // Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и Полис: Севастополь, 29 мая – 3 июня 2017 г.: Материалы научной конференции. – Севастополь, 2017. – С. 119–123.
Khrushkova L. G. Rannevizantiyskiy arkhitekturnyi dekor (istoriya izucheniya i sovremennoe sosotoyanie) / L. G. Khrushkova // Vizantiyskiy seminar ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiya i Polis : Sevastopol', 29 maya – 3 iunya 2017 g. : Materialy nauchnoy konferentsii. – Sevastopol', 2017. – S. 119–123.
18. Якобсон А. Л. Византийская капитель VI в. из Херсона / А. Л. Якобсон // Сборник работ студентов – выпускников факультета истории, языка и материальной культуры Ленинградского государственного университета. – Л.: 1929, май. – С. 24–27.
Yakobson A. L. Vizantiyskaya kapitel' VI v. iz Khersona / A. L. Yakobson // Sbornik rabot studentov – vudvizhentsev fakul'teta istorii, yazyka i material'noy kul'tury Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. – Leningrad : 1929, may. – S. 24–27.
19. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес / А. Л. Якобсон. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 363 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР, 63).
Yakobson A. L. Rannesrednevekovyj Khersones / A. L. Yakobson. – Moskva ; Leningrad : Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. – 363 s. – (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 63).
20. Barsanti C. L'esportazione di marmi dal Proconesso nelle regione pontiche durante il I–VI secolo / C. Barsanti // Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte. 1989. – III, XII. – P. 91–220.
21. Barsanti C. Le cisterne bizantine di Istanbul: Nuovi dati sulla scultura dal V al VII secolo : La cisterna n. 9 (la c. d. Cisterna della Scuola) / C. Barsanti // Acta XV Congressus internationalis archaeologiae christianae : Toleti (8-12. 09. 2008) : Episcopus, civitas, territorium. P. II / Ed. O. Brandt et al. – Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 2013. – P. 1481–1496.
22. Biernacki A. B. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonesu Taurydzkiego / A. B. Biernacki. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2009. – 328 s.
23. Buchwald H., Zavadskaya I. Early Christian basilicas in Crimea and their numeric proportion / H. Buchwald, I. Zavadskaya // МАИЭТ. – 2013. – № 18. – P. 14–48.

24. Kautzsch R. Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom vierten bis siebenten Jahrhundert / R. Kautzsch. – Berlin ; Leipzig, 1936. – [Repr. : Berlin, 1970]. – 240 s.
25. Khrushkova L. G. D. V. Ajnalov / L. G. Khrushkova // S. Heid, M. Dennert (Hg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie / L. G. Khrushkova. – Regensburg: Schnell und Steiner, 2012. – Bd. 1. – S. 53–54.
26. Khrushkova L. G. A. L. Berthier-Delagarde / L. G. Khrushkova // S. Heid, M. Dennert (Hg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. – Regensburg: Schnell und Steiner, 2012. – Bd. 1. – S. 168–169.
27. Khrushkova L. G. Chersonesus in the Crimea : Early Byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves / L. G. Khrushkova // The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history / Ed. G. R. Tsetschladze. – Oxford, 2012 (BAR International Series, 2432). – P. 129–140.
28. Khrushkova L. G. N. P. Kondakov // S. Heid, M. Dennert (Hg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. – Regensburg: Schnell und Steiner, 2012. – Bd. 2. – S. 751–754.
29. Khrushkova L. G. J. I. Smirnov / L. G. Khrushkova // S. Heid, M. Dennert (Hg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. – Regensburg: Schnell und Steiner, 2012. – Bd. 2. – S. 1172–1173.
30. Khrushkova L. G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (4. Folge) / L. G. Khrushkova // Römische Quartalschrift. 2013. 108, 3–4. – S. 254–287.
31. Khrushkova L. G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (5. Folge) / L. G. Khrushkova // Römische Quartalschrift. – 2014. – № 109, 1–2. – S. 134–165.
32. Khrushkova L. The Bishop's Basilica ("Uvarov's") of Chersonesos in the Crimea. The Modern View after a Century and a Half of Study // Archaeologia Bulgarica. – 2017. – № 2. – P. 27–78.
33. Khrushkova L. The Study of the Early Byzantine Architecture of Chersonesus in the Crimea: Progress or Dead End? / L. G. Khrushkova // Hortus Artium Medievalium. – 2017. – № 23. – P. 856–872.
34. Vemi V. Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne / V. Vemi. – Athènes; Paris: École Française d'Athènes, 1989. – 243 p. (Bulletin de Correspondance Hellénique, Suppl. XVII.)

Khrushkova L. G. On a small anniversary: in regards to the history of the studying Byzantine marbles of the Tauric Chersonese

The large collection of Byzantine marbles brought to Chersonese from the workshops on the island Prokonnesos still have not been studied well. We might commemorate the year 2017 as the ninetieth anniversary of the publication of the paper by Natalia V. Izmailova (1890–1943) addressing the group of Ionic capitals-imposts, which were discovered in the last decades of the 19th century during the excavations of the Episcopal (so-called Uvarov's) basilica in Chersonese. This uncommon and small-numbered group of capitals had been dated by Izmailova to the second half of the 5th century. As it was shown by later studies this dating corresponds with the features of the architecture of the Episcopal basilica. In 1929 a student of the Leningrad University Anatoly L. Yakobson (1906–1984) published his first work on a Corinthian capital with fine-toothed acanthus from the collection of The State Historical and Archaeological Museum-Preserve «Tauric Chersonese». Later Yakobson became one of the most famous researchers of the Byzantine archaeology of Chersonand all the Crimea. His essay on the early Byzantine capitals (the part of the monograph «Early Medieval Chersonese», 1959) has till now been the most important work published on this topic in Russian. The papers by Izmailova and Yakobson were issued in the very difficult period of the history of the Byzantine studies in the USSR, that is in the Stalin epoch. Since 1927 the Byzantine studies was severely restricted. The publication of the magazine «Vizantiyskiy Vremennik» (*Byzantina Xronika*) ceased for twenty years. Since the mid-1930-s the obstacles and restrictions turned to direct persecutions of Byzantinists. Yakobson's books which summarized the results of the researches of the Byzantine Cherson was published after the death of Stalin, in the 1950-s.

Keywords: Crimea, Chersonesus, Early byzantine capitals, Prokonessos, marble, Byzantine Studies in URSS, Stalinian Era.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бонч-Осмоловская Ольга Андреевна	аспирант Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).
Задерейчук Алла Анатольевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Задерейчук Иван Афанасьевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Симферополь, Российская Федерация).
Кравчук Александр Сергеевич	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Лейбенсон Юлия Тарасовна	аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Марциновский Павел Николаевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Мельник Элеонора Валерьевна	кандидат исторических наук, доцент Уральского института Государственной противопожарной службы Министерства чрезвычайных ситуаций (Екатеринбург, Российская Федерация).
Могаричев Юрий Миронович	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (Симферополь, Российская Федерация).

Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения; директор Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Павленко Алексей Павлович	кандидат исторических наук, преподаватель Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург, Российская Федерация).
Прохоров Дмитрий Анатольевич	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Хрушкова Людмила Георгиевна	доктор исторических наук, профессор кафедры истории Церкви исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Бонч-Осмоловская О. А.

Концепция «восприятия вещей» (感物 гань у) в китайской философии
и культуре: истоки концепции 3

Задерейчук А. А., Задерейчук И. П.

Организация системы немецкого женского образования в Крыму
в конце XIX – начале XX века 18

Кравчук А. С.

Салгирская опытная помологическая станция: страницы истории 29

Лейбенсон Ю. Т.

Как узнать философа: συχήμα интеллектуала в мемориальной скульптуре
античных городов Северного Причерноморья 43

Марциновский П. Н.

Постоялые дворы и время перемен: местные органы власти Таврической
губернии и новое положение о трактирных заведениях (1859–1860) 71

Мельник Э. В.

«У кого учинится пожар, тому от великого государя быть
в суровой опале...»: эволюция пожарной охраны России в XVII в. 85

Могаричев Ю. М.

К истории изучения пещерных сооружений горного
Юго-Западного Крыма: А. С. Уваров о происхождении
скальной архитектуры Таврики 94

Непомнящий А. А.

«Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»:
К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921)..... 111

Павленко А. П.

Севастопольские меньшевики в 1917 г. 123

Прохоров Д. А.

Проблема еврейских погромов в Российской империи
и общественное мнение (по материалам газеты «Таврида») 137

Хрушкова Л. Г.

Об одном маленьком юбилее: изучение византийского мрамора
в Херсонесе Таврическом. 147

Сведения об авторах 169